

Ленинградский государственный университет  
имени А.С. Пушкина

# **Вестник**

Ленинградского государственного университета  
имени А.С. Пушкина

*Научный журнал*

**№ 5**

**Том 2**

**серия филология**

Санкт-Петербург  
2009

**Вестник**  
**Ленинградского государственного университета**  
**имени А.С. Пушкина**  
*Научный журнал*

№ 5  
Том 2  
**серия филология**  
Основан в 2006 году

---

Учредитель: Ленинградский государственный университет имени А.С. Пушкина

*Редакционная коллегия:*

В. Н. Скворцов, доктор экономических наук, профессор (главный редактор);  
Л. М. Кобрина, доктор педагогических наук, доцент (зам. гл. редактора);  
Н. В. Поздеева, кандидат географических наук, доцент (отв. секретарь);  
Л. Л. Букин, кандидат экономических наук, доцент;  
Т. В. Мальцева, доктор филологических наук, профессор;  
Г. П. Чепуренко, доктор педагогических наук, профессор

*Редакционный совет:*

Т. А. Галушко, доктор филологических наук, профессор;  
Т. Я. Гринфельд-Зингурс, доктор филологических наук, профессор;  
Е. И. Колесникова, кандидат филологических наук, доцент;  
О. Н. Морозова, кандидат филологических наук, доцент;  
С. А. Семячко, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник;  
И. Б. Смирнов, кандидат педагогических наук, доцент (отв. за выпуск);  
Л. И. Харченкова, доктор педагогических наук, профессор;  
Г. Д. Чеснокова, кандидат филологических наук, доцент;  
С. С. Шимберг, кандидат филологических наук, доцент;  
В. А. Ямшанова, доктор филологических наук, профессор

**Журнал входит в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, определенных Высшей аттестационной комиссией Министерства образования и науки Российской Федерации**

Отв. редактор А. А. Беляева  
Редактор А. А. Титова  
Технический редактор Е. В. Дворецкая  
Свидетельство о регистрации: **ПИ № ФС77-23714**  
Подписной индекс Роспечати: **36224**

Адрес редакции:  
196605, Россия, Санкт-Петербург,  
г. Пушкин, Петербургское шоссе, д.10  
тел. / факс: (812) 476-90-34  
[http: // www.lengu.ru](http://www.lengu.ru)

© Ленинградский государственный  
университет (ЛГУ)  
имени А. С. Пушкина, 2009

## СОДЕРЖАНИЕ

### **КОГНИТИВНАЯ ЛИНГВИСТИКА**

С.И. АГАГЮЛОВА.....	7
Образное восприятие концепта «Интернет» в профессиональном языковом сознании	
А.М. ЗНАМЕНСКАЯ.....	17
Реализация языковой игры в окказиональном словообразовании: фоносемантический и когнитивный аспекты (на материале англоязычных произведений научной фантастики)	
Н.А. КАТРЕЧКО.....	30
«Справедливость» как «равенство» в немецких толковых словарях и в понимании современных носителей немецкого языка	
В.В. МЕНЯЙЛО.....	45
Концепт в культуре и в тексте (на материале произведений Дж. Фаулза)	
Е.С. МИГРОВА.....	56
Диалектика концепта «чудо» в немецком языке	
Л.Ю. РЕЗНИЧЕНКО.....	70
Фразеологическая концептуализация понятия «малость/димиинутивность» в английском, немецком и русском языках	
М.В. СЕМЕНИХИНА.....	90
Анализ лексико-семантического поля древнерусских слов «шатание» и «мятежь» через их греческие эквиваленты (на материале древнерусского перевода «Истории Иудейской войны» И. Флавия)	
Ю.В. СЕРГАЕВА.....	99
Проблема оптимизации номинации в процессе словотворчества (на материале английских имен групп)	

### **ПРАГМАЛИНГВИСТИКА**

Е.Н. ГАЛИЧКИНА.....	112
Статус блога как феномена сетевой компьютерной коммуникации	
А.В. ГОЛОДНОВ.....	122
Специфика реализации персуазивной стратегии оценочного информирования в различных типах текста риторического метадискурса	

Т.В. ДУБРОВСКАЯ.....	135
О речевом взаимодействии судьи с представителями обвинения и защиты в жанре судебного допроса	

### **ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЯ**

Б.А. АГАРЗАЕВА.....	148
Лингвокультурологическое своеобразие фразеологизмов с компонентами «голова» и «сердце» (на материале русского и лезгинского языков)	
М.М. МАГАМЕДОВА.....	158
Этнокультурная специфика гендерно-детерминированной «женской» лексики лезгинского и русского языков	
Ю.Л. САПОЖНИКОВА.....	169
Религия хозяев VS вера рабов в «Случаях из жизни девушки-рабыни» Гарриет Джейкобс	

### **ГРАММАТИКА**

М.О. ТАИРОВА.....	185
Участие долгих гласных в выражении пространственной семантики в рутульском языке	
Е.В. ТОЛСТОЛУЦКАЯ.....	194
Средства связности в текстах малого формата французских письменных СМИ	

### **ЛИНГВОДИДАКТИКА И МЕТОДИКА ОБУЧЕНИЯ ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ**

Х.М. МАГОМАЕВА, З.Б. ТЕМИРХАНОВА.....	203
Современные трактовки концепта времени и возможности их использования в обучении выражению временных отношений при изучении категории времени английского глагола	
И.Б. СМИРНОВ.....	217
Проявление интерференции культурно-страноведческого характера в учебной коммуникации	
С.И. ТАНБИЕВА.....	223
Построение дидактических моделей для реализации занятия по иностранному языку на основе Интернет-технологий	
<b>НАШИ АВТОРЫ.....</b>	<b>235</b>

## CONTENTS

### **COGNITIVE LINGUISTICS**

S.I. AGAGYULOVA.....	7
Figurative perception of the concept <i>Internet</i> in professional linguistic consciousness	
A.M. ZNAMENSKAYA.....	17
The realization of world play in occasional word-formation: phono- semantic and cognitive aspects (on the base of English science fiction texts)	
N.A. KATRECHKO.....	30
Fairness as equality in German explanatory dictionaries and in mod- ern native speakers' interpretation	
V.V. MENYAJLO.....	45
Concept in culture and text (on the base of novels by John Fawles)	
E.S. MIGROVA.....	56
Concept «miracle» in German	
L.Y. REZNICHENKO.....	70
Phraseological conceptualization of «smallness / diminutiveness» in English, German and Russian	
M.V. SEMENIKHINA.....	90
The analysis of lexical-semantic field of words «revolt» and «uncertainty» through their Greek equivalents (on the base of the old Russian translation of «the Judaic War History» by I. Flavij)	
Y.V. SERGAEVA.....	99
English group names: the problem of optimal nomination	

### **PRAGMALINGUISTICS**

E.N. GALICHKINA.....	112
Status of blog as a phenomenon of Internet computer communication	
A.V. GOLODNOV.....	122
Peculiarities of realization of the persuasive strategy «evaluating information» in different text types which belong to the rhetorical discourse	
T.V. DUBROVSKAYA.....	135
Speech interaction between the judge and lawyers of prosecution and defence in the genre of courtroom examination	

## **LINGUISTIC CULTUROLOGY**

B.A. AGARZAEVA.....	148
Lingvocultural specificity of phraseological units with components <i>head</i> and <i>heart</i> (in Russian and Lezgin)	
M.M. MAGOMEDOVA.....	158
Ethnocultural specificity of the gender-determined «female» lexicon in Lezgin and Russian	
Y.L. SAPOZHNIKOVA.....	169
Religion of the masters VS faith of the slaves in «Incidents in the life of a slave girl» by H. Jacobs	

## **GRAMMAR**

M.O. TAIROVA.....	185
The role of the long vowels in expression of spartial semantics in dialects of the Rutul language	
E.V. TOLSTOLUTSKAYA.....	194
Means of coherence in small formatated texts of the French press	

## **THEORY AND METHODOLOGY OF TEACHING FOREIGN LANGUAGES**

H.M. MAGOMAEVA, Z.B. TEMIRKHANOVA.....	203
Modern treatments of the concept <i>time</i> and possibility of their use in training to express the time relations at studying the category of tense of the English verb	
I.B. SMIRNOV.....	217
Manifestations of interferation of cultural and country's study character in training communication	
S.I. TANBIEVA.....	223
Building of didactic models for foraign language lessons on the base of the Internet technology	
<i>About authors</i> .....	235

# КОГНИТИВНАЯ ЛИНГВИСТИКА

УДК 81'23  
ББК 81.002.3

С.И. Агаюлова\*

## ОБРАЗНОЕ ВОСПРИЯТИЕ КОНЦЕПТА «ИНТЕРНЕТ» В ПРОФЕССИОНАЛЬНОМ ЯЗЫКОВОМ СОЗНАНИИ

Ключевые слова: ассоциативный эксперимент, концепт, образно-перцептивный компонент, профессиональное языковое сознание, смысловые зоны; *associative experiment, concept, figurative perceptual component, professional linguistic consciousness, semantic fields.*

*В статье рассматривается образное восприятие концепта «Интернет» в профессиональном языковом сознании, которое изучается экспериментально, в частности, при помощи ассоциативного эксперимента. В проведенном эксперименте приняли участие представители русской и американской лингвокультур, являющиеся профессиональными пользователями сети Интернет. Для уточнения образно-перцептивного компонента концепта «Интернет» были проанализированы короткие сочинения, раскрывающие представления информантов о данном концепте. Анализ сочинений позволил выделить различные мотивы пользования Интернетом и общее восприятие сети. В результате анализа содержания ассоциативного поля ключевой леммы было выделено несколько смысловых зон концепта «Интернет».*

*The article is devoted to the consideration of figurative perception of the concept "Internet" in professional linguistic consciousness, which is studied experimentally, particularly by means of an associative experiment. The experiment was carried out among representatives of the Russian and American lingvoculture, who are professional users of the Net. To specify the figurative perceptual component of the concept Internet short essays on the topic were analyzed that reveal their idea of the concept. Analyzing the essays different reasons to use the Internet and general perception of the Net were distinguished. As a result of the content research of the associative sphere of the key lexeme several semantic fields were singled out.*

---

\* Агаюлова Светлана Исламовна, Астраханский государственный университет

Языковое сознание – это часть сознания, обеспечивающая механизмы речевой деятельности. Оно изучается через семантику языковых единиц, которые материализуют его в процессе номинации и коммуникации [5, с. 31]. Языковое сознание изучается экспериментально, в частности, при помощи ассоциативного эксперимента, который позволяет реконструировать различные связи языковых единиц в сознании и выявить характер их взаимодействия в различных процессах понимания, хранения и порождения речевых произведений. Профессиональное языковое сознание – психолингвистическая модель, реконструирующая совокупность основных образов сознания, формируемых и материализуемых с помощью профессионально ориентированных языковых средств.

Профессиональное языковое сознание (модель) отражает профессионально ориентированную часть сознания (феномена), содержащего совокупность когнитивных образований, преломляющих знания, мнения, впечатления, возникающие у индивидов по поводу специфической (профессиональной) области действительности. В формировании феномена участвуют профессионально ориентированные когнитивные структуры, возникающие под влиянием ассоциативных механизмов, связывающих концептуальную область и способы ее вербального означивания с помощью терминоориентированных языковых единиц [4].

В процессе работы на компьютере и при общении специалистов в этой области или пользователей между собой возникает необходимость создания особого языка, понятного всем пользователям компьютеров. Специфика профессиональной сферы, связанная с принципиально новой техникой и деятельностью с ее привлечением, привела к возникновению новых терминов, которые

включены в специальные словари: Англо-русский толковый словарь по системотехнике ЭВМ (1993), Коваленко (1994), Лемешко et al. (1998), Словарь по информатике (1991), Webster's New World Dictionary of Computer Terms (1993) и др.

При изучении концепта исследование образного содержания логически обосновано. С.В. Воркачев считает, что именно образный компонент, фиксирующий когнитивные метафоры, поддерживающие концепт в сознании, отличает концепт от понятия, лишенного наглядности, раскрывает его этнокультурную специфику. [1, с. 7]. Мы придерживаемся точки зрения В.И. Карасика, который понимает образную составляющую как след чувственного представления в памяти в единстве с метафорическими переносами [2, с. 27].

При выявлении образно-перцептивных характеристик использовались анализ материалов коротких эссе на тему концепта, раскрывающих представления информантов об этом концепте, и интерпретативный анализ контекста, в котором употребляются наименования концепта [2, с. 56-57].

Для уточнения образно-перцептивного компонента концепта «Интернет» мы обратились к информантам с заданием написать короткое сочинение, в котором раскрывается представление о данном концепте. В исследовании приняли участие по 100 представителей англоязычной и русскоязычной лингвокультур разных возрастных категорий (от 17 до 40 лет), которые являются профессиональными пользователями Интернет технологий.

Анализ сочинений позволил выделить различные мотивы пользования Интернетом и общее восприятие сети.

В результате анализа содержания ассоциативного поля ключевой лексемы было выделено несколько смысловых зон концепта

«Интернет». В профессиональном языковом сознании, как и в обиходном языковом сознании, актуализируются такие смысловые зоны, как:

1) «Интернет – источник информации» / «Internet is a source of information» (library, book, TV, encyclopedia, dictionary, picture gallery);

2) «Интернет – средство общения» / «Internet is means of communication» (e-mail, forum);

3) «Интернет – это развлечение» / «Internet is an entertainment» (dating agency, club, music, films);

4) «Интернет – вместительница» / «Internet is a container» (a box, a drawer of the desk, trash can);

5) «Интернет – место купли-продажи» / «Internet is a place of selling and buying» (shopping mall, hypermarkets, shops, flea market);

6) «Интернет – это сообщество» / «Internet is a community» (adults, men, women, to log on, *people* on the net, millions of netizens).

Самым актуальным значением является «Интернет – источник информации» / «Internet is a source of information». Большинство представителей обеих лингвокультур сравнивали Интернет с огромной библиотекой («*a huge library*»), телевизором или книгой, так как в Интернете содержится большое количество информации, в том числе и электронные варианты документов, книг, рукописей, фильмов, видео файлов на различные темы:

*«It can be compared with the library, cause of great amount of containing information», «It can be compared to books and TV, because all of them are different kinds of information sources», «Интернет – это огромнейшая библиотека – качай, что хочешь».*

Важной для испытуемых оказалась смысловая зона «Интернет – средство общения» / «Internet is means of communication». Интернет предоставляет широчайшие технические возможности для общения. Кроме того, в Интернете сравнительно легко найти людей со схожими интересами и взглядами на мир. При описании Интернета отмечается его необходимость и важность в современном мире, так как Интернет необходим людям для общения:

*«Already the Internet, a worldwide network of computers linked by telephone lines, allows 30 million people not only to communicate with one another but to tap into conferences, news services and even concerts».*

Выделяется смысловая зона «Интернет – это развлечение» / «Internet is an entertainment», так как Интернет предоставляет его пользователям неограниченные возможности в сфере развлечений от онлайн игр до скачивания фильмов или музыки на любой вкус:

*«Moreover, the Internet allows people to download services such as music and films».*

Одним из распространенных ответов в настоящее время является сравнение Интернета с клубом знакомств («*dating agency, club*»), в связи с появлением в Интернете различных сайтов знакомств:

*«Internet becomes more and more like a dating agency because of a lot of sites where you can find single girls or boys and get acquainted with any of them».*

Смысловая зона «Интернет – вместилище» / «Internet is a container, в которой Интернет сравнивается с ящиком или коробкой, наполненной различного рода содержанием, может быть рассмотрена на следующих примерах:

*«Internet is a box filled with some strange stuff – you put your hand inside and you never know what you pull out of there...», «Internet is like the drawer of my desk – if you want to find something concrete and put your hand there, you can find something different, not the thing that you are looking for, but something awfully interesting», «Интернет – это вместилуше гигантских объемов информации, постоянно перемещаемой на тысячи километров и непрерывно пополняемой терабайтами свежих файлов».*

В то же время Интернет сравнивают с мусорной корзиной (*«trash can»*), так как он содержит много ненужной информации, рассылок.

Можно выделить смысловую зону «Интернет – место купли-продажи» / *«Internet is a place of selling and buying»*, в которой Интернет сравнивают с местом, где происходит процесс купли-продажи. Некоторые респонденты сравнивали Интернет с галереей магазинов, с крупным торговым комплексом (*«shopping mall, hypermarkets, shops»*) с блошиным рынком, барахолкой (*«flea market»*), так как у любого есть возможность найти и купить все, что угодно (*«you can find and buy almost everything»*).

Выделяется смысловая зона «Интернет – это сообщество» / *«Internet is a community»*. Интернет сравнивается с населенным местом, отмечая, кто в нем живет, кто чаще его посещает. Примечательно, что среди пользователей Интернета больше мужчин, чем женщин, и по мере увеличения возраста уменьшается их численность:

*«Men are more likely to have surfed the Net than women, with 52 per cent of men compared to 39 per cent of women hav-*

*ing logged on at home or at work», «The Internet, like the old west, is populated mostly by men... Fewer women than men ride the Infobahn».*

Необходимо отметить, что только профессиональные пользователи сети Интернет упоминают так называемых граждан сети – netizens:

*«The best way of finding good things on the net is to find good people on the net. With millions of netizens and growing, the Internet is bound to contain someone who shares your interest».*

Лексема «netizen», которая образовалась путем соединения лексем citizen (гражданин) и net (сеть), имеет два значения: 1) любой, вошедший в Интернет больше 1 раза; 2) регулярный пользователь Сети (буквально «гражданин сети»). Русский эквивалент «сетянин» образован при помощи того же суффикса «-ин», что «землянин» и «россиянин», то есть сетянин – это гражданин Интернета:

*«Сетянин – это гражданин сети. Это люди, которые получают удовольствие от свободного использования Интернета и понимают, что Интернет предоставляет новый уровень возможности общения».*

Однако, профессиональное языковое сознание, в отличие от обиходного, характеризуется наличием таких смысловых зон, как:

1) «Интернет – это образ жизни» / «Internet is a way of life» (a life itself);

2) «Интернет – это наркотик» / «Internet is a drug» (overuse, influence);

3) «Интернет – это технологии» / «Internet is technology»;

4) «Интернет – источник неограниченных возможностей» / «Internet is an unlimited source of possibilities»;

5) «Интернет – это место работы» / «Internet is a place of work».

Многие респонденты сравнивают Интернет с жизнью, «Интернет – это образ жизни» / «Internet is a way of life», так как они не мыслят себя вне сети, и современную жизнь невозможно представить без Интернета:

*«When I think about Internet, I imagine a life itself, because it's so tightly coupled together», «Ночь, я, комп и Интернет по модемному соединению...».*

Отмечается так же, что Интернет оказывает негативное влияние на человека, меняя его жизнь. В связи с этим выделяется смысловая зона «Интернет – это наркотик» / «Internet is a drug». Многие респонденты сравнивали Интернет с наркотиком, отмечая, что тот, кто попробовал Интернет однажды, не сможет без него больше жить (*«If you taste it once you can't do without it any more», «Я подсел на аську»*), что вызывает так называемую интернет-зависимость.

Интернет включает все современные технологические разработки, технические изобретения, поэтому необходимо выделить смысловую зону «Интернет – это технологии» / «Internet is technology»:

*«I imagine a series of tubes», «I then think of electronics. In particular, purchasing of flat-screen monitors», «Какое количество людей в тот же момент, что и я, сидят в Интернете и нагло скачивают нелегальные программы, а также я представляю себе вирусы, которые попадают в мой компьютер каждую минуту».*

Большинство информантов в своих ответах указывало названия различных сайтов, поисковых систем и т.д.:

*«Когда я думаю о нем, сразу приходит на ум ICQ, vKontakte, odnoklassniki, Mail.ru, Yandex и чаты, чаты, чаты...».*

Интернет является источником неограниченных возможностей, «Интернет – источник неограниченных возможностей» / «Internet is an unlimited source of possibilities», облегчая жизнь и помогая людям в решении многих проблем:

*«When I think about the Internet I think of limitless possibilities. I use it for work, home, and recreation. I think you can learn about anything on the internet. In the US we use it to order food, buy tickets, talk to friends, and watch videos. I think in today's society it is very difficult to live here without using the internet», «Надо прокачать перса до 15 левела, но надо еще и купить броньку, желательно м3. Также надо посмотреть нетулиновых писем в контактах. И еще надо поставить фильмы на закачку».*

Многие программисты, компьютерщики, не говоря уже о хакерах, считают Интернет местом работы, поэтому смысловая зона «Интернет – это место работы» / «Internet is a place of work» является одним из главных компонентов образного восприятия концепта «Интернет»:

*«Ночь, я, комп и Интернет по модемному соединению... – так я работаю всегда».*

Как отмечается в некоторых примерах, Интернет был задуман для «телекомьютинга», то есть режима дистанционной (надомной) работы сотрудника, связывающегося с офисом по компьютерной сети:

*«The Internet revolution was supposed to encourage "telecommuting", armchair shopping and stay-at-home entertainment. It has increased mobility by inducing more people to live out of town and thus spend ever more time at the wheel of a vehicle».*

Таким образом, можно сделать вывод, что в профессиональном языковом сознании носителей англоязычной и русской лингвокультур возникают различные ассоциации к концепту «Интернет». В результате проведенного анализа было выделено 11 смысловых зон, 6 из которых находят выражение и в обиходном языковом сознании («Интернет – источник информации», «Интернет – средство общения», «Интернет – это развлечение», «Интернет – вместилище», «Интернет – место купли-продажи», «Интернет – это сообщество»), а 5 смысловых зон («Интернет – это образ жизни», «Интернет – это наркотик», «Интернет – это технологии», «Интернет – это место работы», «Интернет – источник неограниченных возможностей») являются отличительной особенностью образного восприятия профессиональных пользователей. Сообщения информантов отличаются экспрессивностью, использованием сокращений, терминов, невербальных средств общения («смайлики», знаки препинания). Русскоязычные сочинения характеризуются употреблением английских понятий в традиционной (транскрипция, транслитерация, калька) или преобразованной форме (фонетическая деформация транскрибированных и транслитерированных заимствований).

#### СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

[1] – Воркачев С.Г. Оценка и ценность в языке: Избранные работы по испанистике: монография / С.Г. Воркачев. – Волгоград: Парадигма, 2006.

[2] – Карасик В.И., Прохвачева О.Г., Зубкова Я.В., Грабарова Э.В. Иная ментальность / В.И. Карасик, О.Г. Прохвачева, Я.В. Зубкова, Э.В. Грабарова. – М.: Гнозис, 2005.

[3] – Карасик В.И. Языковые ключи / В.И. Карасик. – Волгоград: Парадигма, 2007.

[4] – Маслоу А. Мотивация и личность // Пер. А.М. Татлыбаевой. Терминологическая правка В. Данченко. – К.: PSYLIB, 2004 // [www.psylib.ukrweb.net/books](http://www.psylib.ukrweb.net/books)

[5] Попова З.Д., Стернин И.А. Семантико-когнитивный анализ языка. – Воронеж: Изд-во «Истоки», 2007.

[6] Шейгал Е.И. Компьютерный жаргон как лингвокультурный феномен // Языковая личность: культурные концепты: Сб. науч. тр. / ВГПУ, ПМПУ. – Волгоград – Архангельск: Перемена, 1996.

УДК 811.111'23

ББК 81.002.3

**А.М. Знаменская\***

## **РЕАЛИЗАЦИЯ ЯЗЫКОВОЙ ИГРЫ В ОККАЗИОНАЛЬНОМ СЛОВООБРАЗОВАНИИ: ФОНОСЕМАНТИЧЕСКИЙ И КОГНИТИВНЫЙ АСПЕКТЫ (на материале англоязычных произведений научной фантастики)**

Ключевые слова: звукоизобразительность, звукоподражание, иллокуционное намерение, концепт, лингвокреативность, окказиональное словообразование, фонемотип, фоностема, языковая игра; *concept, linguistic creativeness, occasional word-formation, onomatopoeia, phonemotype, phonostheme, sound imitation, word play.*

*В данной работе феномен языковой игры и словотворчество рассматриваются с точки зрения фоносемантики и когнитивной лингвистики. Анализ окказиональных слов в произведениях научной фантастики позволяет сделать следующие выводы: 1) окказионализмы, выполняющие номинативную функцию, создаются в процессе языковой игры по существующим словообразовательным моделям, «при участии» явления звукоизобразительности, способствующей прогнозированию семантики новообразования; 2) в процессе номинации автор переносит личный концептофонд в сферу произведения, что объясняется ментальностью человека.*

*The phenomenon of word play and word creating is considered in this article according to the theory of phonosemantics and cognitive linguistics. In the result of the analysis of the occasional words in the texts of science fiction were made such conclusions: 1) the occasional words are created according to standard word formation models in the result of word play. Sound symbolic and onomatopoeic elements contained in the structure of the occasional word help*

---

\* **Знаменская Алла Михайловна**, Государственная полярная академия, Санкт-Петербург

*to forecast the meaning of the word; 2) nominating the objects of fiction worlds the author uses his/her own mental schemes.*

Язык – одна из семиологических систем, являющаяся основным и важнейшим средством общения членов данного человеческого коллектива, для которых эта система оказывается также средством развития мышления, передачи от поколения к поколению культурно-исторических традиций [15]. Природа языкового знака предполагает наличие в нем плана выражения (фонемного состава) и плана содержания (внутренней формы). По мнению А.А. Потебни, ощущение внутренней формы слова предполагает способность индивида осознать связь между звучанием слова и его смыслом [11]. Аналогичную мысль содержит и теория фонем Н.Я. Марра и Л.В. Щербы, звуки речи / фонема – не всякий звук, а лишь такой звук, который улавливается говорящими как особый типовой звук, свойственный данному коллективу и содействующий различению смысла [14]. По И.А. Бодуэну-де Куртенэ, смысловоразличительная функция фонемы реализуется в ходе определенных психических актов [9], что подтверждает важность человеческого фактора в языке, так как для того, чтобы понять и познать язык, необходимо обратиться к его носителю – человеку, говорящей, мыслящей личности. Языковая прагматика исходит от человека, его потребностей, мотивов, целей, намерений и ожиданий, от его практических и коммуникативных действий, лингвистического инстинкта, от коммуникативных ситуаций, в которых он участвует как инициатор и лидер, либо как исполнитель второй роли. В связи с этим, представляется целесообразным изучение феномена языковой игры и словотворчества с учетом лингвокреативной личности с точки зрения фоносемантики и когнитивной лингвистики.

Известно, что мир репрезентирован, отражен в сознании человека в виде определенных структур знания, концептов, «идеальных, абстрактных единиц, смыслов, которыми человек оперирует в процессе мышления. Концепт – оперативная содержательная единица мышления, единица или квант структурированного знания» [16]. Концепты, имеющиеся у человека и вербализуемые в языке, существуют не в изолированном виде, а вступают во взаимоотношения друг с другом, и эти отношения описываются в терминах когнитивной лингвистики когнитивными структурами. Семантические аспекты ментальности обусловлены присущими сознанию интенциональностью и субъективностью, наличием фонового знания, т.е. знания реального мира, знания о мире, представления о контекстах высказывания и о речевых действиях. Все, что человек воспринимает, понимает, помещено для него в определенные рамки значений, подвергается своего рода априорному означиванию, позволяющему обрабатывать информацию тем или иным способом. Порождение высказываний связано с процессом номинации. Когнитивные процессы учитываются в коммуникативной прагматике за счет выявления наиболее типичных структур, вызывающих определенные когнитивные реакции. Всякое коммуникативное действие представляет собой реализацию тех или иных коммуникативно-когнитивных структур – фреймовые модели, содержащие информацию социокультурного характера, или знания о том, что Витгенштейн называл «языковыми играми» [3]. Для понимания текста, речи, любого сообщения имеет значение то, как автор послания и реципиент моделируют знания о мире. Общение оказывается возможным только при наличии в сознании каждого говорящего, в его картине мира неких смысловых, информационных «фреймов». Фреймы способствуют адекватной когнитивной обработ-

ке типичных ситуаций, связности текста, обеспечивают контекстные ожидания, дают возможность прогнозирования предстоящих событий на основе ранее встречавшихся. В основе порождения и понимания речи лежат не только абстрактные знания о стереотипных событиях и ситуациях – как в ментальных моделях, но и личностные знания носителей языка, аккумулирующие их предшествующий индивидуальный опыт, установки и намерения, чувства и эмоции. Направленность на понимание есть необходимое условие человеческого общения. Сосредоточенность на интенции собеседника, на том, что он хочет выразить, способствует успешному пониманию речевого высказывания.

Языковая игра (далее – ЯИ), трактуемая как совокупность игровых манипуляций с языком – его лексическими, грамматическими и фонетическими ресурсами, «намеренно осознаваемая и допускаемая говорящим», имеет место в том случае, если реципиент информации будет понимать иллокутивное намерение говорящего, и то, что это «нарочно так сказано», иначе он оценит соответствующее выражение просто как неправильность [12]. Основополагающим принципом языковой игры Т.А. Гридина считает креативность речемыслительной деятельности и дает следующее определение: «ЯИ – это разновидность речемыслительной деятельности, использующая лингвистический инстинкт, лингвистическое чутье говорящих, и требующая от них решения эвристических задач» [5]. ЯИ представляет собой варьирование языковых знаков (плана выражения и / или плана содержания) участниками акта коммуникации с целью самовыражения, эмоционального воздействия на адресата, получение удовлетворения от коммуникативного успеха. К примерам ЯИ относятся: переосмысление существующих слов на основе фонетиче-

ских, фоносемантических ассоциаций, привлечение окказиональных неологизмов, контаминация, словосложение, аффиксация, редупликация, «акцентировка звукописи, аллитерация, игровое использование графики, сознательное нарушение орфографии и пунктуации, иноязычные вкрапления, сознательно не поясняемые в тексте или вступающие в игровые отношения друг с другом или с основным массивом текста» [13].

Если рассматривать языковую игру, одним из механизмов которой является окказиональное словообразование, являющееся актом индивидуально-авторского словотворчества, с позиций фоносемантики, то так называемыми «мини / фонетическими фреймами» могут выступить «фонестемы» (фонема, «фонемотип» или комплекс фонем, общий для группы слов и имеющий общий элемент значения или функцию [4]) с закрепленными в сознании носителей языка значением и звукоизобразительными ассоциациями. Наличие фонестем, обладающих ассоциативным потенциалом, в звукоизобразительных словах, выступая в качестве возбудителя определенных эмоций, выводит эти слова на экспрессивный уровень и позволяет декодировать семантику окказионального новообразования. Любое словоупотребление и номинация предполагают раскрытие в предмете качеств и свойств, относящих его к той или иной категории. Существует тенденция выражать близкие значения тождественными и типологическими звуковыми комплексами, корреляция должна проявляться в системе уже сложившихся имен и учитываться при создании новых имен. Констатировать квазимузыкальное воздействие повторяющихся букв и звуковых комплексов и наличие мотивированной связи между значением слова, фонетическим обликом и объектом, позволяют исследования в области фоно-

семантики, целью которой является «изучение звукоизобразительности как необходимой, существенной, повторяющейся и относительно устойчивой произвольной фонетически мотивированной связи между фонемами слова и полагаемым в основу наименования признаком объекта-денотата» [4]. Фоносемантика занимается изучением звукоизобразительной (далее – ЗИ) (звукоподражательной и звуко-символической) системы языка. В отличие от большинства языковых единиц, звукоподражания (далее – ЗП) представляют собой иконические знаки, т.е. знаки, непосредственно воспроизводящие существенные признаки. Звуковой символизм (далее – ЗС) – «предполагаемое наличие у некоторых звуков речи способности непосредственно соответствовать тем или иным представлениям» [15]. Артикуляция звукоподражательного слова с физической точки зрения аппроксимированно воспроизводит природный процесс, производящий звук. Такие ассоциации человек хранит в своем подсознании и извлекает их, используя в языке [6]. Став компонентом коллективного коммуникативного опыта, звукоизобразительные слова еще больше укрепляют звуко-сочетательную модель и могут стать продуктивной основой построения новых слов по той же фоно-семантической модели с тем же оценочным значением [2]. В этом случае «новые имена не придут в противоречие со сложившимися ассоциациями» и тем самым получают повышенную вероятность эффективного функционирования [10].

В рамках данной работы мы рассмотрим окказиональные новообразования звукоизобразительного характера, являющиеся конечным продуктом языковой игры на материале текстов научной фантастики. Особенность жанровой специфики требует от писателей словотворчества и языковой игры – приемов, необходимых для опи-

сания вымышленных миров, и раскрывающих способности человека к лингвокреативному мышлению. По предположению Э.Г. Аветяна, в самом начале языкотворчества человек создает «метки для мыслей» [1]. Можно предположить, что так называемыми «метками для мыслей» при образовании ЗИ окказиональных слов становятся те самые фонемотипы и ЗИ ассоциации, содержащиеся в сознании носителей языка, и извлекаемые при необходимости номинации, на основе типичных слов. Коммуникативная задача автора – максимально реалистично описать действительность в романах, пользуясь средствами языка, передать психо-эмоциональное состояние персонажей. Языковые средства, необходимые как для описания вымышленных миров, так и для воздействия на адресата сообщения, «могут брать не только количеством, но и умением» [6], выбираются и комбинируются они писателями в зависимости от жанровых особенностей произведения. Значительный пласт лексики в романах научной фантастики представлен окказиональными образованиями, представляющими интерес для исследователя.

Материалом для данного исследования послужили окказиональные новообразования из произведений англоязычной фантастики [17; 18; 19].

Представленные примеры ЗИ окказиональных образований можно классифицировать по-разному.

#### Окказионализмы со звукоизобразительным элементом:

Зоонимы: «*Ravenous Bugblatter Beast*» («жукообразная прожорливая тварь») – сложное аллитерированное окказиональное сочетание, образованное путем словосложения и аффиксации: «bug»+«blat» (от *blatant* – *ужасный, вопиющий*) + -er; «*PanGalactic Gargle Blasters*» («пангалактический» / «всегалактический» крепкий

алкогольный напиток) – рифмованно-интонируемое сочетание, содержащее аллитерацию: «gargle» – «спиртное», «blasters» – от гл. «to blast» («взрывать»), являющегося звукоподражательным, имеет в переводном варианте название «Мозгобойный» и «Грызлодер». Окказионализм «*slyph-like maximegalacticans*» («русалкообразные жители планеты») образован путем аффиксаций, однако, первая – с помощью суффикса –like, а вторая – с помощью префиксов *maxi-* и *mega-*. «*Earthlings*» («землюдки») – окказионализм, созданный путем аффиксации (суффикс –ling). С фоносемантической точки зрения звукокомплекс *rthl* выражает пейоративность, что отражено и в переводе [18].

Имена собственные (названия некоторых планет, народов, персонажей), представленные фонетическими и лексическими окказионализмами, переведены с помощью транскрипции и транслитерации.

Антропонимы: Инопланетные расы: *Vogons*, *Dentrassi*, *Azagoths*. Топонимы: Названия планет: *Betelgeuse*, *Damogran*, *Bethselamin*, *Hrung*, *Kakrafoon*, *Kria*, *Fallia*, *Megabrantis cluster* – Скопление Мегабрантис, *Santruginus*, *Alpha Proxima*.

Некоторые окказионализмы внутри контекста произведения становятся производными «*Oglaroon*» («Огларун») и образуют другие: «*Oglaroonian*» («оглоед»), представляющий название жителей данной планеты, образован аффиксальным способом с помощью суффикса –ian; «*oglanut*» («оглорех»): при словослиянии лексемы «nut» с «*oglaroon*». Личные имена: *Roosta*, *Trin Tragula*, *Gargravarr*, *Hadra*, *Sulijoo*, *Zarquon*, *Zaphod Beeblebrox*, *Prostetnic Jeltz* – окказионализмы, созданные в результате игры с фонемами. Следующие имена собственные можно назвать «говорящими»: *Grunthos Flatulent*

(«Грантос Газоносный», «Изящнейший Хряк») («grunt» («хрюканье»), «flatulent» – вызывающий газы (мед.); страдающий от газов; напыщенный, претенциозный); *Hotblack Desiato* («Жармрак Дезиато») – имя наделено экспрессией и эмоциональностью, оно предполагает наличие у его обладателя страстного, вспыльчивого характера, в то время как сам герой является апатичным, скучным, безмолвным. Ирония передается за счет несоответствия имени характеру персонажа [18]. «*The Lalamatine*» [18] – значение данного новообразования выясняется из контекста: это район для бесед и спокойного отдыха, название которого имеет звуко-символический характер: благодаря преимуществу альвеолярных согласных и редупликации создается эффект певучести, оказывающий квазимузыкальное воздействие.

Окказионализм «*Vogsphere*» («Вогшар» / «Вогсфера»), образованный от окк. *vogons*, ставшего продуктивным в рамках контекста («*Vogsol sun*» «*Vogonity*» – «нация, душа, сущность Вогонов»), можно отнести к экстракинесемизмам, обозначение округлости, шарообразности обеспечивается наличием в слове [o]. Говоря об «отвратительности поэзии Вогонов», автор при создании слов их речи, использует необычные (аномальные) сочетания звуков, которые трудны для восприятия и вызывают негативную реакцию благодаря наличию в их составе фрикативных, лабиальных и латеральных звуков: «*fretted gruntbuggly*», «*plurdled gabbleblotchits*», «*foonting turlingdromes*» «*hooptiously*», «*drangle*», «*bindlewurdles*», «*gobberwarts*», «*blurplecruncheon*» [18]. Лексикон вымышленного народа передается переводчиком набором бессмысленных, непонятных для восприятия слов [17].

По способу словообразования: Квазипредметы: Следующую группу представляют окказионализмы, созданные Д. Адамсом [18]

путем словослияния, являющиеся названиями приспособлений и предметов, образованные путем словослияния по схеме N...+ O +...Adj. (Matic): «*Sens-O-Matic*» – слово, образованное в результате словослияния: «sense» («чувство, ощущение») + «automatic» – перевод которого создан путем сращения – «чуткомат»; «*News-Matic*» («news» – «сенсация» + «automatic» = «сенсациемат»); «*Nutri-Matic machine*» («nutritional» + «automatic»); «*Paralyso-Matic bomb*» («paralyse» – «парализовать» + «automatic» – «автопарализомба»); «*Nutri-Matic Drinks Synthesiser*» – «Питальник-Жаждоутолител», имеющие следующую структуру: «N / Adj.-O-Matic» [18]. «*Kill-O-Zap gun*» является лексическим окказионализмом, образованным путем словосложения основ «kill» («убивать») и «zap» («стукнуть») и передающим быстроту и молниеносность действия.

Редупликация, усиливающая эффект, актуализирует значимость понятия: *Superorganism* – суперорганизм (целая планета с единым разумом и личностью); *Super-superorganism* – сверхсуперорганизм (целая галактика с единым разумом и личностью) [19].

По степени окказиональности: Названия планет, жителей планет, транспортных средств, образованные путем словослияния и при помощи префиксов hyper, mega, sub, довольно распространены в среде научно-фантастической литературы, и осознаются не совсем как окказиональные: *Hyperspace*, *Hyperspatical*, *Gravic ship*, *Airlock* [19], *Jump setting* (ходовой режим в гиперпространстве). *Astroagation dome* (астронавигационная рубка), *Acceleration couch* (амортизирующее ложе). *Interplanetary ship* – межпланетный корабль; *Helicab* – гелитакси [20]; «*limoship*», образованный путем слияния «limousine» и «ship» [18].

Окказионализмы с ЯИ: подмена узуального элемента окказиональным, игра с иноязычными вкраплениями, игра с фонемами. Окказионализм «sky-gypsy» [18] («космоцыган») создан путем словосложения основ «sky» («небо») и «gypsy» («цыган»). Обыгрывание построено на эффекте обманутого ожидания, вместо ожидаемого после sky словообразовательного контекста из научно-терминологического лексикона, либо другого узуального слова, автор вводит неожиданное gypsy. Ярко выраженную языковую игру представляют следующие окказионализмы: «*Megadodo Publications*» («Издательство Мегадуду»); «*Playbeing magazine*» (вместо «Playboy»): «playbeing» создан путем словосложения, причем, если первая основа аналогична «прототипу», то вторая основа – «being» («существо») – противопоставляется основе «boy», в результате чего и создается комический эффект. «*Boobiloo BabyFoods*» («Компания детского питания Бэбилу»), окказионализм «Boobiloo» – звукоподражание, доминирование в данном слове лабиализованных звуков, подобных тем, что издает ребенок, относит его к детской речи [18].

Обыгрывание пословицы, значение которой не искажается от замены исходных элементов окказиональными: “In Anacreon do as the Anacreonians do” – «На Анакреоне поступай как и анакреонцы» (В чужой монастырь со своим уставом не ходят) [18]. The krenoj – кренодж, съедобный корень. The d'zertanoj – дзератондж, жители пустыни. Искаженное эсперанто “dezertanoj”. The caroј – кародж, машина, предназначенная для путешествий по пустыне. Искаженное эсперанто “ĉaro” [20]. Все эти слова являются окказионализмами в плане выражения, являющиеся искаженными словами из эсперанто, искусственно созданного в 1887 году языка. Данные окказионализмы представляют собой имена существительные единственного числа,

в то время как в эсперанто окончание “-j” -показатель множественного числа.

Языковая игра с фонемами: *Galaxia, Comporellon, Terminus, Trantor*. [18] *Mahaut, Cassyllia, Pyrrus, Samas* – спутник Пирра Самас, *Bessos* – спутник Пирра Бессос, *Porgorstorsaand* [20]. *Cassyllia* (от «casino») – название планеты, где распространены азартные игры, казино. *Pyrrus* – планета, прославившаяся своей жестокостью и суровостью (заметно сходство с лат. *pyra* – «костер»). Названия спутников *Samas* и *Bessos* были созданы по фонетической аналогии с названиями спутников Марса *Phobos* и *Deimos*, что увеличивает сходство Пирра с Красной планетой – Марсом. Это доказывает, что названия не являются плодом случайного словотворчества, а имеют конкретную цель создания определенной атмосферы и направлены на построение конкретного ассоциативного ряда с известными, существующими в реальном мире, реалиями.

Сознательное нарушение грамматического употребления местоимений. Надлежащее употребление местоимений в аномальном сочетании актуализирует идею единения, играя роль в установлении отношений не только «свой – чужой», но и в объединении. *Education is automatic with me/us/Gaia*. – Обучение у меня/нас/Геи является автоматическим. *I/we/Gaia* – Я/Мы/Гея – местоимение, изобретенное для того, чтобы показать единение жителей Геи со всей планетой [19].

Следующую группу составляют окказионализмы, дающие название реалиям фикциональных миров, аналогичные «земным» реалиям: Окказионализм «Galactibank» – «Галактибанк» образован путем слияния «galactic» и «bank», *Galactic Exchange Note* – Галактические банкноты, *Robot teller* – робот-кассир [20]. Сочетание «*Flani-*

*nian Pobble Bead*» – «флайнианская буса камешков» [18], служащее для обозначения денежной единицы, относится также к типу окказиональных.

Анализ окказионализмов позволяет сделать вывод, в очередной раз доказывающий факт, что «каждое вновь возникающее слово является «производным от какого-либо ранее существовавшего слова» [8]. Это связано с ментальностью языковой личности, в сознании которой закреплены концепты, имеющие отношение к его индивидуальному опыту. Явление звукоизобразительности, возможности которого успешно могут быть использованы авторами в языковой игре, способствует декодированию смысла новообразованного слова.

#### СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

- [1] – Аветян Э.Г. Мера знаковости языка. // Вопросы семантики. Проблемы мотивированности языкового знака. Вып. 3. Калининград, 1976.
- [2] – Барташова О.А. «Фоносемантическая рефлексия» как механизм создания звукоизобразительных авторских окказионализмов // Материалы XXXVII международной конференции СпбГУ. – СПб, 2008.
- [3] – Витгенштейн Л. Философские исследования // Л. Витгенштейн. Избранные труды. – М.: Гнозис, 1994.
- [4] – Воронин С.В. Основы фоносемантики. – Л., 1982.; СПб, 2006.
- [5] – Гридина Т.А. Языковая игра: стереотип и творчество. – Екатеринбург, 1996.
- [6] – Журавлев А.П. Фонетическое значение. – Л., 1974.
- [7] – Кацнельсон С. О возникновении речи. Л.: Ленингр. газетно-журнальное и книжное изд-во, 1949.
- [8] – Киселева Л.А. Вопросы теории речевого воздействия. – Л., 1978.
- [9] – Леонтьев А.А. Психолингвистика. – М., 1967.
- [10] – Мельников Г.П. Орфонимия и мотивированность знака // Вопросы семантики. Проблемы мотивированности языкового знака. Вып. 3. – Калининград, 1976.
- [11] – Потebня А.А. Мысль и язык (извлечения) // Звегинцев В.А. История языкознания XIX-XX веков в очерках и извлечениях. Часть I. – М., 1960. С. 136-142 // [http://destruction.narod.ru/potebnja\\_mysl\\_i\\_jasyk.htm](http://destruction.narod.ru/potebnja_mysl_i_jasyk.htm).
- [12] – Санников В.З. Русский язык в зеркале языковой игры. – М.: Языки рус. культуры, 1999.
- [13] – Рахимкулова Г.Ф. Магистр игры Вивиан Ван Бок: игра слов в прозе Владимира Набокова в свете теории каламбура. – Ростов н/Д: РГУ, 1996.

[14] – Щерба Л.В. О тройном аспекте языковых явлений и об эксперименте в языкознании // В кн.: Языковая система и речевая деятельность. – Л., 1974.

#### СПИСОК СЛОВАРЕЙ:

[15] – Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. – М., 2007.

[16] – Кубрякова В.С., Демьянков В.З., Панкрац Ю.Г., Лузина Л.Г., Краткий словарь когнитивных терминов. – М.: Изд-во МГУ, 1996.

#### СПИСОК ИСТОЧНИКОВ:

[17] – Адамс Д. Путеводитель хитч-хайкера по Галактике / Пер. В. Филиппова. – М., 1997.

[18] – Adams D. The Hitch Hiker's Guide to the Galaxy. – US, Portland House. 1997.

[19] – Asimov I. Foundation and the Earth. – US, Doubleday, 1986.

[20] – Harryson H, Deathworld (1960), Deathworld 2 (1964) (first published as The Ethical Engineer).

УДК 811.112.2'23

ББК 81.002.3

**Н.А. Катречко\***

## **«СПРАВЕДЛИВОСТЬ» КАК «РАВЕНСТВО» В НЕМЕЦКИХ ТОЛКОВЫХ СЛОВАРЯХ И В ПОНИМАНИИ СОВРЕМЕННЫХ НОСИТЕЛЕЙ НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА**

Ключевые слова: абсолютное равенство, особенности толкования *Gerechtigkeit* в немецкой лексикографии, понятие *Gerechtigkeit*, равенство прав, равенство шансов, равное отношение, равное распределение благ, тенденция к сужению значений слов *Gerechtigkeit*, *Gleichheit*, *Gerechtigkeit* как равенство в понимании немецких респондентов; *absolute equality*, *peculiarities of interpreting «Gerechtigkeit»*, *equality of rights*, *equality of opportunities*, *equal attitude*, *equal distribution of goods*, *tendency to contraction of meaning of such words as «Gerechtigkeit», «Gleichheit», «Gerechtigkeit» as «equality» in interpretation of native German-speaking people.*

В статье рассматриваются различия в толковании *Gerechtigkeit* современными немецкими словарями и носителями немецкого языка. В результате анализа фактического материала, свидетельствующего о широком распространении понимания *Gerechtigkeit* («справедливость») как «равенства» среди немецких респондентов, создается детальная

---

\* Катречко Наталья Алексеевна, Белгородский государственный университет

*классификация значений понятия Gleichheit. Отмечаются особенности толкования «справедливости» и «равенства» в немецкой лексикографии.*

*The article is devoted to the consideration of the difference in definition of «Gerechtigkeit» in modern German dictionaries and ones given by native speakers. According to the factual material the prevailing understanding of Gerechtigkeit (fairness) between the Germans is equality. The article shows a detailed classification of the concept «equality» and ways of interpretation of «fairness» and «equality» in the German lexicography.*

В немецкой лексикографической практике под *справедливостью* (Gerechtigkeit) чаще понимается образ мыслей или поступки, поведение, суждение, соответствующие праву, законам и наделяющие каждого по заслугам [13]; поведение, поступки, в соответствии с правосознанием [16].

В отличие от словарей, современные респонденты уделяют большое внимание пониманию Gerechtigkeit как *равенства*, вольно или невольно опираясь в своих определениях на принцип эгалитаризма, согласно которому равенство всех людей от природы подразумевает наличие равных полномочий, обязанностей, а «всякое неравенство в правах – есть привилегия, всякая привилегия несправедлива» [3].

Каждый немец знает, что Германия, согласно конституции, является «социальным» государством. В соответствии с декларацией, такое политическое и социальное устройство направлено на «установление большего равенства (как правило, имеется в виду финансовая сторона)» [4]. Вероятно поэтому, многие немцы, говоря о *справедливости*, часто уделяют особое внимание понятию Gleichheit (*равенство*) и дают ему очень детальное описание.

*Современные* немецкие толковые словари дают менее детальную классификацию значений слова Gleichheit, фиксируя либо общее значение – *полное совпадение* (völlige Übereinstimmung [18]; die völl-

ge Übereinstimmung der Beschaffenheit zweyer Dinge oder ihrer Umstände, mit Verneinung des merklichen Unterschiedes zwischen den letztern, so wohl überhaupt, als auch in Betrachtung gewisser Umstände [10]), либо более частное – *сходство, совпадение определенных черт* (Übereinstimmung in bestimmten Merkmalen; große Ähnlichkeit [9]; Übereinstimmung in der allgemeinen Beschaffenheit, für Ähnlichkeit [15]; *ähnlichkeit\**, gleichartigkeit, verwandtschaft [6]).

Обращает на себя внимание, что в словаре Г. Варига значение *полное равенство* проиллюстрировано всего лишь одним примером: die Gleichheit aller *vor dem Gesetz* [10]. Этот же пример в словаре Дудена иллюстрирует значение *равное положение, равенство прав*: die Gleichheit aller *vor dem Gesetz*; soziale Gleichheit; für die Gleichheit (Gleichberechtigung) von Mann und Frau eintreten [14]. Таким образом, значение *полное совпадение* в словаре Г. Варига сужается до *равенства прав*.

Толкование понятия Gleichheit как *равенства прав*, зафиксированное лингвистическими словарями, полностью совпадает с определением этого понятия в политической энциклопедии К. Шуберта. Здесь, естественно, *равенство* рассматривается как основной принцип демократии, согласно которому все равны *перед законом* [17]. По сведениям словаря специальных терминов под редакцией Дуден, понятие Gleichheit как *равенство перед законом* основывается на естественном / прирожденном и неотъемлемом равенстве всех людей [15]. В то же время уравнивание людей по закону, по мнению И.А. Ильина, является всего лишь условным компромиссом «во имя порядка, организации и пользы» [3].

Более подробное толкование *равенства* зафиксировано в словаре братьев Гримм<sup>1</sup>. Здесь *равенство* понимается как *сходство внешних черт человека, сходство характера, сходство между предметом и его применением*: es ist gar kein gleichheit zwischen einem faulen holtz, vnd zwischen einem faulen menschen; unterschiede und gleichheiten zwischen mutterland und kolonialgebiet; *подобие, подобный облик; одноранговость, равноправие; правильная мера, правильная пропорция* – такое толкование восходит к значению прилагательного *gleich – entsprechend, gemäsz (соответствующий, соразмерный)*; *совпадение в мере, степени, величине, интенсивности/силе; идентичность сравниваемых предметов и принадлежность их к образцу / порядку; частое обозначение того, что справедливо или правильно.*

Последнее значение интересно в контексте данного исследования, так как словарь сопоставляет *равенство* и *справедливость*:

1. *равенство* как *справедливость* (*gerechtigkeit, billigkeit*) в особенности в правовой сфере, когда речь идет о равном рассмотрении/трактровке права (*gleiche rechtsbehandlung*), о представлении *равного распределения*;

2. в большей степени в моральном смысле *равенство* как *справедливость, честность* (*billigkeit, ehrlichkeit*): *alle ordentlichkeit und redlichkeit, und geleichheit und warheit, und was allen tugenden zu gehort, das muss da sein*;

3. *равенство* как *удобная ситуация* (*die angenehme, günstige lage*) [6].

Таким образом, большинство современных словарей фиксируют в основном одно, реже два, более узких значения слова *Gleichheit*: *(полное) совпадение особенностей; равноправие*, в то

---

<sup>1</sup> Здесь и далее: цитируется по словарю братьев Гримм 1897 г. издания.

время как словарь братьев Гримм приводит более полную классификацию значений, причем одно из значений слова Gleichheit тесно связано с понятием Gerechtigkeit. Обратную связь находим у респондентов, которые часто в самой *справедливости* видят *равенство*.

На одном из немецких сайтов были размещены результаты опроса немецких респондентов, предметом которого стал один вопрос: «Was ist Gerechtigkeit?» («Что такое справедливость?»). Хотя сайт был посвящен очередному съезду католиков (96. Deutscher Katholikentag), перед респондентами не ставилось никаких ограничений с точки зрения определения *справедливости*. Каждый опрошенный выражал присущее только лично ему, как носителю немецкого языка, понимание Gerechtigkeit. Важно также отметить, что в опросе принимали участие представители различных социальных групп: школьники, студенты, ученые, трудоспособные и безработные, духовные лидеры, служащие, чиновники и др. [6].

В понимании респондентами Gerechtigkeit как *равенства* можно выделить пять более дробных толкований самого *равенства*, расположив их в порядке убывания количества ответов: *равенство шансов*, *равенство прав*, *равное отношение*, *равное распределение благ*, *абсолютное равенство*.

По словам О. Хеффе, «в случае справедливости часто думают лишь о вопросах распределения. Говорят об определении доли, размещении, называют соответствующие задачи проблемами распределения и ожидают от «социальной» справедливости или распределения поровну, или распределения по потребностям» [4].

1. Анализ материала показал, что почти половина примеров из группы, обозначенной нами условно *равенство*, иллюстрируют понятие Gerechtigkeit в значении *равенство шансов / возможностей*

(*Chancengleichheit, Chancengerechtigkeit*). Опираясь на этимологию слова *шанс* – из франц. *chance* «счастливым случаем, возможность, шанс», ср. лат. *cadentia* от *cadere* «падать», первонач. – о падении игральной кости [9], под шансом понимается *мера, степень вероятности удачи, успеха* [7]; *условие*, которое может обеспечить *успех, удачу, вероятная возможность* [8] (ср.: стартовые возможности). Например: *Aber in der heutigen Zeit verstehe ich Gerechtigkeit auch im Sinne von Chancengerechtigkeit, d.h. Rahmenbedingungen zu schaffen, die allen viele Möglichkeiten eröffnen; Für mich hat Gerechtigkeit viel zu tun mit Solidarität und Chancengleichheit; Gerechtigkeit ist wenn alle die gleichen Chancen haben; Gerechtigkeit heißt für mich auch gleiche Chancen für alle; Gerechtigkeit herrscht dort, wo es eine faire Chance für alle Menschen gibt; ...Chancengleichheit als Fundament der Gerechtigkeit.*

В ответах респондентов встречаются 4 вида шанса, наиболее важных в их жизни (расположим их в порядке убывания количества ответов):

1.1) *равные шансы в получении среднего и высшего образования*, олицетворяющие возможность лучшей (более обеспеченной) жизни, перспективное будущее: *Gerechtigkeit ist wenn die soziale Herkunft nicht über den Zugang zu Bildung entscheidet; ...gleiche Bildungschancen* und eine möglichst frühe Förderung jedes einzelnen Kindes, *...Bildung weist den Weg aus Armut; ...ein kleiner Schritt dahin wären schon gleiche Bildungs- und Ausbildungschancen* für alle Menschen; *...weltweit gleiche Bildungsmöglichkeiten*; So wünsche ich mir nicht *gleiche Bildung* für alle, aber *gleiche Chancen*; Hierzu zählt... auch die Schaffung von *gerechten Bildungschancen* für unsere Kinder; *...jeder*

Mensch... unabhängig vom Geldbeutel der Eltern *gleiche Chancen auf Bildung* hat; Gerechtigkeit heißt für uns, dass jeder *die Chance* auf eine aussichtsreiche Zukunft durch *Schulbildung* hat. К этому пункту можно отнести также *равный доступ к информации*: ...dass alle Menschen lesen, schreiben, rechnen, lernen können, *Zugang zu Informationen* haben;

1.2) *равные шансы в получении работы и равной заработной платы* (при равных условиях труда): Jeder Mensch sollte... *die gleichen Chancen auf Arbeit* haben; ...weltweit *gleicher Lohn* bei *gleichwertiger Arbeit*; Alle müssen *das gleiche Geld* verdienen oder zumindest so viel, dass sie gut über die Runden kommen; ...wenn alle Menschen – möglichst alle – beteiligt sind an Arbeit, Einkommen;

1.3) *равные шансы в получении медицинского обслуживания*: sie (Gerechtigkeit) sichert *den Zugang zu Gesundheit*; die Chance auf eine gute *gesundheitliche Versorgung*; Gerechtigkeit auf der Erde, das heißt, kein Mensch müsste frühzeitig sterben an... *mangelnder ärztlicher Versorgung*; Gerechtigkeit – Chancengleichheit für alle Menschen, *Zugang zu ärztlicher Versorgung*;

1.4) *равные шансы, необходимые для развития личности*: Jeder Mensch muss die gleiche Chance erhalten, selbstbestimmt seine *individuellen Fähigkeiten* zu *entfalten* und *seinen Platz in der Gesellschaft* zu *finden*; Sie (Gerechtigkeit) gibt Menschen unabhängig von ihrer Herkunft, ihrem sozialen Status *Entwicklungs- und Entfaltungschancen*; ...weltweit *gleiche Chancen* für Mann und Frau, ihre *Talente* zu *entfalten*; Gerechtigkeit ist für mich, wenn... jedem Menschen die Möglichkeit ge-

geben wird, *sich zu beweisen* oder *sich zu ändern*; Gerechtigkeit ist, wenn junge Erwachsene alle die Möglichkeit haben, für sich selbst zu sorgen und *sich selbst zu verwirklichen*; wenn alle Menschen... beteiligt sind an... Beziehungen und *Anerkennung*.

Говоря о справедливости как *равенстве шансов*, респонденты отмечают существующее прежде всего физическое и духовное естественное неравенство (*половой признак, состояние здоровья, возрастной критерий, национальность, место жительства, гражданство, социальный статус, уровень дохода, религия, убеждения*), что, однако, не должно влиять на возможность воспользоваться тем или иным шансом. Например: ...das alles ohne Unterschied von *Rasse, Geschlecht, Kaste, Religion, Sozialstatus* oder *Vermögen*; gleiche Chancen für *Mann* und *Frau*; ...unabhängig von *Alter, Geschlecht, Rasse* oder *Herkunft*; soziale *Herkunft*; unabhängig von der *Herkunft* und dem sozialen *Status*; der Ertrag ihrer (der Gerechtigkeit) Arbeit müsste auch *reichen, Kinder, Kranke, Gebrechliche* und *Alte* ausreichend versorgen; ...dass endlich alle *Getauften, Männer* wie *Frauen* den gleichen Zugang... haben; ...unabhängig von *Bildung, Herkunft, Religion* oder *politischer Ansicht*... gleich behandelt werden; egal ob *schwarz* oder *weiß* die gleichen Chancen für eine gute Ausbildung haben; Gerechtigkeit sollte auch unter *Einheimischen, Einwanderern* und *Ausländern* herrschen.

2. В ответах респонденты часто соединяют *равенство шансов* и *прав*. Отметим, что для понятия Gleichheit словари не фиксируют значения *равенство шансов* (как и *равного распределения благ* и *равного отношения*). Кроме того, значение *равенство прав*, которое широко представлено словарями, в ответах респондентов занимает по численности примеров лишь второе место. Несмотря на то, что шансы, как и права, «неотъемлемо заслуживает каждый человек,

лишь потому, что он человек» [4], по своей природе, эти понятия обнаруживают больше различий, чем сходств. Так, права – *точность*, шансы – это *вероятность*; права – *зафиксированы*, (*количественно*) *определены*, шансы – *относительно бесконечны*; права – *отсутствие оценки, нейтральность*, шансы – *надежда на хорошее*; права – *формулирует человек*, шансы – *случайное стечение обстоятельств, «судьба»*; права – *определенное временное и пространственное отношение* (с 18-21-го года жизни, на данный период), шансы – *не зависят от времени*; права – *требуют от человека выполнения обязанностей*, шансы, наоборот, *ассоциируются со свободой*.

С одной стороны, человек, естественно, ожидает счастливого случая, возможности (ср. синонимы слова Chance – Glück(sfall), Möglichkeit, Sprungbrett, Aussicht (auf Erfolg) [11]), с другой стороны, он понимает, что для осуществления какой-либо возможности он должен обладать определенными правами. Респонденты хорошо видят различия между шансами и правами: *Gerechtigkeit bedeutet für mich, dass alle Menschen die gleichen Chancen und Rechte haben; Gerechtigkeit heißt gleiche Chancen auf Bildung... Gerechtigkeit heißt, in einer Gesellschaft leben zu können, in der alle Menschen gleiche Rechte haben; Gerechtigkeit ist für mich, wenn... alle die gleichen Rechte aber auch die gleichen Chancen im Leben haben; ...jeder Mensch soll... über gleiche Chancen, gleiche Rechte, aber auch gleiche Pflichten verfügen.*

3. Реже в ответах респондентов *справедливость* понимается как *равное распределение благ*: *Gerechtigkeit bedeutet für mich zunächst, Nahrung und Bildung, Arbeit und Gesundheitsdienste, Zugänge zu Ressourcen und Macht so zu verteilen, dass alle Menschen – Frauen wie Männer, Junge und Alte, Migranten und Einheimische, Reiche und*

Arme – *gerechte Chancen erhalten, ihre Potentiale entfalten zu können.*  
Это толкование содержит в себе два более детальных подвида:

3.1) *равное количество, гарантия минимально необходимых благ, таких как вода, пища, жилье:* Gerechtigkeit bedeutet die *humanen Grundbedürfnisse* abzusichern (Bedürfnisgerechtigkeit) und Leistung angemessen zu honorieren; ...zur Gerechtigkeit gehört, dass *alle Menschen* ein *festes Dach* über dem Kopf haben, nicht wie viele auf der Straße leben; ...wenn *alle Menschen gleich zu viel Essen* haben; Ich finde gerecht, wenn es *überall* auf der Welt zu *essen* gibt!; ...wenn es Zugang zu *Nahrung* und ausreichendem *Trinkwasser*, zu einer angemessenen *Unterkunft* gibt;

3.2) *равное разделение природных богатств, материальных ценностей, власти/силы:* ...es geht um die *Macht- und Vermögensteilung*; zu viele in Deutschland verstehen Gerechtigkeit als Synonym für *materielle Gleichheit*; Gerechtigkeit ist nur möglich, wenn die *Güter* gerecht verteilt werden; Gerechtigkeit – *Machtverteilung* innerhalb eines Landes und über Ländergrenzen hinweg; ...sowie eine gerechte *Verteilung der Ressourcen* sicherstellen; die *Güter dieser Erde* würden reichen, dass alle Menschen ohne Armut leben können.

Удовлетворение потребностей Г.-В.-Ф. Гегель рассматривает как одну из важнейших причин, согласно которой люди требуют равенства. По его мнению, «потребности и средства как реальное наличное бытие становятся бытием для других», таким образом, «абстракция, которая становится качеством потребностей и средств, становится и *определением взаимоотношений индивидов друг к другу*» (выделено мною – Н.К.) [2]. Другими словами, «удовлетворяется уже не потребность, а мнение» в силу того, что человек постоянно приобретает средства от других на удовлетворение своих

потребностей и вынужден вследствие этого часто принимать и их мнение. По словам Г.В.Ф. Гегеля, именно этот факт «содержит в себе... требование в этом отношении равенства с другими; потребность в этом равенстве, с одной стороны, и попытка сделать себя равным другим, подражание, так же как, с другой стороны, ...потребность проявить себя, выделиться каким-либо образом...» [2].

Равенство шансов, прав и равное распределение, как было сказано выше, подразумевают *необходимость, желание, требование* получить определенные блага, поэтому в контекстах присутствуют следующие глаголы: (sollte) haben, (sollen) verfügen, wünsche (ich mir), geben (gegeben wird), (sollte) herrschen. Предложения часто имеют характер призыва: Schaffen wir...; Gleiche Bildungschancen!.. Chancengleichheit für alle Menschen.

4. В случае понимания равенства как *равного ко всем отношения* речь идет об *уважении* человека и достойном (равном) участии каждого в распределении. Поэтому в контекстах присутствуют глаголы и производные от них существительные, выражающие *отношение*: benachteiligen (keine Nachteile), bevorzugen, (gleich) behandeln (Gleichbehandlung). Например: Gerechtigkeit ist, wenn *niemand* aufgrund seiner Rasse, seines Geschlechts, seiner Herkunft, seiner Religion oder Lebensweise *benachteiligt* oder *bevorzugt wird*; Gerechtigkeit bedeutet, dass alle Menschen *gleich behandelt werden*, egal wie sie aussehen; Gerechtigkeit ist der Anspruch der Menschen auf *Gleichbehandlung* eines jeden Einzelnen; Gerechtigkeit – *keine Nachteile* für Menschen anderer Hautfarbe.

5. Лишь немногая часть респондентов понимает Gerechtigkeit как *абсолютное равенство*:

5.1. *равенство перед Богом*: denn vor Gott sind alle Menschen gleich: Frauen und Männer; Gerechtigkeit fordert und fördert die Anerkennung der Gleichheit aller Menschen. Sie entsteht und zieht auf die Gleichheit aller Menschen;

5.2. «*уравниловка*» (это одновременно процесс, результат, цель бездумного желания предоставить всем равные условия): Gerechtigkeit gibt es nur, wenn alle Menschen gleich sind. Einfach alles muss gleich sein, dann würde es keine Armen oder Reichen geben. При этом *изначальное равенство* исходит от Бога (ср.: перед Богом все равны), *уравнивание* – достигается действием политической системы, законов: Ich denke Gerechtigkeit gibt es nur, wenn alle Menschen gleich sind. Einfach alles muss gleich sein. Dann würde es keine Armen oder Reichen geben, es gäbe keine Demonstrationen oder Streiks um weniger Arbeitszeit oder mehr Geld, jeder hätte, was er will... Man hatte *durch das politische System* versucht, alle Menschen auf ein gleiches Niveau zu bringen, doch dies hat das Land ins Verderben gestürzt. Показательно, что понимание *равенства* как *уравнивания* относится к числу единичных примеров.

Примеры позволяют говорить, что *справедливость* как «*уравниловку*» понимает, скорее всего, та часть респондентов, которая не довольна своим материальным положением, что, в свою очередь, не позволяет им осуществить свои желания. Часто в основе идеи уравнивания всех «под одну гребенку» лежит ни что иное, как зависть.

И.А. Ильин и Н.А. Бердяев видят в зависти главную причину, по которой люди требуют равенства. Так, И.А. Ильин считает доктриной равенства доктрину «зависти и ненависти, ...разрушения» [3]. В свою очередь Н.А. Бердяев, сравнивая равенство и неравенство, говорит: «...Пафос равенства есть зависть к чужому бытию, неспособность к

повышению собственного бытия вне взгляда на соседа. Неравенство же допускает утверждение бытия во всяком, независимо от другого» [1].

Некоторые философы не признают даже равенство людей от природы, считая его абсолютно неверным. В своем труде «Справедливость или равенство?» И.А. Ильин ставит перед читателем вопрос: «Верите ли вы, что люди равны от природы и что и они должны быть равны в своих правах? Чувствуете ли вы всеми силами души вашей, что справедливость требует равенства?» [3]. Далее автор выражает оценку существующему представлению, согласно которому все люди одинаковы, называя его ложным и вредным [3]. Равенство людей уже в своем корне неверно, так как «люди не равны физически, (каждый единственен в своем роде и неповторяем)», «не одинаковы душою, психически», «не одинаковы по духу» [3].

Н.А. Бердяев в сочинении «Философия свободы» говорит о том, что «равенство ведет к подмене конкретной, качественной, индивидуальной природы человека природой отвлеченной, количественной и безличной» [1]. Философы признают выдуманную нереальную мнимую «одинаковость людей», которую провозгласили материалисты [3], причиной, по которой «в век равенства и упростибельного смешения, в век торжества демократии нет уже святости и гениальности, с которыми связаны величайшие победы личного начала» [1].

Таким образом, философское осмысление проблемы равенства частично отражается в определениях немецких респондентов. Хотя многие из них и понимают *Gerechtigkeit* как *равенство*, все же только в единичных случаях интерпретация самого равенства сводится к «*уравниловке*».

Подводя общий итог, можно сказать, что понимание *Gerechtigkeit* как *равенства* не зафиксировано современными немецкими словарями, в ответах респондентов, напротив, такое толкование является наиболее частотным. В свою очередь, само понятие *равенство* представлено в современных словарях узко, и самую подробную классификацию находим в словаре братьев Гримм, где равенство толкуется через справедливость. На примере классификации значений, представленной в словаре братьев Гримм, по сравнению с современными словарями, можно говорить о намечающейся тенденции к сужению значений слов *Gleichheit*, *Gerechtigkeit*, а также *Recht*. При этом примеры подробного исследования семантики других основополагающих понятий на материале немецкого языка (например, понятия *Wahrheit*) [5] позволяют говорить о распространении этой тенденции на современном этапе.

#### СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

[1] – Бердяев Н.А. *Философия свободы* / Н.А. Бердяев; Сост., вступ. ст. и коммент. В.В. Шкоды. – М.: ООО «Издательство АСТ»; Харьков: «Фолио», 2004.

[2] – Гегель Г.-В.-Ф. *Философия права* / Пер. с нем. Б.Г. Столпнера; Вступ. ст. В.С. Соловьева; Примеч. В.С. Нерсисянца. – М.: Мир книги, Литература, 2007.

[3] – Ильин И.А. *Собрание сочинений: Справедливость или равенство?* / Сост. и коммент. Ю.Т. Лисицы; Имен. указ. О.В. Лисицы; Худож. Л.Ф. Шканов. – М.: ПСТГУ, 2006.

[4] – Хеффе О. *Справедливость: Философское введение* / Пер. с нем. О.В. Кильдюшова, под ред. Т.А. Дмитриева. – М.: Праксис, 2007.

[5] – Ямшанова В.А. *Wahrheit vs. истина и правда* // Общее и германское языкознание. К 50-летию научной деятельности проф. В.М. Павлова / Труды Института лингвистических исследований РАН. Т. 3, ч. 1. – СПб., 2007. – С. 332-362.

[6]. Gerechtigkeit vor Gottes Angesicht. 96. Deutscher Katholikentag – <http://saarbruecken.katholikentag.de> (Дата обращения: 20.04.08).

#### СПИСОК СЛОВАРЕЙ:

[7] – Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка – <http://www.slovopedia.com/1/216/766892.html> (Дата обращения: 20.07.09).

[8] – Ушаков Д.Н. Толковый словарь русского языка – <http://www.slovopedia.com/3/216/850668.html> (Дата обращения: 20.07.09).

[9] – Фасмер М. Этимологический русскоязычный словарь – <http://www.slovopedia.com/22/216/1645790.html> (Дата обращения: 20.07.09).

[10] – Adelung J.C., Das Grammatisch-kritische Wörterbuch, 4 Bände, 1811 – <http://mdz.bib-bvb.de> (Дата обращения: 15.04.09).

[11] – Das Krüger Lexikon der Synonyme. Erich und Hildegard Bulitta. – Frankfurt am Main: S.Fischer Verlag GmbH, 1993.

[12] – Der Digitale Grimm. Deutsches Wörterbuch. Elektronische Ausgabe des Wörterbuches von Grimm, Jacob und Grimm, Wilhelm, 1878.

[13] – Deutsches Wörterbuch von Jacob und Wilhelm Grimm. Vierten Bandes Erste Abtheilung. Zweiter Theil. Gefoppe – Getreibs. Bearbeitet von Rudolf Hildebrand und Herman Wunderlich. Leipzig, Verlag von S. Hirzel, 1897.

[14] – Duden: Das grosse Wörterbuch der deutschen Sprache: In zehn Bänden Bd.4: 1441 – 1920 S. – Mannheim. – 1999.

[15] – Duden Recht A – Z. Fachlexikon für Studium, Ausbildung und Beruf. 1. Aufl. Mannheim: Bibliographisches Institut & F.A. Brockhaus 2007. Lizenzausgabe Bonn: Bundeszentrale für politische Bildung 2007 – <http://www.bpb.de> (Дата обращения: 15.04.09).

[16] – Paul H. Deutsches Wörterbuch / Hermann Paul. – 9., vollst. neu bearb. Aufl. / von Helmut Henne und Georg Objartel. Unter Mitarb. von Heidrun Kämper – Jensen. – Tübingen: Niemeyer, 1992.

[17] – Schubert K., Klein M. Das Politiklexikon. 4., aktual. Aufl. Bonn: Dietz 2006 – <http://www.bpb.de> (Дата обращения: 15.04.09).

[18] – Wahrig G. Deutsches Wörterbuch. – Güterslohn: Bertelsmann Lexikon Verlag, 1997.

УДК 811.119'23  
ББК 81.002.3

**В.В. Меняйло\***

## **КОНЦЕПТ В КУЛЬТУРЕ И ТЕКСТЕ (на материале произведений Дж. Фаулза)**

Ключевые слова: *индивидуально-авторский концепт, картина мира, концепт, культурный концепт, способы репрезентации концепта, характеристики концепта; author's picture of the world, concept, cultural concept, conceptual characteristics, individual author's concept, picture of the world, ways of conceptual representation.*

*В статье рассматривается формирование индивидуально-авторского концепта на основе трансформации одноименного культурного концепта как компонента национальной концептосферы. Основной причиной трансформации признается влияние особенностей авторского мировосприятия и мирооценки. В качестве примера анализируется концепт «freedom» в современном английском языке и в романах Дж. Фаулза.*

*The article touches upon the formation of individual author's concept on the basis of transformation of the cultural concept according to the author's perception and evaluation of the world. As an example the concept of «freedom» in the modern English language and novels by J. Fowles is described.*

Антропоцентрическая природа художественного текста закономерно вызывает интерес исследователей к человеческому фактору в языке. Обращение к теме человеческого фактора объясняет научный интерес к изучению концептов, образующих концептуальную систему человека, т.е. ту систему знаний и мнений, которая формируется в процессе познания человеком мира и объективируется текстом.

Под **концептом** понимается минимальная единица знания, отражающая представления человека об окружающей действительности. Концепт хранится в сознании и репрезентируется в языке. Среди многообразия концептов выделяются «культурно нагруженные» кон-

---

\* **Меняйло Вера Владимировна**, Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена, Санкт-Петербург

цепты – условные ментальные единицы, используемые в комплексном изучении языка, сознания и культуры, главным отличительным признаком которых признаётся этнокультурная отмеченность. Чаще всего под **культурным концептом** понимается «сгусток культуры в сознании человека: то, в виде чего культура входит в ментальный мир человека, а, с другой стороны, то, посредством чего сам человек входит в культуру» [5, с. 40]. Соотношение культурного концепта со сферами языка, сознания и культуры может быть сформулировано следующим образом: сознание – область пребывания концепта; культура детерминирует концепт; язык и / или речь – сферы, в которых концепт опредмечивается [2, с. 76].

Роль связующего элемента между культурой и языком играет человеческое сознание. В сознание поступает культурная информация, в нем она фильтруется, перерабатывается, систематизируется. Сознание «отвечает» и за выбор языковых средств, эксплицирующих эту информацию в конкретной коммуникативной ситуации для реализации определенных коммуникативных целей. В концепте находит отражение как коллективный опыт народа (общезначимые характеристики), так и индивидуальный опыт его отдельного представителя (индивидуально значимые характеристики). Индивидуально-авторские концепты отличаются от коллективных концептов наличием иных признаков и их иным сочетанием, поскольку коллективное сознание и коллективный опыт есть не что иное, как условная производная от сознаний и опыта отдельных индивидов, входящих в коллектив.

**Индивидуально-авторский концепт** – это вербализованная в едином тексте творчества писателя единица индивидуального сознания (авторской концептосферы). Обычно индивидуально-

авторский концепт формируется под влиянием особенностей авторского мироощущения на основе трансформации одноименного культурного концепта как компонента национальной концептосферы [3, с. 4]. Выделяемые на национальном уровне характеристики концепта дополняются и варьируются, маркируя таким образом авторскую интенцию, при этом новые характеристики индивидуально-авторский концепт могут быть релевантными лишь для данного текста. Из многообразного «спектра идей и историко-культурных напластований авторским предпочтением отмечены не все – на наиболее важные указывает степень разработанности отдельных концептуальных признаков», которые автор актуализирует, используя средства лингвокреативной техники [6, с. 203].

В некоторых художественных текстах могут репрезентироваться концепты, объединенные константным инвариантным личностным компонентом, выражающим знания, представления и мнения автора о реалиях действительности. Эти компоненты являются смысловыми универсалиями авторской концептуальной системы [4, с. 37]. Смыслы, доминирующие в тексте, позволяют изучить языковую личность автора, раскрыть особенности авторского менталитета и описать специфику их отражения в авторском идиолекте. Для выявления доминантных смыслов текста, используются универсальные принципы текстовой организации – принципы выдвижения. Особое внимание при этом уделяется ценностной ориентации авторских концептов, их эмоционально-оценочным и ассоциативно-образным слоям, запечатлевающим неповторимость креативной личности [7, с. 85].

Индивидуально-авторский концепт как результат трансформации одноименного культурного концепта индивидуальным сознанием

может репрезентироваться в произведении эксплицитно и имплицитно. Поскольку понятийная составляющая индивидуально-авторского концепта изначально совпадает с традиционными представлениями национального лингвокультурного сообщества, языковым маркером **эксплицитной репрезентации** индивидуально-авторского концепта обычно становится та лексическая единица, которая наиболее часто используется представителями этого сообщества для репрезентации одноименного культурного концепта. Языковыми маркерами **имплицитной репрезентации** индивидуально-авторского концепта выступают не лексические единицы, традиционно вербализующие культурный концепт, а широкий набор языковых средств и стилистических приемов (лексических, фонетических, синтаксических), формирующих в совокупности индивидуальный стиль автора и маркирующих авторскую языковую личность. Преобладание того или иного способа репрезентации индивидуально-авторских концептов обуславливается сюжетными особенностями произведения и реализуемыми в нем идейно-эстетическими задачами. Поскольку многие произведения Дж. Фаулза относят к психологической литературе (или, во всяком случае, обнаруживают в них элементы психологизма), в силу доминирующего в этой литературе в XX в. имплицитного способа выражения авторской интенции, в них преобладает имплицитный способ репрезентации индивидуально-авторских концептов. Особую значимость для описания индивидуально-авторской картины мира, таким образом, обретает изучение психологических деталей имплицитно направленной направленности.

Традиционное видение концепта как слоисто-полевого образования оказывается продуктивным для выявления способов формирования индивидуально-авторского концепта на основе

трансформации культурного концепта, поскольку позволяет соотнести характеристики данных типов концептов по их месту в структуре концепта.

Как **полевое** образование концепт включает ядерную, приядерную и периферийную зоны, границы между которыми размыты, при этом приядерная зона занимает промежуточное положение между ядром и периферией. Такой точки зрения придерживаются, в частности, Н.Н. Болдырев, Н.С. Болотнова, В.З. Демьянков, В.А. Маслова, М.В. Никитин, З.Д. Попова, И.А. Стернин. *Ядро* концепта выявляет себя в прямом значении имен (словарном значении соответствующей лексемы-репрезентанта), в то время как приядерная и периферийная зоны – в процессах тропеизации, словообразования, фразеологии, во взаимодействии эксплицитных и имплицитных смыслов, в коннотациях и ассоциациях. *Ядерная и приядерная* зоны формируют центральную зону концепта, состоят из общепринятых понятий, оценок и ассоциаций и представляют общенациональный компонент в структуре концепта. *Периферийная* зона концепта состоит из личностных оценок, образов и ассоциаций и формирует его индивидуальную составляющую. Структурируя в исследовательских целях зоны в индивидуально-авторском концепте, следует исходить из того, что идентификация его ядерной характеристики основывается на принципе частотности употребления его лексем-репрезентантов и их выдвижении в тексте путём использования совокупности стилистических средств. Важно подчеркнуть, что в процессе эволюции авторской картины мира ядерные характеристики могут утратить свою актуальность и не получать репрезентации в тексте.

Как **слоистое** образование концепт содержит понятийный, оценочный и ассоциативный слои (И.В. Быдина, С.Г. Воркачев, В.З. Демьянков, Г.Г. Слышкин). *Понятийный слой* – это обозначение, описание, признаковая структура, дефиниция, сопоставительные характеристики данного концепта по отношению к другим концептам. Он вербализуется лексической единицей в её основном словарном значении и в силу своей универсальности составляет ядро концепта. *Оценочный слой* – это отражение в языке личных мнений, ощущений, желаний и вкусов индивида. Оценочный слой концепта вписывает его в систему ценностей языковой личности и может быть представлен в ядре концепта, когда оценка включается в словарное значение лексической единицы, приядерной зоне (оценочные коннотации) или периферийной зоне (личностные окказиональные оценки и эмоции). *Ассоциативный слой* концепта – это совокупность ассоциаций, возникающих в сознании при репрезентации концепта. Наиболее частотные, типичные ассоциации репрезентируют ядерную и приядерную зону концепта, единичные – периферийную зону.

Концепт «freedom» представляет особый интерес для исследования, поскольку является ключевым концептом английской культуры. Он отвечает принципам «частотности употребления», «культурной разработанности» и «ключевых слов», сформулированным А. Вежбицкой [1, с. 275-282]. По данным лингвистического сайта World-English, прилагательное free, через которое может быть репрезентирован исследуемый концепт, входит в 500 наиболее часто употребляемых англичанами слов и занимает в данном списке 400 позицию [<http://www.world-english.org>]. Это служит доказательством значимости и актуальности концепта для носителей языка на современном этапе его развития. Существительное *freedom* обладает

большим количеством синонимов (более 30), которые циркулируют практически во всех сферах духовной и общественной жизни англичан. Существительное *freedom* и прилагательное *free* входят в состав большого количества фразеологических сочетаний.

Описание слоисто-полевой структуры индивидуально-авторского концепта «freedom» в романах Дж. Фаулза и её сравнение со структурой одноименного культурного концепта позволило выявить основные тенденции формирования индивидуально-авторского концепта на базе одноименного культурного концепта:

1) ядерные характеристики культурного концепта формируют периферию индивидуально-авторского концепта;

2) периферийные характеристики культурного концепта формируют ядро индивидуально-авторского концепта;

3) характеристики культурного концепта сохраняют свой статус в структуре индивидуально-авторского концепта, т.е. ядерная характеристика остаётся ядерной, а периферийная – периферийной, но подвергаются модификациям (сужению, расширению, метафоризации);

4) в структуре индивидуально-авторского концепта отсутствуют характеристики культурного концепта;

5) в структуре индивидуально-авторского концепта появляются характеристики, отсутствующие в структуре культурного концепта.

Проиллюстрируем сказанное примерами из романов Дж. Фаулза.

1) В романе «Daniel Martin» ядерная характеристика культурного концепта «freedom» – «freedom is availability of personal and civic rights» – утрачивает актуальность: по ходу развития текстовой ситуации свобода в сознании читателя начинает ассоциироваться не с

наличием гарантированных государством прав, а с внутренними ощущениями индивида. Характеристика реализуется в небольших по объему рассуждениях писателя об общественных свободах и правах индивида в разных типах общества и при разных политических режимах. Общественная и политическая составляющая концепта «freedom» актуализируется за счет упоминания названий общественных формаций, исторических периодов, стран и цивилизаций: human society, party, capitalist enterprise, First World War, East Europe, Ancient Egypt, fifth-century Greece.

«...it [term 'slave'] requires a certain concept of freedom, of not being a slave. Of **free will**. There was no such thing in Ancient Egypt. In fifth-century Greece, yes <...> perhaps» [8, с. 574].

2) В романе «The Magus» периферийная характеристика культурного концепта «freedom is a possibility of choice» актуализируется на протяжении всего романа, занимая, таким образом, ядерное положение в структуре индивидуально-авторского концепта. Лексемы *choice* и *to choose* встречаются в тексте романа 30 и 35 раз, соответственно. В некоторых контекстах писатель эксплицитно выражает связь между понятиями «freedom» и «choice»:

«**Freedom** was making some abrupt choice and acting on it» [11, с. 309].

Чаще эта связь представлена имплицитно:

«A victim is someone who has something inflicted on him without being given any real choice» [11, с. 189].

Человек, лишенный права выбора, назван в процитированном микроконтексте жертвой. Одно из значений слова «victim» – a person who has come to feel helpless and passive in the face of misfortune or ill-

treatment [12, с. 1963]. Актуализируемые в микроконтексте смыслы беспомощности и пассивности соотносятся с понятием «несвободы».

3) В романе «The Collector» ядерная характеристика культурного концепта «the state of not being imprisoned or enslaved» сохраняет статус ядерного компонента в структуре индивидуально-авторского концепта, однако, при этом подвергается модификации, а именно, конкретизируется, сужается. Характеристика репрезентируется в тексте через противопоставление свободы (freedom) как неограниченного (разомкнутого) пространства и несвободы (unfreedom) как пространства ограниченного (замкнутого). Свобода для героини – это разомкнутое пространство за пределами дома-тюрьмы, в котором проживает похитивший героиню Фредерик Клегг (уже – подвала-тюрьмы) (the state of not being in the house of Frederic Clegg), в то время как несвобода (unfreedom) – замкнутое пространство дома. Помимо лексемы “house” (49) лексемами-номинантами несвободы в романе являются: prison(er) – 31, to imprison – 6, cellar – 43, lock(ed)- 14, shutters – 3, captivity – 3, trap -1, darkness - 25.

«I like being upstairs. It's nearer **freedom**. Everything's locked. All the windows in the front of the house have indoor shutters. The others are padlocked» [9, с. 62].

4) Как показал анализ материала, характеристики культурного концепта «freedom is money», «freedom is an absence of a necessity to work», «freedom is permissiveness» не представлены в структуре индивидуально-авторского концепта «freedom», что позволяет сделать вывод о том, что они не являются релевантными для объективируемой в текстах авторской картины мира.

5) Наибольший интерес для исследования текста как индивидуально-авторского варианта концептуализации мира представляют те характеристики, которые отсутствуют в структуре культурного концепта, но присутствуют в структуре индивидуально-авторского концепта, маркируя, таким образом, своеобразие авторского мировидения. В объективируемой текстом картине мира Дж. Фаулза к подобным характеристикам целесообразно отнести три характеристики: «freedom is woman», «freedom is nature», «freedom is creative activity».

Характеристика концепта «freedom is woman» – стабильный компонент картины мира Дж. Фаулза – выделяется во всех его произведениях. В романе «The French Lieutenant's Woman» она является ядерной, слово *woman* вынесено в заглавие. Ядерная характеристика «freedom is woman» репрезентируется в романе не просто образом женщины как таковой, а женщины неординарной, выделяющейся из своей среды. Загадочная Сара Вудраф (Sarah Woodruff) меняет судьбу главного героя Чарльза Смитсона (Charles Smithson). Интересно заметить, что в основе фамилии **Woodruff** лежит название *дикого* растения ясменника, ассоциирующееся с естественной, природной свободой героини. В тексте романа индивидуально-авторская характеристика «freedom is woman» эксплицируется многочисленными повторами: все они формируют в сознании читателя представление о Саре как о символе свободы для Чарльза. Сара учит Чарльза бороться за свободу и принимать бремя ответственности за свой свободный выбор. Благодаря Саре главный герой находит себя и свой путь:

«Indeed it was hardly Sarah he now thought of – she was merely the symbol around which had accreted all his lost possi-

bilities, his extinct **freedoms**, his never-to-be-taken journeys» [10, с. 321].

«When he had had his great vision of himself **freed** from his age, his ancestry and class and country, he had not realized how much the **freedom** was embodied in Sarah...» [10, с. 409].

«Sarah on his arm in the Uffizi did stand <...> for the pure essence of cruel but necessary <...> **freedom**» [10, с. 352].

Эволюция содержания и языковых форм репрезентации концепта в авторской картине мира представляет научный интерес для лингвиста, занимающегося проблемами текста, в котором объективируется диалог человека с культурой. Описание слоисто-полевой структуры индивидуально-авторского концепта «freedom» в романах Дж. Фаулза и его сравнение со структурой одноименного культурного концепта наглядно демонстрирует, что под влиянием особенностей мироощущения писателя в индивидуально-авторском концепте происходит не только дополнение и модификация характеристик концепта, выделяемых на национальном уровне, но и их перераспределение между ядром и периферией.

#### СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

[1] – Вежбицкая А. Семантические универсалии и описание языков. – М.: Языки русской культуры, 1999.

[2] – Карасик В.И., Слышкин Г.Г. Лингвокультурный концепт как единица исследования // Методологические проблемы когнитивной лингвистики. – Воронеж: МИОН, 2001. - С.75-80.

[3] – Клебанова Н.Г. Формирование и способы репрезентации индивидуально-авторских концептов в англоязычных прозаических текстах. АКД. – Тамбов, 2005.

[4] – Пищальникова В.А. Мышление и речь // Психолингвистика: Хрестоматия. – М. – Барнаул: Изд-во Алт. Ун-та, 2002. – С. 112-147.

[5] – Степанов Ю.С. Константы. Словарь русской культуры: Опыт исследования. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1997.

[6] – Телия В.Н. Первоочередные задачи и методологические проблемы исследования фразеологического состава языка в контексте культуры // Фразеология в контексте культуры. – М., 1999.

[7] – Щирова И.А., Гончарова Е.А. Текст в парадигмах современного гуманитарного знания. – СПб: Книжный дом, 2006.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И СЛОВАРЕЙ:

[8] – Fowles J. Daniel Martin. – London: Vintage, 1998.

[9] – Fowles J. The Collector // <http://artefact.lib.ru> (Дата обращения: 10.10.2009)

[10] – Fowles J. The French Lieutenant's Woman. – London: Vintage, 1996.

[11] – Fowles J. The Magus // <http://artefact.lib.ru> (Дата обращения: 30.09.2009)

[12] – Oxford Dictionary of English. – Oxford: Oxford Univers. Press, 2006.

УДК 811.112'23

ББК 81.002.3

**Е.С. Мигрова\***

## **ДИАЛЕКТИКА КОНЦЕПТА «ЧУДО» В НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКЕ**

Ключевые слова: диалектика, концепт, немецкий язык, противоречия, чудо; *concept, contradictions, dialectics, German, wonder.*

*В статье представлены результаты теоретического исследования концепта «чудо» в немецком языке как сложного феномена, обладающего внутренними противоречиями. Диалектика концепта раскрывается, с помощью рассмотрения интерпретации противоположных пар значений.*

*The article presents the results of theoretical studies of concept «miracle» in German as a complicated phenomenon that has internal contradictions. The dialectics of the concept is revealed by considering the interpretation of the opposite pairs of values.*

В последнее время в современной лингвистике бурно развивается новый антропоцентрический подход в изучении языковой картины мира, который предполагает изучение языка с позиции сознания, мышления и духовно-практической деятельности человека. В центре

---

\* **Мигрова Екатерина Сергеевна**, Ленинградский государственный университет им. А.С. Пушкина

интересов современной лингвистики оказывается человек с его мыслями, бытом, морально-этическими категориями и т.п.

Человек является субъектом, воспринимающим окружающую действительность, его восприятие всегда субъективно. Одним из таких субъективных ощущений является ощущение чуда. Чудо парадоксально по своей природе. Наиболее метко эту мысль выразил Б. Шоу в пьесе «Back to Methuselah»: «A miracle is an impossible thing that is nevertheless possible. Something that never could happen and yet does happen». (*Чудо – это нечто невозможное, но тем не менее, ставшее возможным. Нечто такое, что никогда не могло бы случиться, и, однако, случается.*) [9, с. 123]. С этим определением писателя коррелирует философское определение чуда: «Чудо (лат. *miraculum*) – необычное событие, которое трудно объяснить, противоречащее естественному ходу вещей и приписываемое верующими людьми вмешательству сверхъестественных сил (Бога)» [11].

Концепт *чудо* находится на пересечении различных научных сфер и интересов: философии, теологии, психологии, лингвистики. Изучение различными науками концепта *чудо* способствует более полному раскрытию его сущности. Одна из основных особенностей данного концепта – наличие внутренних противоречий, диалектики. В философии под *диалектическим противоречием* понимается наличие в объекте противоположных, взаимоисключающих сторон, свойств, моментов, тенденций, которые, в то же время, предполагают друг друга и в составе данного объекта существуют лишь во взаимной связи, в единстве [10].

В концепте *Wunder (чудо)* намечаются следующие, казалось бы, не сводимые в единое целое противоречия:

### 1. Историческое и современное

Изменчивость концепта во времени связана с тем, что концепт имеет системную организацию, навязываемую структурой отражаемого мира и глубиной его разработанности в опыте человека. В общественной практике людей происходят непрерывные изменения, осмысляемые сознанием. Для выражения этих изменений язык чаще всего использует уже существующий материал, подчиняя его новым задачам выражения.

В истории философии чудом занимались многие ученые-философы, например, Ф. Аквинский, Д. Юм, Г. Гегель, И. Кант, А.Ф. Лосев. Современное философское определение понятие *чуда* в русском и немецком философском словарях совпадают. Изучение лингвистических словарей (исторических, этимологических и современных толковых) позволяет выявить изменение значений понятия *Wunder* в немецком языковом сознании.

Наиболее полно система значений слова *Wunder* представлена в историческом словаре Якоба и Вильгельма Гриммов [14]. Согласно этому словарю, чудесному приписывается, в первую очередь, воздействие высших сил, которые выстраивались в следующем порядке: *Бог – апостолы – демон – колдуны – чрезвычайные обстоятельства (войны, катастрофы) – человек*. Человек в данной иерархии занимает самую низшую ступень, поэтому такие значения как *чудо-ребенок (Wunderkind)*, *чудо техники (Wunder der Technik)* у Гриммов занимают последнее место, т.е. по своей значимости являются второстепенными. Такая градация значений может быть связана, на наш взгляд, с тем, что словарь Гриммов прослеживает развитие значений в историческом плане. В развитии человечества, и в том числе языка, первое место занимало религиозное сознание, и уже на его основе формировалась научная мысль.

В словаре Аделунга [12] – *сверхсилы* в группе значений *Wunder* занимают последнее место, а *чудеса, связанные с деятельностью человека*, имеют явный приоритет. Такое разделение значений может быть связано с влиянием идей Просвещения, царивших в тот временной период, когда составлялся словарь (конец XVIII века). В то время на передний план выступили не религиозные, а гуманитарные ценности.

В современных толковых словарях значение *чуда* как «*Божественное деяние*» занимает вторую позицию после значения *чуда* как «*нерациональное*». Таким образом, на современном этапе человек не отрицает возможность божественного начала всего чудесного, однако пытается понять чудеса и дать им объяснение.

## 2. Чудо как эмоция и как факт

В словаре Гриммов [14] основным значением для слова *Wunder* является значение эмоционального состояния – «*Verwunderung*», «*Erstaunen*», «*Bewunderung*» («*удивление*», «*изумление*», «*восхищение*»). В современных немецких толковых словарях наблюдается обратная тенденция. Чудо рассматривается как факт. Субъективное значение эмоциональной оценки не выделено в отдельное значение, однако в каждом из объективных значений *чуда* как факта подспудно присутствует фоновое значение эмоциональности.

Так, В.И. Карасик, рассматривая чудо как культурный концепт, отмечает, что содержательный минимум концепта *чудо* выражается как «*нечто необычное, небывалое, сверхъестественное, вызывающее удивление и восхищение*». Исследователь выделяет два направления конкретизации этого концепта в языке: 1) неконтролируемость и необъяснимость *чуда*, 2) эмоциональное отношение к чудесному явлению – от ужаса до восторга [4, с. 11]. Та-

ким образом, концепт *чудо* можно причислить к эмоциональным концептам.

Важно отметить, что в историческом словаре Гриммов в качестве одного из первых толкований *Wunder* даются негативные значения, которые впоследствии исчезли. В древних германских языках *Wunder* обозначало какие-либо негативно окрашенные события: 1) что-то неприятное, опасное, ужасное (*etw. Unangenehmes, Gefährvolles, Schreckliches*); 2) исторические катастрофы, войны (*geschichtliche Katastrophen, Krieg, Aufruhr, Zweitracht*); 3) что-то чудовищное, неслыханное, ужасное (в моральном отношении) (*etw. Ungeheuerliches, Unerhoertes, Grausames (in moralischem Sinne)*).

Выражение *Wunder treiben, machen*, употребляющееся в позитивном либо нейтральном смысле, может иметь и негативную окраску в значении *Laerm machen, treiben*.

В 17-18 вв. зафиксированы такие значения слова *Wunder*, как «*Zorn*», «*Wut*» («*гнев*», «*ярость*») [14].

В современных немецких словарях обнаруживается лишь один случай отрицательного отношения к чуду. В сочетании с прилагательным «*blau*» слово «*Wunder*» имеет значение «*неприятный сюрприз*». Негативное значение данному выражению придает слово «*blau*», поскольку синий цвет ассоциировался у немцев с обманом, разочарованием, ср. *blaues Wunder* – *хлебнуть горя, хлопот не обернуться*.

### 3. Рациональное и чувственное.

Попытки определения понятия чуда наблюдаются во все времена. «Для первобытного человека идея естественной необходимости еще неизвестна. Чудо определяется здесь <...> как необычное в противоположность обычному. <...> Первоначально чудо есть то,

чему можно «чудиться», т.е. удивляться, будь то дерево необычной величины, камень необычной формы, нерегулярное космическое событие вроде затмения Солнца или Луны, сверхобычное достижение человеческого мастерства и т.п.» [7, с. 367].

В самых первых письменных источниках встречаются наречия *wundrum* и *on wundra, to wundre*, древний северный *undrum*, которые имеют значение «удивление, изумление». Индоевропейский корень этого слова – *keu, skeu-*, // *keu* - нем.: *worauf achten, beobachten, schauen*, русс.: – *обращать внимание на что-л., наблюдать, смотреть* - представлен во всех индоевропейских языках: др.инд.: *kavi* (умный, ловкий), греч.: (магическая сила, власть), лат.: *caveo* (остерегаться), гот.: *hausjan*, аhd. *hor(r)en* (слушать), чех.: *koumati* (опасаться), серб.: *civati* (слушать, чувствовать), рум: *sichatb* (ощущать) и т.д. [16]. Уже из краткого перечня значений данной основы видно, что чудо связано, прежде всего, с процессом чувственного познания, субъектом познания которого выступает человек.

Синонимический ряд глагола *wundern* состоит из следующей цепочки: *befremden, erstaunen, verwundern, in Erstaunen versetzen, seltsam, anmuten* [13, с. 1972]. Однако на сайте «*Wie sagt man noch?*», где размещен словарь, пополняемый пользователями, в качестве синонимов глагола *wundern* предлагаются еще следующие глаголы: *verblueffen* (ошеломлять, озадачивать, поражать), *ueberrascht sein* (быть пораженным, удивленным) [17].

Чудо выступает объектом не только чувственного, но и рационального познания. Данное значение чуда отражает исторический словарь Гриммов, где одним из первых значений *Wunder* является значение «*Neugier*», «*Wissbegier*» («любопытство»).

Это же значение обнаруживает и производный глагол *wundern*, *sich wundern*:

*wundern* = *jmds. Neugier erregen* (вызывать интерес), *ich wundere mich* = *ich bin verwundert, ich frage mich zweifelnd* [15, с. 1147].

Значение «интересоваться, желать знать» обнаруживает и английский глагол *to wonder*.

Таким образом, глагол *wundern* связан не только с эмоцией удивления, но и с попыткой рационального познания. Для носителя немецкого языка первостепенное значение имеет познание, разгадка чудес, поэтому концепт *Wunder* имеет ментальную сущность. «Западноевропейская мысль всегда была заражена неизлечимой болезнью рационализма... западное христианство также было заражено рационализмом. <...> Характерное для Запада подчеркивание в человеке разумного начала обычно связывают с особым вниманием, которое запад всегда уделял свободной воле и активной деятельности отдельного индивида....» [2, с. 36].

Ментальную сущность концепта *Wunder* подтверждают некоторые случаи речевого употребления:

1) речевые клише:

*wunder wer* - *незнамо, невесть, непонятно кто*;

*wunder was* – *незнамо, невесть, непонятно что*;

*wunder warum* – *непонятно, по какой причине*.

2) чудо в значении «загадка, тайна», например: *Wunder von Loch Ness* – *тайна озера Лох-Несс*.

3) сочетания с ментальными глаголами: *meinen, denken, erfahren*, ср.: *Wunder meinen, Wunder denken, Wunder erfahren*.

С.А. Аскольдов отмечает, что познавательные концепты часто оказываются схематическими представлениями, лишенными конкретных деталей. Неопределенное «нечто», обещаемое в первичном значении, то «нечто», которые мы даже бессильны вполне раскрыть в направлении обещанного, и отличается чрезвычайной остротой художественного воздействия [1, с. 276]. Таков, на наш взгляд, и концепт *Wunder*.

#### 4. Объективное и субъективное

Сложность толкования понятия «чудо» связана с субъективностью его восприятия. Наиболее ярко эту мысль подчеркивал А.Ф. Лосев: «Чудо – обладает в основе своей <...> характером извещения, проявления, возвещения, свидетельства, удивительного знамения, манифестации, как бы пророчества, раскрытия, а не бытия самих фактов, не наступления самих событий. Это – модификация смысла фактов и событий, а не самые факты и события» [5, с. 187].

Согласно философскому словарю, под *субъективным* понимается «все то, что относится к субъекту (всему его психологическому состоянию) и более или менее совпадает с его взглядами, интересами, вкусами и т.д.; зависимость от субъекта (противоположность-объективность)» [11].

В словарях Аделунга и Гриммов значения данного слова подразделяются на объективные и субъективные. Первое место занимает субъективное значение эмоциональной оценки. У Аделунга это эмоция удивления (*Verwunderung, Bewunderung*), у Гриммов помимо данной эмоциональной оценки даются такие эмоциональные значения, как «восхищение, гнев» (*Zorn, Wut*). Однако, если Аделунг четко разграничивает субъективное (эмоция) и объективное (явление, предмет), то у Гриммов даже в качестве объективного значения при-

водится значение слова *Wunder* как *факт*, который переживается эмоционально. В качестве основного дается значение субъективной оценки, а уже затем объективные значения («явление», «предмет», «достижение» и т.д.) [14].

В современных немецких толковых словарях в качестве основных даются объективные значения: «явление» («*Erscheinung*»); «событие», «происшествие» («*Vorgang*», «*Geschehnis*»); «произведение» («*Werk*»); «достижение» («*Leistung*»), субъективное значение всегда отходит на второй план.

### 5. Реальное и нереальное

С позиции философии в сознании человека сосуществуют несколько противоположных миров, например: материальный – идеальный, фактический – мнимый, истинный – иллюзорный.

Таким образом, все многообразие толкований слова *Wunder* можно разделить на следующие группы:

1) Событие, явление, относящееся к реальному, материальному миру, но выходящее за пределы, границы привычного в этом классе вещей. Чудо здесь выполняет классификаторскую функцию, т.е. обозначает что-либо выдающееся из множества, например: *немецкое чудо* (*deutsches Wunder*); *баварское чудо* (*bayerisches Wunder*); *чудо-ребенок* (*Wunderkind*); *чудо света* (*Weltwunder*); *чудо техники* (*Wunder der Technik*).

Чаще всего с этой позиции чудо - это то, что можно объяснить, но в силу своей неординарности, вызывающее эмоцию удивления, поскольку находится на грани нереального.

В немецком сознании существует четкое разграничение между чудесами, относящимися к реальному, материальному миру и чудесами, относящимися к нереальному миру. Эта особенность отража-

ется в языке. Так, чудеса, относящиеся к реальному миру, обозначаются с помощью следующих сочетаний: *kleines Wunder, mittleres Wunder, wie ein Wunder, ein augenscheinliches Wunder, grenzt an Wunder, fast grenzt an Wunder*.

2) Чудо выражает то, что нельзя понять с помощью сознания, что относится к мнимому миру (в теологии - «мир неземной», в науке - «мир потусторонний»), например:

*wahres Wunder – библейские чудеса (чудеса Христовы);  
Wunderbild - чудотворная икона.*

3) Чудо относится к фантазийному, вымышленному миру (*Wunder – «фантазия, иллюзия»*), например:

*Wundertaefer – колдун, чужодей;  
Wunderstab – волшебная палочка;  
Wunderlampe – волшебная лампа;  
Wunderkraft – богатырская сила;  
Wunderland – страна чудес;  
Wundertier – чудовище, дикий животное.*

Однако, как замечает М.В. Никитин, базисным миром сознания является действительный, фактический мир. Все прочие миры вторичны по отношению к нему, они строятся на его основе и оцениваются с оглядкой на него. «Иначе нельзя, т.к. психика не отвечала бы своему назначению – обеспечивать успешную ориентацию и существование субъекта в действительном, непреложном мире» [6, с. 647]. Примечательно, что в немецком языке имеет место попытка четкого разграничения семантической полюсности данного слова, т.е. понятие чудо является градуированным, имеющим шкалу, как некое земное, естественнонаучное понятие: ср. *etw. grenzt an Wunder – что-л. граничит с чудом*. Степень приближенности к этой границе выража-

ется с помощью таких определений, как *gross, klein, mittler*, а также наречий *fast, so wie*, напр.: *grosses Wunder, kleines Wunder, mittleres Wunder, fast ein Wunder, fast grenzt an Wunder, so wie ein Wunder*.

#### 6. Факт и знак факта

Чудо может выступать как факт (*событие, явление*) или как *знак, знамение* какого-либо события или явления.

Значение чуда как «факта» отражено во всех проанализированных нами современных немецких толковых словарях. Чудо есть «явление» («*Erscheinung*»), «событие», «происшествие» («*Vorgang*», «*Geschehnis*»), «произведение» («*Werk*»), «достижение» («*Leistung*»).

С позиции религии чудо рассматривается как «знак, знамение», «содержательное возвещение», обращенное к человеку. Чудо, понятое как «знамение», входит в состав идеи откровения и однозначно отделяется от любого необычного природного процесса. И откровение, и чудо, с этой точки зрения, выступают как прорывы из сверхъестественного в естественное, из мира благодати в мир природы. Свершителем такого чуда может быть только Бог [7, с. 367].

Понятие чудо в философской энциклопедии толкуется, в первую очередь, как теистическое и означает «снятие волей всемогущего Бога-Творца положенных этой же волей законов природы, зримо выявляющее для человека стоящую за миром вещей власть Творца над творением...так, хотя цель или результат евангельских исцелений мыслится, прежде всего, как здоровье исцеленных, но по своему смыслу не сводится к нему: самый жест исцеления чудом описывается не только как милость, оказанная немногим, но как знак, поданный всем» [там же, с. 367-368]. Таким образом, данный концепт сводится к библейскому концепту *знак-знамение*. Чудо как *знак экс-*

плицитно представлено во фразеологизме «*Zeichen und Wunder! (чудеса, да и только!)*».

### 7. Знание и вера.

Концепт *Wunder* граничит как с концептом *Vera*, так и с концептом *Знание*.

В философии знание делится на чувственное и рациональное, но граница между ними имеет условный характер. В.А. Канке, с одной стороны, показывает относительную изолированность чувственного и рационального, с другой стороны, говорит об их тесной взаимосвязи, взаимообусловленности, что связано со сложным устройством человеческой психики [3, с. 187-189]. На границе понятийных сфер *знание* и *чудо* находится понятие *феномен (Phaenomen)*. Происхождение данного слова восходит к греч. *phainomenos*, от глагола *phaino* (*быть доступным чувствам*). В языке *феномен* является научным синонимом слова *чудо*, а наука базируется, в первую очередь, на рациональном знании.

Концепт *знание* пересекается с концептом *вера*. Духовная сознательная жизнь человека течет тремя потоками: рационально-логическим (чистое мышление), фантазийно-игровым (игра ума) и фидейным (вера). Центральным, объединяющим звеном является *вера*. Фидейное сознание «ориентировано на непреложный мир опыта и стремится по-своему, своими средствами описать и объяснить его» [6, с. 638]. В области фидейного сознания человеку постоянно приходится решать вопрос о том, «как ментальные построения, основанные на вере, соотносятся с действительностью, насколько они достоверны или являются чистой фантазией ума» [там же, с. 639]. Анализируя произведения православного автора Иоанна Дамаскина (VIII в.), Ю.С. Степанов делает вывод о том, что Вера делится на «веру от слуха» и «веру вещей невидимых обличение (т.е. обнаружение, придание облика)». Первое относится к «акту веры» (нем.

*Glaubensakt*), а второе к «содержанию веры» (нем. *Glaubensinhalt*) [8, с. 412]. Основываясь на таком разделении, можно причислить концепт *чудо* к содержанию *веры*. Границы концепта *чудо* с концептом *знание* и *вера* носят универсальный характер.

#### 8. Универсальное и специфическое

Концепт *чудо* можно отнести к группе универсальных концептов, поскольку понятие *чудо* в немецком языке трактуется приблизительно так же, как во многих других языках. Так, в английском (*miracle, wonder*), французском (*miracle*) и русском (*чудо*) языках под чудом понимается некое *событие или явление, выходящее за рамки привычного, обычного и вызывающее сильное удивление*. Однако данное понятие «всегда существенно зависит от этнической и социокультурной принадлежности субъекта сознания. Например, в кругу индийской традиции йоги все «знают», что к тривиальным умениям йога относятся определенные действия, о которых носитель европейской цивилизации так же твердо «знает», что они безусловно невозможны. Не только вера, но и неверие в чудо неизбежно относятся к области «убеждений» [7, с. 367].

Действительно, анализ результатов опроса респондентов позволяет выявить специфику толкования понятия *чудо*, характерную только для немецкого сознания. Большинство из опрошенных (90%) считают чудом быстрый экономический подъем в Германии после Второй мировой войны, так называемое «экономическое чудо» (*Wirtschaftswunder*). 85% опрошенных респондентов считают чудом падение Берлинской стены и исчезновение ГДР. 70% респондентов ассоциируют чудо с победой сборной Германии по футболу на чемпионате мира в 1954 году (*bayerisches Wunder*).

Анализ показал, что концепт *Wunder* относится к пограничным концептам и содержит в себе ряд противоречий.

Намеченные диалектические противоречия концепта *Wunder* требуют более глубокого изучения с привлечением большего количества языкового материала.

#### СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

- [1] – Аскольдов С.А. Концепт и слово / Русская словесность. От теории словесности к структуре текста. Антология – М.: Academia, 1997.
- [2] – Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание – М.: Русские словари, 1997.
- [3] – Канке В.А. Философия. Исторический и систематический курс: Учебник для вузов. – М.: Логос, 1997.
- [4] – Карасик В.И. Языковая личность: культурные концепты / Сб. научных трудов – Волгоград-Архангельск: Перемена, 1996.
- [5] – Лосев А.Ф. Диалектика мифа. Философское наследие. – Т. 130. – М.: «Мысль», 2001.
- [6] – Никитин М.В. Курс лингвистической семантики: Учебное пособие. – СПб.: Изд-во РГПУ им. Герцена, 2007.
- [7] – Новая философская энциклопедия. – Т.3. – М.: Мысль, 2001.
- [8] – Степанов Ю.С. Константы: Словарь русской культуры. – М. Академический Проект, 2004.
- [9] – Shaw G.V. Back to Methuselah. – 1st World Publishing, 2007.

#### СПИСОК СЛОВАРЕЙ:

- [10] – Словари и энциклопедии на Академике // <http://dic.academic.ru/dic.nsf/ruwiki/130867> (Дата обращения: 02.10.2009).
- [11] – Философский энциклопедический словарь / Ред.-сост. Е.Ф. Губский и др., 2003. // <http://terme.ru/dictionary/184> (Дата обращения: 02.10.2009).
- [12] – Adelung. Woerterbuch der deutschen Sprache // <http://mdz.bib-bvb.de> (Дата обращения: 06.07.2009).
- [13] – Bulitta E., Bulitta H. Das Krueger Lexikon der Synonyme. – Frankfurt, Krueger, 1993.
- [14] – Der Digitale Grimm. – Frankfurt am Main, 2004.
- [15] – Langenscheidts Grosswoerterbuch, Deutsch als Fremdsprache (Taschenbuch) Langenscheidt KG, 2002.
- [16] – Pokorny J. Indogermanisches etymologisches Woerterbuch // <http://dnghu.org/indoeuropean.html> (Дата обращения: 10.09.2009).
- [17] – Wie sagt man noch? Synonyme und Fremdwörter // <http://www.wie-sagt-man-noch.de> (Дата обращения: 12.05.2009).

УДК 81'23  
ББК 81.002.3

*Л.Ю. Резниченко\**

## **СПЕЦИФИКА ДИМИНУТИВНЫХ НОМИНАЦИЙ ЛИЦА (на материале английского, немецкого и русского языков)**

Ключевые слова: *диминутивность, культурный код, фразеологическая концептуализация, этнокультурная коннотация; culture code, diminutiveness, ethnocultural connotation, phraseological conceptualization.*

*Статья посвящена исследованию фразеологической концептуализации понятия «малость / диминутивность» в английском, немецком и русском языках. Осуществляется попытка поиска национально-культурной специфики, выявления некоторых когнитивных и ассоциативных признаков исследуемого концепта на основе образов.*

*The article is devoted to the research of phraseological conceptualization of «littleness / diminutiveness» in English, German and Russian. An attempt to search national-cultural specificity, to reveal certain cognitive and associative characteristics of the concept under consideration on the basis of the images involved is carried out in the article.*

Определенную актуальность для исследования диминутивности представляет извлечение информации о репрезентации свойств человека, характеризующих его с позиций ценностных установок, стереотипов в общечеловеческом плане и с точки зрения лингвокультурной специфики. Наибольшую наполняемость среди выделенных в ходе анализа ЛСГ по количеству диминутивных единиц в трех языках (английском, немецком и русском) имеет группа «наименование лица», что подтверждает антропоцентрическую направленность категории диминутивности и ее связь с антропо- и эгоцентризмом речемыслительной деятельности. В связи с этим осуществляется попытка установления сходств и отличий во внутренней мотивации способов диминутивной номинации лица в исследуемых языках, оп-

---

\* **Резниченко Лариса Юрьевна**, кандидат филологических наук, Поморский государственный университет им. М.В. Ломоносова, г. Архангельск

ределении их прагматического потенциала и их лингвокультурных и социокультурных особенностей. Материал исследования представлен выборкой из современных словарей и ряда примеров художественной литературы.

Е.С. Кубрякова рассматривает акт номинации как важнейшее понятие речевой деятельности, характеризуя его как «речемыслительный процесс, направленный либо на выбор существующего в языке готового обозначения для именуемого явления и мысли об этом явлении, либо на создание подходящего названия для него» [3, с. 37].

Говоря о статусе номинаций лица, возможно наметить их деление в соответствии с выполняемыми функциями: номинативная и коммуникативная функции, идентифицирующая, характеризующая, социально-различительная, экспрессивно-оценочная и др.

Категория лица представляет одну из основных категорий называния, а понятие «человек» принадлежит к базовым культурным концептам. В широком смысле номинация связана с описанием и обозначением психических состояний, качеств, отношений, чувств, эмоций, – всего, что соотносится с квалификационной сферой познавательной деятельности человека. Таким образом, наименование лица представляет одно из наиболее информативных языковых средств, обеспечивающих доступ к концептуальной и лингвокультурной картине мира.

Диминутивная номинация представляет особый вид номинации лица, при которой объективно-логическое значение (значение малости) вытесняется коннотативным значением, либо сема диминутивности вступает во взаимодействие с семой субъективной оценки (конструктивный элемент значения, индивидуализирующий объект номинации).

Диминутивные номинации лица относятся к оценочным номинациям в силу специфики модели их образования и могут выполнять как номинативные, так и прагматические функции (экспрессивной оценки, иронии, уничижения, критической оценки, сожаления и т.д.). К основным способам образования диминутивных номинаций лица относятся лексико-семантический способ и суффиксальный способ и его разновидности. Они включают различные модели, варьирующиеся в зависимости от типа языка. В данной статье рассматриваются модели в рамках суффиксального способа.

Категория лица связана с концептуализацией человека как существа социального, имеющего сложные взаимоотношения с окружающей действительностью и людьми. Социальный статус имеет достаточно имплицитный характер, его полная картина мозаична и состоит из многих элементов различных уровней. Диминутивы благодаря своему оценочному потенциалу, могут выступать проводниками определенных социокультурных коннотаций на стыке двух категорий в их взаимодействии – категории лица (в ее номинативном аспекте) и категории социального статуса (через оценочность). ЛСГ «*наименования лица*» дает наибольшую интенсивность коннотаций, актуализующих индикацию оценки социального статуса.

Признак социального статуса наряду с признаками эмотивности, экспрессивности и оценочности составляет один из компонентов прагматического значения. Пересечение указанных признаков в диминутивах создает основу для осмысления диминутивности как своеобразной прагматической модели актуализации коннотативных элементов социального статуса. В узком смысле социальный статус связан с реализацией различных социальных ролей, а в более широком смысле – с некоторыми устойчивыми шаблонами поведения че-

ловека в обществе, которые включают действия, мысли, чувства, одобряемые (мелиоративные коннотации) или порицаемые (пейоративные коннотации) в данном социокультурном пространстве. Диминутивная модель статусной оценки реализует преимущественно пейорацию.

Оценка чаще всего происходит по общеценностной либо индивидуальной ценностной шкале. Под основанием оценки понимается то, с позиций чего оценивается объект. Все частные оценки обобщаются тремя типами: эстетической, этической и утилитарно-прагматической [1]. «Статусная оценка многообразна. В широком смысле любая нормативная оценка носит статусный характер. В узком смысле мы говорим о статусной оценке как уважении либо неуважении и способах проявления соответствующего отношения» [2, с.77].

Диминутивную модель номинаций лица, связанную с оценкой *характера, поведения* представляют номинации, соответствующие механизму утилитарно-прагматической оценки, в основе которой лежат различные аксиологические оппозиции. Большое количество единиц представлены группой, характеризующей человека по интеллекту. Некоторые номинации данной группы в немецком языке передают неадекватность или отклонения от стереотипных норм поведения, его разные грани (являясь относительно нейтральными или оскорбительными):

– гендер-амбивалентные номинации: *Dummling / Dummenchen, Doofchen, dummes Stueckchen* – дурачок (дурочка);

– мужские номинации: *Alberling* – ненормальный, странный парень; *Tropflein* – дурак, простофиля, *Blodling* – дурак, придурок, идиот; *Heini* (<Heinrich) – дурак.

Семантический компонент *Heini* служит основой для других номинаций, реализующих различные коннотации, напр., *Pfeifenheini*, *Saftheini* – неудачник.

В английском языке, как и в немецком, наибольшее количество номинаций данной группы связано с характеристикой лица по умственным способностям, объединенным реализацией общей семы «глупость». Правда, в немецком языке они более детализированы, в номинациях представлены разные ее виды. В английском языке акцент падает на понятие глупости как *слабости ума*:

*noodling* – слабоумный, дурак; *trustie* – придурок; неадекватность поведения: *pillock* – придурок, надоедливый человек, *changeling* – дурак, слабоумный, неадекватный человек; *divvy* – неадекватный человек; *madling*, *courtling* – придурок, подхалим, льстец.

Нюансировка номинаций с общим значением «глупость» в исследуемых языках, вероятно, изначально имеет основу в семантике несмышленности, неопытности, отсутствия житейской мудрости, характерной для маленького существа, ребенка, отсылая, таким образом, к гиперсеме «маленький». В дальнейшем, происходит развитие семантики по пути приращения с позиции оценки человека как существа социального. В русском языке также встречаются номинации *идиотик*, *дурачок*, *дурочка*, *глупышка* с оттенком ласкательности, часто функционирующие в обращениях, реализующие иронично-шутливую коннотацию и общую функцию смягчения негативной оценки.

Другая часть номинаций представляет этический / морально-этический тип оценки, характеризуя нравственные качества и виды социально не поощряемого поведения, включающие следующие концептуальные признаки:

1) назойливость и нахальство: *Endringling* – нежданный гость, *Aufdringling* – назойливый, нахал, *Freshling* – наглец, нахал, выскочка; *Wildling* – Вспыльчивость – *Wildling*;

2) тщеславие: *Emporkommling* – карьерист, выскочка, *Ehrgeizling* – чрезмерно тщеславный человек;

3) критиканство: *Geiferling*;

4) подхалимаж: *Schleimling* – подлиза, льстец, *Kriechling* – подхалим;

5) обман: *Blendling* – очковтиратель; обманщик;

6) низость: *Widerling* – низкий, презренный человек;

7) прочие социальные пороки: *Finsterling* – мракобес, *Lustling* – похотливый малый.

В сугубо женских номинациях встречаются такие характеристики, как:

– наивность: *Seelchen*, *Schneewittchen*, *Herzchen*, *Naivchen*;

– сексуальная распущенность, ветреность: *Daemchen*, *billiges Flittchen*, *Toertchen*, *Voegelchen*.

Однако *наивность* концептуально связана с неопытностью по причине молодости и определенной несостоятельности, неполноценности, слабости, социальной незрелости. Таким образом, данные номинации тяготеют к группе «Номинации, фиксирующие проявление слабости лица» (см. далее).

К пограничным номинациям между “+” и “–” могут быть отнесены шутливо-ироничные номинации типа *Guenstling* – *любимец, любимчик, фаворит*; *Goetterliebling* – *любимец богов, счастливчик*.

Единственной номинацией, имеющейся в выборке, с относительно положительной коннотацией в немецком является иронично-шутливое *Witzling* – *остряк, весельчак*. В английском *witling*, имеющем с немецким общую основу *wit*, реализуется пейоративное значение «неумный, недалекий человек», реже «остряк» с оттенком презрительности.

Модель оценки лица по характеру / поведению в современном английском языке не продуктивна, оценочные номинации лица этого типа единичны:

*snobling* – *a little snob*, *worldling*, *earthling* – *a person absorbed by the concerns and interests and pleasures of the present world*.

В русской модели диминутивной номинации лица данного типа, продуктивность зависит от суффиксов, их валентностей с основами и реализацией соответствующих коннотаций. Выделяются наименования лиц женского / общего рода, характеризующихся по *типам социально не поощряемого поведения*: *врушка, болтушка, вертушка, потаскушка, побирушка, рёвушка, простушка*. Преимущественно реализуются коннотации пренебрежительности, уничижительности, реже ласкательности. Основная функция внутри модели – смягчение негативной коннотации. Оттенок ласкательности часто реализуется в номинациях лица, в основном, характеризующихся по внешнему признаку, и эксплицируется через семантику сожаления: *хромушка, толстушка, дурнушка, худышка, сиротинушка*. Оттенок невзрослости,

ласкательности, реже уничижительности реализуется в номинациях: *глупышка, коротышка, малышка* и т.д.

Помимо косвенного указания на социальный статус выделяется группа номинаций, непосредственно называющих статус лица. Оценка социального статуса связана с оценкой типичных характеристик поведения лица, занимающего определенное положение в социуме, и оценкой лица как типичного исполнителя определенной социальной роли, связанной в том числе с оценкой социального статуса лица по роду деятельности, профессии. Номинации лица по статусу в силу специфики модели почти всегда отмечены знаком пейорации. По деривационным законам в их основе лежит принцип семантической сочетаемости: при присоединении к основе, семантика которой не соотносится с понятием размера, возникает несоответствие при столкновении семантики диминутивного суффикса и основы. При реализации ироничной коннотации происходит снижение социального статуса.

В немецком языке номинации лица по социальному статусу в суффиксальной модели с *-ling* единичны, как немногочисленны они и в других моделях (*Nonnlein* – *монашка*, *Hoefling* – *царедворец; придворный*, *Haueptling* – *шеф, начальник, предводитель, главарь*). В последних оценочная маркированность ближе к нулевой. У ряда номинаций в немецком языке, образованных по той же модели типа: *Fremdling* – *пришелец; чужой; незнакомец*, *Haefling* – *заключённый; арестант*, – первоначальная диминутивно-экспрессивная маркированность стерта, они функционируют как нейтральные единицы с точки зрения коннотации. В английском их несколько больше, но они относятся к древним слоям лексики, что не свидетельствует в пользу продуктивности модели. В английском языке в рамках рассматри-

ваемой модели статусность оказывается более маркированной. Объект статусной оценки соотносится со значимостью, маркируется незначительность статуса: *bardling – inferior bard*, *priestling*, *princeling – a prince judged to be of minor status or importance*, *a petty or insignificant prince*, *lordling*, *popeling*, *squireling*, *joskin* – деревенщина, провинциал, неотёсанный человек. И, наконец, номинация-гипероним – *underling – a person of low status, someone who serves in a subordinate capacity or plays a secondary role*.

Номинации, связанные с необсуждаемо значимым социальным статусом, типа *princeling*, *squireling*, *priestling*, в начале, возможно, сохраняли связь с семой принадлежности к роду, в дальнейшем трансформирующуюся в пейоративную сему, ср. русск. *царек*, *князек* и т.д. изначально реализующие пейоративную семантику (в славянской модели диминутивной деривации такого типа не присутствовала сема принадлежности к роду / племени, как в германской, фиксирующейся семантикой суффикса). Концепт значимого социального статуса в славянской картине мира, вероятно, связан с особым типом социальной модели общества (крепостное право, восприятие высшей верховной власти от Бога) и соответствует культурно-обусловленным социальным стереотипам.

Определенного внимания заслуживает группа «наименование лица по профессии». Номинации лица по профессии и роду занятий в английском акцентированы в пласте неофициальной лексики. Эта группа представлена большей частью сленговыми номинациями: англ. *cabbie/y*, *gynie*, *blinkie*, *potsy*, *roady(ie)*, *rocksy*, *techie*, *juvie*, *flatty*. В указанных номинациях реализуется иронично-шутливая коннотация, более интенсивная степень пейорации, связанная с актуализацией презрения (оскорбления), направленная на намеренное

снижение статуса и проявления неуважения к лицу: Dichterling, Reimling.

Ряд номинаций, обозначающих лицо по профессии, оформленных суффиксом –ette имеет обобщенное значение женского рода. В большинстве работ по словообразованию отмечается именно эта функция суффикса –ette. Существует вероятность наличия эмотивной семы в значении диминутивов с -ette. В.И. Шаховский [4] склонен усматривать в нём уменьшительно-ласкательное значение: conductorette; sailolette; officerette – «маленькая, изящная женщина», не сопоставимое по коннотативному содержанию в русских номинациях того же типа: офицерша (жена офицера); кондукторша. Вопрос в том, какой оттенок значения может передавать суффикс –ette в таких дериватах остается дискуссионным.

В немецком языке наименование лица по профессии реализуется в целом ряде дериватов, объединенных одной моделью образования: Anlernling – *ученик на производстве*, Berglehrling – *ученик шахтёра; горняк-ученик*, Baeckerlehrling – *ученик булочника*, в которых присутствует сема молодости / неопытности. Встречаются также другие номинации от нейтральных – Heuerling – *жилец, арендатор небольшого земельного участка, отрабатывающий аренду собственным трудом* – до коннотатированных – Schneiderlein – *портняжка*.

Диминутивные номинации в рассматриваемых языках редко связаны с непосредственной оценкой *престижности* профессии, выполняемой работы или родом занятий (нем. уничижит. Voerseneinchen – *работник биржи*; Mietling – *презрит. наймит* (ср. также Poestchen – *незначительность занимаемой должности*).

К национально-специфической черте можно отнести образование диминутивов от основ существительных, обозначающих ряд профессий, наименований рода деятельности в русском языке. Развитая система диминутивной деривации в русском предлагает целый набор суффиксов, имеющих возможность варьирования и выполнения функции субъективной оценки. Однако субъективная оценка оказывается, во-первых, напрямую связанной со стереотипным отношением к предмету номинации в данной лингвокультуре, во-вторых, может иметь контекстуальную реализацию эсо, отличную от общепринятой (*офицерик, князек, президентик, юристик, депутатик, журналистик / солдатик, морячок, пастушок*).

#### **Номинации лица, с гендерным и возрастным индексом**

Поло-возрастная идентификация связана с механизмом когнитивного осмысления признаков пола и возраста. Номинаций, характеризующих лицо по возрастному признаку, много как в английском, так и в немецком языке. Все они передают близкое к прототипическому, ядерному значению «молодость / малость лица».

К мужским номинациям в немецком языке относятся шутивно-ироничные коннотации, реализующиеся в номинациях, где возрастным индекс выходит за пределы детскости: нем. Gruenling – *зеленый, юнец; молокосос*, Juengling – *юноша*; англ. yearling – *юноша, подросток, курсант первого курса (военного училища)*. Мужские детские номинации в немецком языке обладают большой вариативностью: Buebchen – *мальчуган; малыш; карапуз*. Гипероним Buebchen объединяет следующие номинации, актуализующие положительную коннотацию, экспонирующую ласкательность: Bubi, Kerlchen, Kleinchen, Maetzchen; а также диалектные варианты,

оформленные другими диминутивными суффиксами – Mickerie, Kruemel; Purzel, Luzi.

В английском языке диминутивные номинации детей мужского пола менее распространены: charrie – *паренёк; парнишка*; laddie – *мальчуган, паренёк*; в разговорном языке функционируют bubby – *малыш, мальчуган*; caddy – *мальчик*, а также существует ряд сленговых номинаций типа swoony – *красивый мальчик*.

Эстетический тип оценки в мужских диминутивных номинациях немногочислен, ограничен следующими характеристиками:

- невысокий рост: Pfaefflein, Hutzelmaennchen;
- щегольство: Schickimicki;
- удобство+физическая слабость: Haenfling;
- полнота: Feistling.

В женских возрастных номинациях, напротив, чаще прослеживается эстетический тип оценки, связанный с оценкой привлекательности.

Женские номинации в английском имеют слабую возрастную дифференциацию, могут употребляться как относительно маленьких детей, так и девушек, женщин: baby, girlie, lassie, popsy, popsy-wopsy, sissy, catling – ласкат. *кошечка* не часто о девушке, pussy – *киска, котик*; заяц, употребляемое также в табуированной лексике – *соблазнительная бабёнка* (ср. в нем. ласковое обращение к маленьким детям – Pusselchen); puggy, moggy – *кошечка; лапушка*; Bunny – *девушка*, old girl – *старуха* (о девушке), babe – (к маленьким девочкам и девушкам), tootsie. При этом указанные номинации, употребляемые по отношению к взрослым женщинам, маркируют женскую привлекательность, сексуальность. Несуффиксальная модель также предлагает разнообразие номинаций, но сема малости реализуется

лишь в некоторых: *chit of a girl, young thing* – *юное создание*, шутл. *девочка, девчушка, молодое существо* (о ребёнке или девушке).

В обращениях функционируют *baby, deary/ie, darling, sweety/ie, lovey, hinny* – *милая; голубушка*.

Женские номинации в немецком типа *junges Maedchen / Jungmaedchen, Maegdlein* – *девочка, девушка* – ощущаются как устаревшие, поэтические. В разговорных номинациях реализуется дифференциация лица по свойству (характер, поведение, внешность): *Schmeichelkaetzchen* – *кошечка, котёнок* (о ласковом ребёнке, чаще о девочке); также шутливо-ироничное – *подлиза*; *Mauerbluemchen* – *девушка, которую никто не приглашает на танец, маленькая женщина*, *Frauchen* – *бабёнка*; *Haeschen* (*зайка*) – *привлекательная женщина*; *Tussi* – *ярко накрашенная девушка*; *haessliches Entlein* – *непривлекательная женщина*; *Mannweibchen* – *мужеподобная женщина*. В обращениях функционируют *mulne Maus* – *любущка моя*; *Herzliebchen, Herzchen* – *душенька*; *Taeubchen* (устар.), *Feinsliebchen* – *голубушка*; фамильярное – *Maeschen*.

В русском языке женские номинации многочисленны – *девонька, девчушка, молодушка, зазнобушка, милушка, любущка, лапушка, ладушка, душка (душенька), голубушка* – и имеют слабую маркированность по возрасту.

Гендер неидентифицирован в номинациях «унисекс» с обобщенным значением *ребенок* (одинаково обозначающих девочек и мальчиков). Такие номинации в английском и немецком языках преимущественно связаны с наименованием лица, где доминирующей является сема возраста, передающая молодость лица: англ. *nestling* – *a young person of either sex*, нем. *Nestling* < (д.н. *Nestlinc*); *Zoegling*,

нем. Pфlegling, Schuetzling, Muendel – воспитанник / -ца; нем. Findling, англ. foundling, нем. Erstling, англ. Firstling.

В английском языке таких номинаций больше: kinchin – *мальчишка, девчонка* (ребенок), fingerling – *крошка, рыбка*, kidling – *малыш, крошка*.

Определенное количество аналогий в английском и немецком языках свидетельствует об общности модели в рамках одной группы языков, не только на морфологическом уровне, но и об унифицированности когнитивного механизма.

Внутри группы в диапазоне малости для английского языка характерен также ряд дифференциаций: возрастная дифференциация по шкале «очень маленький – средний – маленький»: suckling – *очень маленький ребенок* (от рождения до 1 года), который еще не начал ходить и говорить; kiddy – *маленький ребенок*; nursling, reckling – *младший ребёнок в семье*. Диалектные номинации: babby / bubbu; kiddy(ie); шотл. bittock.

В рамках модели возможно включение дополнительной, дифференцирующей семы: changeling – *подкидыш*; fosterling – *приемный ребенок*, urchin – *poor and often mischievous city child* (*уличный ребенок*). В данной подгруппе встречаются очень оскорбительные детские номинации, характерные только для английского языка, имеющие, в том числе, рефлекс расовой дискриминации и нетерпимости: ricaninny – оскорбительное, этнически маркированное – *чернокожий ребенок*; bantling – презр. *отродье, выродок* (о ребёнке). Идентичной номинацией для английского, немецкого и русского языков, обозначающей маленького, симпатичного младенца является русск. *ангелочек*; англ. angelet; нем. Engelein.

В русском к номинациям детей относятся гендерно-неидентифицированные номинации типа: *деточка, малышка, ребеночек, годовичок, последыш*. В обращениях функционируют зоонимы типа *котенок, рыбка, зайчонок, зайка, реже мышонок, крольчонок* (данные номинации также функционируют как женские номинации, недифференцируемые по возрасту). Процентное соотношение детских номинаций, образованных по суффиксальной диминутивной модели меньше, чем образованных другими способами, однако, в речи, обращенной к детям (или их описывающей), больше используются диминутивы суффиксальной модели как кванты эмоций.

Номинации, связанные с наименованием лица пожилого возраста, единичны. В немецких номинациях *Alterchen – старичок, Altchen – старушка* маркируется фамильярность, характеризующая речевое поведение адресанта, как излишне непринужденное, развязное, по отношению к адресату даже в косвенной речи. Менее фамильярны номинации типа *altes Maennchen, altes Muetterchen*; оскорбительной является нем. *Hutzelweibchen – маленькая, сморщенная старушонка* (ср. русские номинации с мелиоративной коннотацией: *старичок / старушка* и с пейоративной коннотацией – *старикашка / старушонка*). Такая дифференциация внутри одной модели невозможна в германских языках, но возможна в славянских, в частности, в русском.

Аналогичные для всех языков номинации: *granny, Grossmuetterchen, бабулечка*, употребляемые в отношении незнакомых людей, являются фамильярными. Однако данные номинации не несут уничижительной коннотации, хотя и могут восприниматься как обидные (на основе импликации «вторжение в личную сферу, сферу родст-

венных отношений»), в связи с этим они имеют рестрикцию по сферам употребления.

Английские номинации могут употребляться независимо от возраста: *elderling*, *oldie* – разг. *старушка*; *old girl* – *старушка* (независимо от возраста), *женщина* (независимо от возраста). В разговорном стиле американского варианта английского *granny* получает дополнительную культурно-специфическую коннотацию – *глупая, сутяжливая женщина* (ср. также в лексико-синтаксической модели – *little old ladies in tennis shoes* – «*старушки в кедах*» – *крайние реакционеры, простые американские женщины* (в основе лежит семантическая связь «*простой – легкий – маленький*)).

#### **Номинации, фиксирующие проявление слабости лица**

Данная группа номинаций может иметь определенный гендерный индекс и соотносится с морально-этическим типом оценки. В немецком языке большинство номинаций ассоциируется с определенной гендерной принадлежностью. В английском языке гендерный индекс присутствует, но имеет более имплицитный характер, в немецком языке более эксплицитна андроцентричность номинаций, таким образом, отмечается гендерная асимметрия. В основном это мужские номинации, связанные с негативной оценкой слабости, соотносимые с гендерными стереотипами и статусной оценкой пола, основанные на гендерной дифференциации: сильный – мужской / слабый – женский. Семантически они оказываются связанными благодаря понятию *несостоятельность*, включающему большой спектр значений от слабости интенциональной (убеждений, желаний, выборов, решений) до физической, эмоционально-интеллектуальной, финансовой.

В немецком языке негативная оценка слабости мужского пола фиксируется в ее различных проявлениях:

– внешние физические данные: Haenfling – *тщедушный человек, слабак, доходяга*; Mickerling – *заморыш, тщедушный*, Frostling – *мерзляк*;

– слабость воли, характера, отсутствие энергичности и жизнеспособности: Naivling – *простак, теленок*; Schwachling – *слабак, слабовольный, физически слабый*, Milchbroetchen – *бедный, ослабевший человек*; Mudling – *мямля, неэнергичный мужчина, неэнергичность* (Schlaffi, Schlappi, Weichling); Nuesseljochen – *скучный человек, зануда, мямля*;

– слабость-трусость, ничтожность: Angstling – *трус*, Feigling – *трус*; Jammerling – *жалкая душонка, трус, слабак, нытик, ничтожество*;

– слабость в неопытности: Neuling – *новичок, начинающий* (сема слабости имплицитна, едва угадывается);

– изнеженность: Mamas Liebling, Muttersoehnen, Zartling – *маменькин сынок, неженка, баловень*.

В английском языке номинации с общим значением «слабый / жалкий» непосредственно связаны с указанием на *слабость*, проявляющуюся

– в *слабости-неопытности*: ср. разговорные номинации rookie – *телок, салага, неопытный работник, молодой солдат, рекрут* амер. «первогодок» (спортсмен, только что перешедший в профессионалы), воен. *новобранец; новичок*; dicky – *слабак*; puppy – *щенок, молокосос, слабак, рохля, неопытный*;

– в чрезмерной мягкости характера, слабоволии: softling, tenderling – *добряк, неженка*; sissy – *изнеженный мальчик*; softie(y) –

*слабак, излишне сентиментальный, человек, который не может проявлять строгость;*

– в слабости ума: *spoonsy* – «недоделанный», глупец;

– в физической слабости – реализуется а) в амбивалентной номинации: *weakling* – *слабак, слабовольный, физически слабый*; б) в многозначной номинации: *patsy* – *простофиля, козёл отпущения; трус, ничтожество, слабак, слабый человек, женоподобный мужчина.*

Остальные номинации актуализуют сему «слабость» через сему «жалость»: *жалкий-слабый, бедный, несчастный* – *poorling, starveling, reckling, fosterling*. В указанных номинациях наблюдается изоморфизм с некоторыми номинациями данного типа в немецком языке, основанными на актуализации прототипической семы «малый / слабый», типа нем. *Findling* – *найденыш*. Именно этот аспект – снисходительность, милосердие, мягкость, к *слабому, жалкому* – фиксируется в английских поговорках: *God **tempers** the wind to the **shorn lamb*** – *Бог относится с большей мягкостью к слабым, чем к тем, кто может постоять за себя*. Также порицается слабость в различных ее проявлениях, тем более ее демонстрация: *Don't make yourself a mouse, or the cat will eat you. Never tell your enemy that your foot aches.*

Диминутивные номинации лица представляют определенный фрагмент в системе номинаций лица как отражение когнитивных, познавательных моментов в номинативной деятельности. Их исследование вносит вклад как в описание особенностей механизмов, участвующих в номинации лица в связанном процессе номинации – квалификации, в выявлении как регулярных диминутивных номинаций, так и окказиональных, связанных с реализацией оценочно-экспрессивной коннотации, имеющей, в том числе, и национально-

культурную специфику, часто связанную со стереотипным отношением к предмету номинации в данной лингвокультуре. Контекстуальные коннотации в рамках общей модели могут реализовывать дополнительный диапазон индивидуальных, субъективно-оценочных коннотаций, представляющих интерес с прагматических позиций.

Диминутивы могут выступать в качестве индикаторов / маркеров социального статуса. Выражение оценочного модуса с помощью диминутивов чаще связано со смягчением негативного значения, передаваемого основой, либо с интенсификацией общей пейоративной оценки. Реализация прямой негативной оценки лица представляет собой особый тип номинативной модели, характеризующейся признаком авторитарности.

Социальный признак возраста имеет примерно одинаковые характеристики во всех культурах, так признак «молодость / незрелость» ассоциируется с неопытностью и/или незрелостью мышления. Этот признак часто лежит в основе переосмысления для индикации намеренного снижения социального статуса в уничижительных номинациях лица, имеющих также национально-культурную специфику, реализующуюся, в том числе, и через некоторые частные признаки объекта, положенные в основу номинации. Положительные коннотации, связанные с экспликацией ласкательности, чаще актуализуются в детских или женских номинациях, варьируются от языка к языку и имеют некоторую гендерную обусловленность.

Индекс социального статуса также заложен в гендерной специфике диминутивных номинаций, имеющих связь с гендерными концептами, отражающими национально-специфичную гендерную модель в каждом языке. Основной линией гендерной маркированности является экспликация женственности, слабости, глупости как проявление женскости.

Национальная специфика гендерно-маркированных номинаций оказывается связанной с культурно и социально обусловленными представлениями о нормах и типах поведения представителей обоих полов. В связи с этим следует отметить одну важную особенность: в английском и немецком языках диминутивные номинации лица имеют большую фиксированность, что говорит в пользу того, что они представляют сложившиеся единицы языковой системы. Исследование катализирующей семы запуска оценочного механизма диминутивности в номинациях лица позволяет прийти к заключению, что основными среди них в пейоративной модели являются *слабость* как проявление всех аспектов *несостоятельности, незначительности и недостаточности* и *жалость* как их рефлексия. В мелиоративной модели такой семой является «малость / милость», эксплицирующая преимущественно нежность, ласковость.

#### СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

[1] – Арутюнова Н.Д. Аксиология в механизмах жизни и языка // Проблемы структурной лингвистики. 1982. – М., 1994.

[2] – Карасик В.И. Язык социального статуса. – М.: Ин-т языкознания РАН; Волгогр. гос. пед. ин-т, 1992.

[3] – Кубрякова Е.С. Номинативный аспект речевой деятельности. – М., 1986.

[4] – Шаховский В.И. Некоторые способы выражения эмотивно-субъективной оценки в сфере имени существительного современного английского языка // Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. – М., 1969.

УДК 81'23  
ББК 81.002.3

**М.В. Семенихина\***

**АНАЛИЗ ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКОГО ПОЛЯ  
ДРЕВНЕРУССКИХ СЛОВ «ШАТАНИЕ» И «МЯТЕЖЬ»  
ЧЕРЕЗ ИХ ГРЕЧЕСКИЕ ЭКВИВАЛЕНТЫ  
(на материале древнерусского перевода  
«Истории Иудейской войны» И. Флавия)**

*Ключевые слова:* восстание, древнерусская переводная литература, Иосиф Флавий, «История Иудейской войны», лингвокультурология, мятеж, перевод лексики, шатание; *Josephus Flavius, linguistic culturology, rebellion, «The Jewish War», the Old Russian translated literature, translation of lexics, unsteadiness*

*В статье рассматриваются некоторые особенности употребления лексики в древнерусском переводе «Истории Иудейской войны» Иосифа Флавия, касающиеся слов со значением «восстание».*

*The article considers the Old Russian translation of The Jewish War by Flavius Josephus. In the article some translation peculiarities of words meaning mutiny, riot, rebellion are analyzed.*

Для рассмотрения в статье мы выбрали две лексемы, которые отражают основную тему повествования в «Истории Иудейской войны» Иосифа Флавия. Сюжет «Истории» – не война в строгом смысле слова, а восстание иудеев против римлян, сопровождающееся вооруженными конфликтами между сторонниками независимости и сторонниками примирения с метрополией. Автор относится к этому событию негативно, видя в нем причину окончательной гибели Иудейского государства и источник бедствий для народа, поэтому для наименования этого события нередко использует лексемы, имеющие в греческом языке отрицательную коннотацию. Наибольшей частотностью среди этих слов обладает *στάσις*. Это же слово имеет и наи-

---

\* **Семенихина Мария Васильевна**, Ленинградский государственный университет им. А.С. Пушкина

более общее значение. В древнерусском переводе для передачи понятия «бунт, восстание» наиболее часто используются лексемы *мятежь* и *шатание* и их производные. Прочие слова со сходным значением (*въздвижение, съмятение*) употребляются в единичных случаях.

Слово *мятежь* в значении «восстание, беспорядок» обычно как для древнерусских, так и для старославянских текстов. Старославянский словарь (далее – СтСл) дает в качестве греческих соответствий слову *мятежь* слова *ταραχή, ζαλή, ἐγχείρησις* [4, с. 341]. В переводе «Истории» лексема *мятежь* заменяет из перечисленных только слово *ταραχή* (греч. – волнение, беспокойство в широком смысле слова) [3]:

*И оутру бывшую иоудѣи видѣше великъ мятежь приаша и ужасошася о видѣнии* [2, с. 162].

Τοῦτο μετ'ἡμέραν μεγίστην ταραχήν ἤγειρεν Ἰουδαίοις [2, 488].

*Но оному угасшо мятежу печялень бысть [прокуратор Флор]. и пакы искоушеться въжещи и* [2, с. 178].

Ὁ δὲ σβεσθείσης τῆς ταραχῆς ἤχθετο, καὶ πάλιν αὐτὴν ἀνάψαι πραγματούμενος... [2, с. 499].

*Мятежь* при переводе этой лексемы может означать не только «восстание», «беспорядки», но и «смятение, беспокойство» (как эмоциональное состояние), как это видно из первого примера (речь идет о смятении, охватившем иудеев при грубом нарушении римлянами их религиозных правил). Однако чаще *мятежь* и производные от него переводят греческое слово *στάσις* и слова того же корня

(производные от ἵστημι – ставить, устраивать, поднимать (шум, волнение) и т.п.

*Воиномъ же не отвечающимъ, мятежници на Флора  
вопиаху [2, с.179].*

Τῶν δὲ μηδὲν ἀποκριναμένων, οἱ στασιασταὶ Φλώρου  
κατεβόων [2, с. 500].

<...> *вытекше мятежници на ня [Валериана и его  
солдат] из града съ оружиемъ <...> [2, с. 227]*

<...> ἐπεκθέουσιν αὐτῶ τῶν στασιαστῶν οἱ δυνατώτατοι  
μεθ' ὀπλων <...> [2, с. 546].

*И ражахуся отъ мятежа мятежь [2, с. 281].*

Ταύτην δ'οὐκ ἂν ἀμάρτοι τις εἰπῶν στάσει στάσι  
ἐγγενέσθαι [2, с. 590].

Одним из переводящих слов, производных от *мятежь* (производные от στάσις), является окказионализм *мятежетворци*. Можно предположить, что переводчик, переводя στασιαστής как *мятежетворець*, пытался подчеркнуть, что в данном контексте речь идет не просто об участниках восстания, но именно о зачинщиках беспорядков, тем более что данное слово встречается всего 2 раза в пределах одного и того же эпизода в кн. 2 «Истории» (конфликт иудейских повстанцев с Кестием).

*И убояшася мятежетворци да приложитсѧ народ ко  
Агрипе. и устрѣмишасѧ слы его убити [2, с. 194].*

Δείσαντες δὲ οἱ στασιασταὶ μὴ πᾶν τὸ πλῆθος ἀδείας  
ἐλπίδι πρὸς τὸν Ἀγρίππαν μεταβάληται, τοὺς ἀπ'αὐτοῦ  
πρεσβεύοντας ὥρμησαν ἀνελεῖν [2, с. 513].

*И мятежатворци, очютивше прѣдание, съвергше съ стѣнь ихъ и побиша камением [2, с. 195].*

<...> ἕως οἱ στασιασταὶ τὴν προδοσίαν αἰσθόμενοι τοὺς μὲν περὶ τὸν Ἄνανον ἀπὸ τοῦ τείχους κατέβαλον καὶ λίθοις παίοντες συνήλασαν <...> [2, с. 514].

Также словом *мятежьникъ* могут переводиться и некоторые другие слова, имеющие значение «восставать, посягать на власть»:

*и вси мятежьници [2, с. 228] – πᾶν τὸ νεωτερίζον [2, с. 547].*

В другом месте, однако, дериват от глагола *νεωτερίζω* (*устраивать государственный переворот, производить восстание*) переводится словом другого корня:

<...> *умиленымъ словомъ искушаше укротити въставшихъ на нь [2, с. 145] – διὸ πειθοῖ μᾶλλον ἢ βίᾳ καταστέλλειν ἐπειρᾶτο τοὺς νεωτερίζοντας [2, с. 478].*

Логичнее было бы ожидать перевода слова *στάσις* или однокоренного глагола *στασιάζω* словами со значением «подниматься, вставать» (*въставати, въздвигатися*), если иметь в виду, что одним из основных принципов древнерусской переводческой техники был поморфемный способ перевода, однако такие случаи немногочисленны:

<...> *яко иудѣи на рать въздвигаются* – περὶ τῆς Ἰουδαίων ἀποστάσεως (букв. «о восстании иудеев»).

Кроме слова *мятежь*, понятие «нестабильная ситуация» могут выражать слова *оусобица* (*κίνημα, συγχήσις*) (*И бысть по всемъ градомъ мятежь лють и оусобица*), *развращение* (единичные случаи).

<...> εμοῦ же бы мощно иουδѣиско развращение и-  
правити [2, с. 203].

<...> ὅς τιμωρήσεται μὲν τὴν τῶν Ἰουδαίων ἐπανάστασιν  
[2, с. 522].

Греческому слову στάσις в древнерусском переводе могут соответствовать слова не только со значением «восстание», но и слова просто со значением «война» (*рать, брань, разрачение*).

Таблица 1. Греческие слова, соответствующие слову мятежь в переводе «Истории Иудейской войны» (цифры означают частотность употребления)

мятежь	στάσις	ταραχή	θόρυβος	ἐπανάστασις
	23	12	7	1

Таблица 2. Древнерусские слова, соответствующие слову στάσις, в переводе «Истории Иудейской войны» (цифры означают частотность употребления)

στάσις	мятежь	брань	вражь- ство	оусобица	разраче- ние	рать	шата ние
	23	3	1	1	1	1	1

Слово *шатание* более необычно, чем слово *мятежь*. СтСл толкует ш#тание как «возмущение, беснование», а ш#тати с# как «шуметь, бушевать, возмущаться, бесноваться» (*въск@ / ш#таш> с>* «зыци; ваше ш#тание лютѣ» ко раздроуши с<), но в качестве греческих соответствий приводит только глагол φριάσσειν и существительное φριάγμα [4, с. 791]. То же греческое слово приводит в качестве соответствия слову *шатание* И.И. Срезневский [1] (даются цитаты из Синайского патерика и Хроники Амартола), наряду со словом θράσος. Интересно, что большинство примеров, приводимых И.И. Срезневским, датируются XI в. – предположительным временем

перевода «Истории Иудейской войны». И.И. Срезневский истолковывает *шатание* как «заносчивость», «высокомерие» (*γρῦδύνю же и шатание въкоупь нечъстивъ...низложи*), хотя приводит и такие примеры, в которых *шатание* можно истолковать и как «мятеж, возмущение» (*побѣдилъ еси безбожныхъ шатание; низложи шатание иноплеменныхъ*). Слово *шатание* – книжное (почти все приводимые И.И. Срезневским примеры взяты из миней и патериков), но относится к общеславянскому фонду. Этимологический словарь русского языка [5] в статье *шатать, -ся* приводит обширный материал из других славянских языков, а также из германских, возводя этимологию этого слова к индоевропейскому корню со значением «двигать», «устремляться».

Греческое слово φρυάγμα, чаще всего приводимое в качестве соответствия слову *шатание*, первоначально означало «лошадиное фыркание», и только в позднее время – «гордость, высокомерие»; глагол φρυάσσομαι, наряду со значением «гордиться», мог иметь значение «жадно стремиться к чему-либо» [3, стлб. 1327-1328]. Однако в переводе «Истории Иудейской войны» *шатание* ни разу не встречается в качестве соответствия этим словам.

Наиболее регулярным греческим соответствием слову *шатание* в данном переводе является слово τόλμα (*смелость, дерзость, нахальство*). Слову *шататися* (в основном причастиям, производным от него – *шатающаяся, шатающаяся*) часто могут соответствовать слова, однокоренные слову στάσις (*катаστασιάζω, ἐπανίσθημι*), т.е. «восставать против чего-л.»), а слову *шатание* соответствуют слова из семантической группы «смелость, дерзость» (τόλμα, θράσος). В одном из фрагментов оригинала эти слова употреблены в виде би-

нарной конструкции – τόλμα καὶ θράσος (которая в переводе не сохранилась).

Приведем примеры контекстов, в которых *шатание* и производные от него означают «наглость, смелость, дерзость, отчаяние»:

*Τυ шатанию их не стерпѣ народѣ* [2, с. 247].

Таύτην τὴν τόλμαν αὐτῶν οὐκ ἤνεγκεν ὁ δήμος [2, с. 561].

*Α си боящеся шатаниа. и отчаяния ихъ. думаху съ архиерѣомъ, како ся блюсти ихъ <...>* [2, с. 274].

Τοῖς δὲ οὐχ οὕτω τὴν ἔφοδον αὐτῶν καταδειῖσαι παρέστη μαχιμωτέροις οὖσιν ὡς τὴν ἀπόνοιαν <...> συνελθόντες οὖν μετὰ τῶν ἀρχιερέων ἐβουλεύοντο, τίνα χρή τρόπον φυλάξασθαι τὴν ἐπίθεσιν [2, с. 584].

*Наше бо падение и от иουδѣиска шатания бываетъ* [2, с. 329].

<...> τὰ μὲν γὰρ ἡμέτερα πταίσματα τῆς Ἰουδαίων ἐστὶν ἀπονοίας [2, с. 627].

*Аще же испрѣва иго възложити на ся. а потомъ отбегаеть. то рабъ есть не оумныи свободолюбець, но безумныи шатаяся* [2, с. 183].

<...> ὁ δ' ἄπαξ χειρωθείς, ἔπειτα ἀφιστάμενος, αὐθάδης δοῦλός ἐστιν, οὐ φιλελεύθερος\* [2, с. 503].

*Аще бо зѣло шатаяются иудѣи, и смерти не помнятъ, но обаче не искушени въ брани же суть и без чину борются* [2, с. 229].

---

\* букв. – «надменный раб, а не свободолюбец». Слово αὐθάδης имеет первоначальное значение «нравящийся самому себе», затем – «надменный, гордый, жестокий» [3, стлб. 220].

Ἰουδαῖοι μὲν, εἰ καὶ σφόδρα τολμηταὶ καὶ θανάτου καταφρονοῦντες, ἀλλ'ἀσύντακτοι τε καὶ πολέμων ἄπειροι καὶ ὄχλος ἂν ἄλλως [2, с. 547].

Контексты, в которых однокоренные от *шатание* имеют значение «восстание, мятеж»:

*И по всей земли възхищение и насилуе бысть от шатающихся* [2, с.171].

Καὶ κατὰ πάσαν τὴν χώραν ἀρπαγαί τῆσαν καὶ τῶν θραсуτέρων ἐπαναστάσεις [2, с. 494].

*И погибших ради народ кланяшеся шатающимся* [2, с. 178].

Καὶ διὰ τοὺς ἀπολωλότας τὸ πλῆθος ἔρρεπεν πρὸς τοὺς θραсуτέρους [2, с. 449].

*<...> да вдасть имъ стража отъ цесаревъ оружники. на съблюденуе шатающихся* [2, с. 191].

*<...> στρατιὰν αἰτοῦντες, ἵν' εἰ τι γένοιτο κίνημα καὶ περὶ σφᾶς, ἔχοιεν ἀξιόχρεω φυλακὴν κωλύειν τοὺς ἐπανισταμένους* [2, с. 510] (букв. – «прося войско, чтобы, если какой-либо беспорядок случится у них самих, иметь достойную защиту, препятствующую бунтовщикам»).

Таблица 3. Греческие слова, соответствующие слову *шатание* в переводе «Истории Иудейской войны» (цифры означают частотность употребления)

<i>ша- тание (шата- ние)</i>	τολμα	απον οια	θρασος	φρωνη μα (-τα)	τολμη μα	μανια	προπ ετεια	στασις
	12	3	2	2	2	2	1	1

Таблица 4. Древнерусские слова, соответствующие слову τόλμα в переводе «Истории Иудейской войны» (цифры означают частотность употребления)

τόλμα	шата ние	крѣп ость	мо- ужьст- во	оуст- ремле- ние	бесто- удьство	сила	твър- досьр- дие	храбр ьство
	12	2	2	2	1	1	1	1

*Шатание* употребляется переводчиком «Истории» не только и не столько в значении «высокомерие, гордыня», но в значении «смелость, граничащая с безумием; отчаянная дерзость» (ср. *уже приемше к шатанию дерзость*). Интересно, что у слова τόλμα в древнерусском переводе существуют соответствия как с отрицательной (*шатание, бестоудьство*), так и с положительной (*храбрьство, крѣпость, мужьство*) коннотацией.

В переводе «Истории Иудейской войны» слова *мятежь* и *шатание* имеют общие доли значения («восстание, бунт»), и оба слова могут означать не только «политическая ситуация», но также «психологическое состояние». Если психологическое состояние, называемое *мятежь*, можно охарактеризовать как «беспокойство, негодование, возмущение», то психологическое состояние *шатание* – это не «смятение», а «безудержная смелость и дерзость». Можно предположить, что *мятежь* – направленное действие (возмущение против чего-то), в то время как *шатание* – ненаправленное (однако этому противоречит этимология слова *шатание*, приведенная в [5]); *шатание* – внутреннее состояние бунта, несогласия, а *мятежь* – внешнее проявление этого состояния. В значении «нестабильная политическая ситуация» чаще употребляется *мятежь*, в значении «психологическое состояние; поведение, характерное для такого состояния» – *шатание*.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

[1] – Срезневский И.И. Материалы для словаря древнерусского языка. В 3-х томах. – Т. 3. – М., 1958.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ:

[2] – Флавий И. История Иудейской войны. Древнерусский перевод. В 2-х томах // Издание-бilingв подгот. А.А. Пичхадзе, И.И. Макеева, Г.С. Баранкова, А.А. Уткин. – М., 2004.

СПИСОК СЛОВАРЕЙ:

[3] – Вейсман А.Д. Греческо-русский словарь. – М., 1991.  
[4] – Старославянский словарь. – М., 1994.  
[5] – Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. В 4-х томах. – Т. 4. – СПб, 1996.

УДК 81.111'23

ББК 81.002.3

**Ю.В. Сергаева\***

**ПРОБЛЕМА ОПТИМИЗАЦИИ НОМИНАЦИИ  
В ПРОЦЕССЕ СЛОВОТВОРЧЕСТВА  
(на материале английских имен групп)**

Ключевые слова: *имена групп, мотивация, номинация, оптимизация номинации, прагматика выбора, семантическая деривация, словообразовательная модель, словотворчество, собирательные существительные; collective nouns, motivation, nomination, optimization of nomination, pragmacy of choice, semantic derivation, word-building model, word creation*

*Проблема создания нового имени в процессе словотворчества рассматривается в статье с точки зрения понятия оптимальности номинационного выбора. На материале английских имен групп исследуются семантические механизмы, словообразовательные модели и прагматилистические средства создания нового слова, выявляются факторы оптимизации и продуктивности лингвокреативных процессов в сфере собирательных имен.*

*The article explores different issues in the sphere of creative word-building connected with the idea of producing an optimal nomination. English collective nouns are taken as source material to analyze productive semantic, lexical and pragmatic means of their creating as well as to elicit the factors determining a nominator's choice.*

---

\* **Сергаева Юлия Владимировна**, кандидат филологических наук, Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена

Понятие «оптимизация» широко используется в сфере точных и социальных наук – математике, экономике, информационных технологиях, в производстве и т.п. В наиболее общем смысле *оптимизация* – это выбор (или процесс выбора) наилучшего варианта из множества возможных [6]. Словарь *Merriam-Webster dictionary* определяет процесс оптимизации, делая акцент на его прагматической составляющей: «to optimize is to make as perfect, effective, or functional as possible» [7]. Что касается собственно лингвистики, то можно сказать, что понятие оптимизации проникает в эту сферу опосредованно, через прагматику, теорию коммуникации, социальную психологию. Предметом лингвистических исследований становятся оптимизация речевого воздействия, поиск механизмов и способов гармонизации и оптимизации текста, анализ фоносемантических принципов благозвучия и др.

В настоящей статье понятие «оптимизация» будет рассмотрено в ракурсе лингвокреативной деятельности, в ходе которой при создании новой языковой единицы стремление человека удовлетворить все свои запросы в номинации понятий, оценок, эмоций всегда будет сопряжено с «преодолением неадекватности номинативной системы потребным задачам выражения» [3]. Исходя из приведенных выше определений данного понятия, оптимизация имеет непосредственное отношение к проблеме как творчества в целом, так и словотворчества – его частной формы проявления. Связь с творчеством выражается в современном понимании творческой деятельности не только как процесса создания нового продукта, но и как поиска нескольких вариантов решения какой-либо проблемы вместо одного с последующим выбором оптимального для преследуемой цели. Связь со словотворчеством проявляется в том, что при необходимости

ономасиологического описания механизм выбора и представление об оптимальности номинации зависят от коммуникативного задания, от прагматических функций, задаваемых номинатором лексической единице. При этом, по определению Е.С. Кубряковой, «процедура, которую <...> называют поиском слова, являет собой не столько выбор единицы из числа существующих, сколько – *в целях оптимального решения задачи* (курсив мой – Ю.С.) – творческий акт создания новой единицы номинации» [1]. Иными словами именно новообразования, включая случаи творческого переосмысления имеющихся значений, чаще всего являются оптимальным номинационным выбором, отвечающим требованиям ситуации и особенностям языковой личности.

Проблема номинационного выбора, оптимизации номинации возникает и решается как минимум на 2-х уровнях – когнитивном (уровне выбора мыслительной операции – напр., аналогии, ассоциации, концептуальной интеграции, гибридизации, перекатегоризации, семантической компрессии и декомпрессии) и собственно языковом, словообразовательном (уровне выбора языкового средства репрезентации – аффиксации, словосложения, семантической деривации и др.). Однако особенно важным для словотворчества является 3-й уровень, прагматический (уровень выбора наилучшего из вариантов в контексте прагматической цели), который нередко, можно сказать, подчиняет себе два первых. Предполагается, что основными лингвистическими и внеязыковыми факторами, мотивирующими номинационный выбор и модифицирующими принципы оптимизации, являются следующие:

- 1) тип языковой единицы, её принадлежность определенному уровню и лексико-грамматические особенности;

- 2) сфера словотворчества (художественный текст, СМИ, терминосистемы, ономастика и др.);
- 3) национально-культурная специфика картины мира;
- 4) особенности языковой личности;
- 5) прагматические установки и стратегии, коммуникативное задание;
- 6) вид коммуникации и др.

Для рассмотрения влияния некоторых из данных факторов на номинативный выбор обратимся далее к словотворческим процессам в сфере собирательных существительных, а именно их особой разновидности – английских имен групп (*group names, group terms, quantifying collectives*). Выбор материала определен тем, что данная лексическая подсистема обладает спецификой в области происхождения, семантики и функционирования в английском языке. С одной стороны, имена групп являются по своей сути терминосистемой, включающей редко употребляемые в обиходе названия групп животных, птиц, людей и совокупностей предметов, с другой же стороны, многие из этих лексических единиц пронизаны необыкновенным поэтизмом, остроумием, имеют в структуре значения оценочный компонент (*a pride of lions, an exaltation of larks, a pity of prisoners, a never-thriving of jugglers*).

Наряду с общей характеристикой собирательного имени как знака и продукта определенной культуры, особое внимание в статье будет уделено таким вопросам, как мотивация и продуктивность лингвокреативных процессов в сфере имен групп, а также семантические механизмы, словообразовательные модели и прагмастилистические средства создания нового слова.

Собирательные существительные как языковое явление представляют собой не столько конкретные знаки первого уровня, а скорее метазнаки (в терминологии Ч.-У. Морриса [2]), сообщающие в свернутом виде информацию о других знаках. Осложнение интенционального содержания такого имени проявляется в том, что его структура выстраивается по типу *элизионного словосочетания*, где главный компонент описывает свой денотат, а зависимый «называет другую вещь, известное отношение к которой составляет признак денотата главного слова» [3]. Обязательным семантическим компонентом элизионной структуры является какое-либо отношение (паритивность, принадлежность и т.д.), не имеющее лексического выражения, а представленное своими аргументами – членами словосочетания. Если проанализировать с этой точки зрения такие имена групп животных, как *herd, school, shoal, pod, gam* и т.п., то становится очевидным, что в структуру их значений инкорпорировано описание денотатов двух понятий:

1) о группе, члены которой принадлежат одному виду, вместе живут и питаются (ср. *herd* – a group of animals of one kind which live and feed together... [LDCE]);

2) о представителе класса животных, являющихся членами этой группы:

*school* = {1 – группа обитающих вместе однородных особей}, {составленная из} {2 – морских животных (рыб, китов, тюленей)},

*shoal* = {1}, {составленная из} {2 – представителей класса рыб},

*gam* = {1}, {составленная из} {2 – представителей класса китов},

*pod* = {1}, {составленная из} {2 – представителей класса тюленей}.

Указание на второй денотат (класс объектов) составляет дифференциальный признак значения имени группы и его раскрытие часто требует реализации на уровне словосочетания (*a shoal of fish*), опоры на контекст, пресуппозицию, определенный фонд знаний. Избирательность закрепления большинства имен групп за определенными классами референтов действительно представляет трудность как для изучающих язык, так и для самих носителей языка. Имена групп людей могут дифференцироваться, например, по половому признаку (*a float of female dancers* – *a flight of male dancers*), профессиональной принадлежности (*a cast of actors*) и т.п. Среди групп животных проводится разграничение между млекопитающими, птицами, рыбами, насекомыми, а также дифференциация на уровне особей отдельных видов (*a leap of leopards*, *a skulk of foxes*). Более того, модифицирующим название группы признаком не обязательно является только класс особей, но также их

– местонахождение или деятельность в данный момент: например, *a gaggle of geese* (на суше) – *a skein of geese* (в полете); *a paddling of ducks* (на воде) – *a team of ducks* (в полете);

– возраст: *a sounder of wild pigs* (взрослые особи) – *a litter of pigs* (детеныши);

– количество: *a yoke of oxen* (2) – *a flink of cows* (12 и более);

– отношение друг к другу: *a comfort of cats* (мирное сосуществование) – *a glaring of cats* (напряженное ожидание) и многие другие.

Обилие и разнообразие имен групп, особенно представителей фауны, во многом объясняется историей их возникновения, спецификой восприятия картины мира первыми «творцами» таких терминов. Имена групп животных и птиц возникали в Англии как охотничьи термины (*terms of venery*) и фиксировались в манускриптах 15-го века, а затем в первых печатных книгах. Первый сборник имен групп «*The Egerton Manuscript*» появился в 1450 году, а в 1486 году увидела свет книга «*The Book of St. Albans*», представлявшая собой наиболее полный список имен групп на тот момент [5]. Имена групп были представлены и в средневековых книгах по этикету («*Books of Courtesy*»), где самой важной была глава, посвященная премудростям охоты и соответствующей терминологии, знание которой являлось одним из атрибутов образованного рыцаря, придворного вельможи. Мотивом словотворчества при составлении таких списков была не только необходимость детальной категоризации объектов охоты, но и стремление подчеркнуть своё благородное происхождение, противопоставить «научный, профессиональный» термин просторечию. Аристократизм первых «творцов» имен групп нашел отражение и в самих семантических механизмах номинации, опирающихся на метафорические и метонимические деривации в сочетании с другими способами выражения образности (*an unkindness of ravens, a tid-ing of magpies, a parliament of rooks\ owls*), т.е. можно говорить о поэтической терминологии как части языковой картины мира. Средневековое пособие по геральдике и охоте «*The Book of St. Albans*» включало не только охотничьи термины, но и имена групп людей, ёмко и остроумно отражающие реалии того времени, а потому вышедшие из обращения с изменением исторического контекста: *a lying of pardoners* (продавцы индульгенций), *a slice of pantrymen* (слуги, отве-

чающие за нарезку хлеба к столу), *a disworship of Scots* (номинация возникла в период войн между Англией и Шотландией).

По справедливому замечанию американского лингвиста Джеймса Липтона, одного из главных энтузиастов изучения имен групп, эта сфера языковой деятельности уже свыше пяти столетий остается своего рода игрой: «What we have in these terms is clearly the end result of a game that amateur philologists have been playing for over five hundred years» [5]. Однако несмотря на достаточное количество узуально закрепленных имен групп, их вариативность и узкую сферу применения, «игра» в создание новых собирательных существительных далеко не закончена и в результате словотворчества поэтов, писателей, журналистов и других острологов продолжает расти диффузный, неустойчивый класс новообразованных, окказиональных имен групп, обнаружить которые можно в различных печатных и электронных источниках (см., список источников иллюстративного материала). Основными критериями, по которым имена групп рассматриваются в данном исследовании как новообразования, можно считать отсутствие их регулярной фиксации в печатных словарях и специализированных источниках, а также эксплицитное указание «coinages», «suggestions», «inventions», «readers' offerings», часто сопровождавшее списки таких слов.

Среди рассмотренных свыше 500 лексем, которые были предложены в качестве *новых* собирательных существительных, самыми репрезентативными оказались 3 семантических подкласса – 1) имена групп людей, объединенных по роду занятий; 2) названия групп животных и 3) совокупности предметов, занимающих важное место в деятельности человека. Такая избирательность неслучайна и еще раз доказывает аксиологическую направленность словотворчества.

Далее рассмотрим примеры окказиональных, созданных в целях языковой игры имен групп, уделяя внимание как семантическим механизмам, лежащим в основе номинации, так и языковым средствам создания образности и экспрессивности новообразований. Новообразованные имена групп обладают рядом специфических характеристик:

1) Так как имя группы несет в себе сведения, по сути, о двух денотатах и актуализируется чаще всего в словосочетаниях, то выбор номинатором внутренней формы зависит от имени класса субъектов и объектов эту группу образующих, а оптимальность номинации определяется по отношению ко всему синтаксическому комплексу «а ... of ...», на уровне которого и достигается в полной мере прагматическая цель языковой личности.

2) Анализ показал, что основным источником пополнения данной терминосистемы традиционно являются механизмы семантической деривации, основанные на импликационных (в основном, метонимических) и классификационных (метафорических) концептуальных связях. Например, в основе номинации имен 1-ой группы чаще всего лежат семы, перенесенные по смежности, по ассоциации из интенционала или жесткого импликационала значения названий профессий. Как правило, это какой-либо профессиональный термин (*an audit of accountants, an archive of programmers, an incision of surgeons*), неременный атрибут или объект исследования специалистов определенного профиля (*a quake of seismologists, a body of pathologists, a handful of palm readers*). Также процесс метонимизации может строиться на переносе из сильного или слабого импликационала некоторых ассоциируемых с данной профессией черт характера или других признаков с оценочной коннотацией (*a greed of lawyers, a*

*lie of politicians, a babble of linguists, an absence of waiters*). Метафорические переносы значения на основе сходства образов также являются действенным механизмом создания нового имени группы (*a regatta of swans*), однако так называемые количественные метафоры более характерны для окказионального использования, например, в поэзии [4], тогда как предлагаемые для пополнения реестра имен групп новые номинации чаще всего представляют комбинацию симулятивных и импликационных механизмов (*a flood of plumbers, a wave of surfers* – образ, сходство + ассоциативный признак рода занятий, профессии).

3) Прагматическая направленность (оценка, юмор и т.п.), образность и экспрессивность окказиональных имен групп часто реализуется за счет конвергенции стилистических средств в одной единице номинации: метафоры в сочетании с аллюзией (*a ballet of swans* – сходство движения птиц с грациозным танцем и аллюзивная отсылка к балету «The Swan Lake»), аллитерации в сочетании с метонимическим переносом или оксюморонами (*a slither of snakes* – повтор сибиллянта и метонимический перенос «характерное движение» → «имя группы носителя действия»; *a hamper of helpers* – повтор звука и оксюморонное сочетание противоположных признаков «мешать» и «помогать»). Отмечаются и разнообразные средства создания комического эффекта: каламбуры (*a clique of computer mice* – эффект построен на омофонии лексем *clique* \группа, клика\ и *click* \действие, производимое с помощью компьютерной мыши\), трансформация и переосмысление идиомы (*a rain of cats and dogs*); обыгрывание внутренней формы слова, не связанной с характеристикой класса (*a service of spoonbills* – корневые морфемы *spoon* (ложка) и *bill* (счет) вызывают ассоциацию колпичи с официантом), спунеризм

(*a wunch of bankers* = a bunch of wankers, см. wanker – BrE slang, a foolish or useless person [LDELС]), использование графических средств (*a \_\_\_ of nihilists* – пропуск отражает саму суть класса референтов) и др.

Национально-культурная специфика словотворчества в английском языке обусловлена как лингвистическими, так и экстралингвистическими факторами. Прежде всего, продуктивности создания новых номинаций имен групп способствуют некоторые особенности строя английского языка: например, легкость процесса номинализации за счет отсутствия флексий, механизмов конверсии и лексикализации синтаксических единиц (*a mine! of lovers*). Другим проявлением национально-культурной специфики является то, что новые имена групп могут отражать как сходство в восприятии внеязыковой действительности, быть понятными в любом обществе, так и считаться «культурно маркированными», т.е. построенными на знании культурных реалий, определенной информации о данной стране, городе, человеке. Обращение к фоновым знаниям требуется для понимания многих, часто шуточных, имен совокупностей понятий, предметов, субъектов (*a jackson of gloves* – номинация связана с фактом особой любви поп-звезды Майкла Джексона к перчаткам, *a monica of sins* – намек на политический скандал с Моникой Левински).

Творчество и стереотип – понятия, находящиеся в диалектическом единстве, где аномалия всегда отталкивается от нормы, а творческий процесс, в конечном итоге порождает свои стереотипы – наиболее типичные модели словообразования, когнитивные основания семантического переноса, средства создания экспрессивности и т.д. Выбор той или иной формы имянаречения основывается на понятии оптимальности номинации для преследуемых коммуникативных целей и в то же время частотность какой-либо

словообразовательной модели может свидетельствовать о принятии ее в качестве оптимальной большинством номинаторов. Так, среди имен групп, как показал анализ, наиболее типичным семантико-деривационным механизмом становится метонимический перенос. При этом, если предлагается номинация для объединения людей по профессиональному принципу, то чаще всего происходит семантический перенос признака или из сферы профессиональных качеств личности или из атрибутов профессии (*a compromise of senators, a magnum of hitmen*). Если создается собирательная номинация для представителей какой-либо национальности, местности, то номинационный выбор, как правило, делается в пользу какой-либо связанной с этой национальностью географической, общественно-политической, кулинарной и др. реалии, которая и становится именем группы (*an espresso of Italians*).

Итак, стимулом для создания новых номинаций в классе имен групп являются не только объективные причины – появление новых объектов и явлений действительности, как это происходит в случае с обычными терминами-неологизмами. В большей степени это явление вызвано субъективными причинами, действием человеческого фактора – смещением акцентов с одних характерологических черт на другие, изменением прагматического содержания, стремлением языковой личности компактно отражать и оценивать совокупности признаков и целые ситуации, оптимизируя номинацию в соответствии с заданными целями и потенциальными возможностями языковой системы.

#### СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

- [1] – Кубрякова Е.С. О номинативном компоненте речевой деятельности // Вопросы языкознания. № 4. – М., 1984. – С. 13-22.
- [2] – Моррис Ч.-У. Основания теории знаков // Семиотика / Под ред. Ю.С. Степанова. – М.: Радуга, 1983. – С. 37-89.
- [3] – Никитин М.В. Курс лингвистической семантики. – СПб: Изд-во РГПУ, 2007.

[4] – Слугина О.В. Лингвокогнитивные основы поэтической квантитативности (на материале английского языка). – АКД, Нижний Новгород, 2009.

[5] – Lipton J. An Exaltation of Larks: The Ultimate Edition. – N.Y.: Penguin Books, 1993.

СПИСОК СЛОВАРЕЙ:

[6] – Современный энциклопедический словарь. – М.: Изд-во «Большая Российская энциклопедия», 1997.

[7] – Merriam-Webster's Dictionary, <http://www.merriam-webster.com/dictionary/optimize> (Дата обращения: 30.09.2009)

ИСТОЧНИКИ ИЛЛЮСТРАТИВНОГО МАТЕРИАЛА:

Group Names for Birds [Electronic Resource] // [bcpl.net/~tross/gnlist.html](http://bcpl.net/~tross/gnlist.html) (Дата обращения: 01.10.2009)

The Collective Noun Page. [Electronic Resource] // <http://ojohaven.com/collectives.html> (Дата обращения: 05.10.2009)

Paul Vigay's Collective Nouns Database. [El. Resource] // <http://vigay.com/index/html>. (Дата обращения: 01.10.2009)

The Dictionary of Collective Nouns and Group Terms. - Detroit. 2007.

Longman Dictionary of English Language and Culture (LDELС) –. Harlow, 1998.

# ПРАГМАЛИНГВИСТИКА

УДК 81'42  
ББК 81.2-5

*Е.Н. Галичкина\**

## СТАТУС БЛОГА КАК ФЕНОМЕНА СЕТЕВОЙ КОМПЬЮТЕРНОЙ КОММУНИКАЦИИ

Ключевые слова: блог, блогосфера, жанр, сетевая компьютерная коммуникация; *blog, blogosphere, genre, internet computer communication, online communication*

*Исследуется статус блога как феномена сетевой компьютерной коммуникации. Выделяются критерии типологизации. На основании критериев описываются разножанровые тексты, представленные внутри российской блогосферы.*

*The status of blog as a phenomenon of Internet computer communication is considered. Typological criteria are singled out. Different genres presented within the Russian blogosphere have been highlighted.*

Среди многочисленных жанров сетевой компьютерной коммуникации существует такой, чей жанровый статус подвергается сомнению вследствие его размытой сущности. Речь идет о блогах как популярном способе взаимодействия пользователей сети Интернет. Чаще всего под блогом понимают сетевой дневник пользователя, тем самым отождествляя его с конкретным жанром. На «жанровость» блога сегодня существуют различные точки зрения – от его признания как жанра, до полного отрицания и расширенной трактовки с подробной аргументацией. Цель данной статьи – рассмотреть блог как феномен сетевой компьютерной коммуникации и уточнить его жанровый статус.

Исследователи феноменов сетевой компьютерной коммуникации по-разному относятся к блогу вследствие его многоаспектности и

---

\* **Галичкина Елена Николаевна**, кандидат филологических наук, Астраханский государственный университет

динамичности. Так, К. Лансфорд говорит о семантической динамике, которую претерпел сам термин: «The term blog began as the shortened name for a Web log, or an annotated record of the Web sites a Web designer had consulted. A blogging program's ability to record and publish chronological entries on the Web, however, soon attracted the attention of diarists, essayists, and journalists. Today, blogs range from online diaries read by groups of friends, to bibliographic entries collected by a team working on a research project, to political or editorial commentary written by news reporters» [16, с. 812].

В исследованиях С. Кришнамурти [15] и С. Хэрринг [14] веблог признается сетевым жанром на том основании, что в подавляющем своем количестве блоги являются сетевыми дневниками. Другие исследователи, Е.-Т. Бонелли и Дж. Синклер, говорят о несформированности феномена блога как устойчивого жанра, признавая, впрочем, его связь с журнализмом и жанрами СМИ: «...More recently the growth of electronic communication has given rise to several new and equally abundant sources, notably <...> blogs as uncharted territories whose communicative properties and characteristics are as yet unknown» [11, с. 208]. Среди прочих форм Интернет-общения Е.-Т. Бонелли и Дж. Синклер называют блоги феноменами неформального и неконвенционального сетевого взаимодействия, стилистически приближенными к устной разговорной речи, являясь при этом формой «письменной разговорной речи» [11, с. 213].

На неформальный характер текстов блогов указывает также Герберт Каннингем, противопоставляя их формальным (официальным) текстам СМИ или текстам, размещаемым в сети различными институциональными источниками: «Some scenarios illustrate how application software can mediate between the text and the structured infor-

mation needs of various types of user. In each case, the user specifies information need to IT development staff, who then prepare a custom extraction system. The input materials are increasingly defined as subsections of the World Wide Web, either the formal materials of news, company sites, etc., or the informal Web of weblogs» [12, с. 667]. Существует также мнение, что блог – это не жанр, а собственно сетевое пространство для различных видов коммуникации в сети, т.е. сайт [7, с. 8]. Более подробно, но в том же ключе высказываются создатели сетевой энциклопедии «Википедия»: «Блог – это веб-сайт, содержание которого наполняется самим пользователем. Блог выполнен в стиле журнала и располагает сообщения в обратном хронологическом порядке. Блог позволяет выпускать комментарии или новости по любым вопросам, таким как кулинария, политика или местные новости. Иногда блоги выполняют функции личных дневников» [6].

Н. Бейм полагает, что блог является своеобразной интерактивной оболочкой для актуализации в сетевой коммуникации текстов, относящихся к жанру комментария, причем подчеркивается, что комментативность блога порождает вторичный жанр, вовлекающий в коммуникацию интерактивного читателя – жанр дискуссии [9, с. 780]. Эта точка зрения, предполагающая актуализацию в блогах различных сетевых жанров, поддерживается подавляющим большинством современных исследователей виртуальной коммуникации как процесса взаимодействия пользователей Интернета, как отечественными [1]; [2]; [5]; и др., так и зарубежными [8]; [10]; [13]; [17] и др.

Относительно жанровой классификации текстов блогов следует отметить, что исследователи не предпринимали таких попыток кроме разделения блогов на сетевые кластеры. Так, Саймон Кришнамурти предложил выделять общественные дневники (social diaries) [15]. С.

Херринг ближе всех подошла к жанровым характеристикам текстов блогов, обозначив нолидж-блоги (knowledge-blogs) как тексты, содержащие информацию о деятельности определенного предприятия или образовательного учреждения, сущность которой пользователи обсуждают в процессе общения [14]. С. Херринг первая применила к жанровой типологизации текстов блогов критерий наличия информативности, что позволило Д. Раузу (D. Rowse), выявить 20 информативных жанров текстов блогосферы: он именует их постами (сообщениями – posts): 1) сообщения-инструкции; 2) информационные сообщения; 3) обзоры; 4) списки или перечни; 5) интервью; 6) кейс (учебный или типичный пример); 7) истории реальных людей; 8) сообщение-ссылка; 9) исследование; 10) прогнозы 11) споры; 12) гипотезы; 13) насмешки и др., побуждающие читателя к действию [18]. Можно сразу заметить некоторую непоследовательность типологии Д. Рауза, которая проявляется, в списочном перечислении типов текстов, и в смешивании формальных и неформальных текстов блогосферы. Однако, в содержательном плане, эту типологию нельзя не одобрить.

Попытка типологизации жанров текстов блогосферы потребовала поиска стабильных критериев. Данных критериев, как нам представляется, может быть несколько: критерий – *строгость / нестрогость тематико-дискурсивного соответствия* в зависимости от характера общения впервые применил С.В. Донсков к описанию жанровых особенностей англоязычных и русскоязычных газетных текстов [3]; критерий *формальность / неформальность общения* дает возможность типизировать тексты блогов по признаку *наличия / отсутствия коммуникативной тональности общения*; критерий *степени информативности* позволяет типизировать тек-

сты блогов по их прагматической направленности, т.е. по наличию абстрактно-индивидуальной (мнения, состояния души пользователей) или конкретной и общественно-значимой (знания о явлениях, процессах, суждения о феноменах) информации; *семиотический* критерий предполагает фиксацию наличия / отсутствия аудиальных, визуальных и визуально-графических компонентов в Интернет-общении в рамках блогосферы. Для жанровой стратификации применим также *дискурсивный* критерий, дающий представление о типе дискурса, в пространстве которого актуализируется тот или иной жанр текста блога. Наконец, *презентационный* критерий констатирует наличие / отсутствие в тексте блога признаков самопрезентации автора текста, попыток намеренного или нарочитого демонстрирования собственной персоны с целью воздействия на читателя текста [4].

Среди текстов строгих жанров стало возможным выделение таких текстов, как:

1) *Сообщения-инструкции*, которые дают указания пользователю, направляют к решению некой проблемы или содержат директивы к пользованию инструментами, оборудованием, поведению в сети и т.п. Они преимущественно характеризуются формальностью общения, но в то же время, могут быть как сугубо клишированными, содержащими исключительно директивы пошагового алгоритма действий, так и дружескими проявлениями искреннего желания помочь пользователю, нетипичными для жанра инструкции.

2) *Сообщения-списки* – появляются обычно в следующем, жестко формализованном виде: «Давайте составим список десяти лучших...», «Семь причин, почему...», «Пять любимых...». «Посты такого рода популярны у читателей, а интерактивный режим, в кото-

ром работают блоги, позволяет их дополнять и корректировать» [7, с. 54].

3) Среди строгих жанров текстов блогов многочисленны тексты-консультации, характеризующиеся высокой степенью информативности, которые дают профессионалы по запросу участников блогосферы. Они представляют собой четко структурированные, ясно сформулированные кластеры информации, нейтральные в эмотивном отношении и насыщенные терминологией, поскольку относятся, как правило, к определенной отрасли знания. В качестве примера приведем текст юридической консультации, размещенной в блоге юридических сообществ сайта [blogi.mail.ru](http://blogi.mail.ru):

*Подскажите, какие пособия должны выплачиваться молодой маме в Подмосковье.*

*Re: пособия молодой маме*

*С 1 января 2008 года в Московской области при рождении первого ребенка будет выплачиваться единовременное пособие в размере 10 000 рублей. Размер единовременного пособия при рождении второго ребенка увеличится с 5 000 до 20 000 рублей, при рождении третьего и последующих детей – с 15 000 до 30 000 рублей. В случае рождения двух детей одновременно будет выплачиваться по 25 000 рублей на каждого ребенка (сейчас 15 000 рублей на ребенка), в случае рождения трех и более детей одновременно – 100 000 рублей на семью (сейчас 20 000 рублей на каждого ребенка).*

К текстам нестрогих жанров, отвечающим критериям высокой степени эмотивности, наличию дискурсивности, семиотичности и презентационности, можно отнести:

– социально-нейтральные тексты (ненавязчивые советы и инструкции, аллегории, моралите или басни, поэтические, житейские истории, просьбы, рекомендации, мемуары и др.);

– тексты агональной направленности (критические эссе, тексты-опровержения, тексты-напоминания о фактах социальной истории, требования, обличения, памфлеты, политические анекдоты и т.п.);

– тексты смеховых жанров анекдота, шутки, комедии положений, профессиональной байки.

Остановимся на социально-нейтральных текстах. Тексты *ненавязчивых советов* характеризуются сочувственной тональностью, в них отсутствует жесткая директивность. Такой вид текстов часто гендерно маркирован: участницы блогосферы часто дают доброжелательные советы и инструкции.

Например, в следующем диалоге на [blogi.mail.ru](http://blogi.mail.ru):

*Подскажите плиз )))как вставить с [видео@mail.ru](mailto:video@mail.ru) в блоге моего сообщества?Подскажите – умоляю :)*

*RE: Подскажите плиз )))*

*Я вставляю ролики с сайта <http://www.youtube.com/> Если Вы не можете и с этого сайта вставить, то я Вам объясню, как это делается. Просто я не совсем поняла, наверное. Не поняла разницу между вставкой роликов с сайта ютубе и с сайта майл.ру. Покажите мне ролик, который Вы хотите вставить. Извините, я не профи, но что-нибудь придумаем :)*

*Или вот еще так: я добавляю майловский ролик, который мне понравился, в «Избранное». Там есть такая функция под самим роликом. Таким образом, ролик оказывается в моем «Избранном» в*

*моих роликах на «Моем Мире». А затем его уже добавить в запись блога можно без проблем. В новой записи блога мы нажимаем справа на слово «видео». Появится страница с моими роликами на «Моем Мире». Я выбираю нужный мне ролик, ставлю около него мышкой точку, затем снизу нажимаю на слово «вставить».*

Перед нами инструкция, которая характеризуется отсутствием жесткой структурированности в пошаговости действий. Автор, стремится помочь встревоженному партнеру по коммуникации, приходит на помощь, «по-женски» успокаивая (ответный смайлик), вселяя оптимизм (*что-нибудь придумаем*). Искренность общения прослеживается в признании автора текста инструкции в своем малом профессионализме (*просто я не совсем поняла вопрос, наверное. Не поняла разницу...извините, я не профи*).

4) Большой популярностью в блогосфере пользуются тексты-*аллегории* как своеобразное стремление авторов блогов творчески проявить себя в сети, реализовать свои, возможно, непризнанные в реальной жизни, художественные наклонности. Сам факт размещения аллегорий в блогах и их содержание подчеркнуто презентационны.

В российской блогосфере нередки тексты, наполненные морализаторским содержанием, жанр которых вполне можно соотнести с средневековым жанром *моралите* или *басни*. Они содержат в себе сентенции житейской мудрости и завершаются этической максимой. Их информационный потенциал, как правило, беден в силу рефлексивно философского характера, за исключением того, что в тексте отражается житейский опыт. Они слабо формализованы, но в то же время высока их презентационность, метафоричность.

5) Среди текстов российской блогосферы довольно часто встречаются тексты-*житейские истории*. Это, как правило, повествование о своей жизни, быте. В этом жанре, отличающемся характерной для российской блогосферы жалобной тональностью, отмечены рассказы как женщин, так и мужчин. Если первые, в основном, делятся своими любовными и материнскими проблемами, то среди мужской части пользователей блогов типично стремление поделиться с партнерами по коммуникации проблемами «мужского» свойства (потеря работы, трудоспособности, проблем с социальными институтами).

Таким образом, изучение различных точек зрения исследователей позволило нам сделать вывод о том, что жанровый статус, приписываемый блогу рядом ученых, не подтверждается. Тот факт, что в блогосфере существуют не только сетевые дневники, но и многочисленные разножанровые тексты, заставляет считать блог специфическим пространством для актуализации текстов, характеризующихся широкой тематикой и жанровым многообразием.

Типологизация жанров текстов блогов возможна при условии их соответствия определенным критериям. Базовым критерием предлагается считать строгость / нестрогость тематико-дискурсивного соответствия в зависимости от характера, и тогда в виртуальной компьютерной коммуникации выделяются строгие и нестрогие жанры. Среди прочих критериев можно выделить следующие: формальность / неформальность общения; степень информативности; семиотичность текста; фиксация дискурсивности; презентационность. Среди текстов строгих жанров стало возможным выделение таких текстов, как сообщения-инструкции, сообщения-списки, советы-запреты, консультации, лингвосемиотическое описание которых ос-

новывается на их соответствии таким критериям, как формализованность, директивность, высокая степень информативности. К текстам нестрогих жанров, отвечающим критериям высокой степени эмотивности, наличию дискурсивности, семиотичности и презентационности, можно отнести: социально-нейтральные тексты; тексты агональной направленности; тексты смеховых жанров.

#### СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

[1] – Атабекова А.А. Лингвистический дизайн WEB-страниц: проблемы «коммуникативных неудач» // Материалы международной научно-практической конференции «Коммуникация: теория и практика в различных социальных контекстах» – «Коммуникация-2002» («Communication Across Differences») – Ч. 1. – Пятигорск: Изд-во ПГЛУ, 2002. – С. 148-153.

[2] – Буторина Е.А. А поговорить? Интернет как лингвистический феномен, № 1. – М.: «Мир медиа XXI», 1999. // [http://npi.iip.net/mirmedia/99\\_1/spravochnik\\_1/but.html](http://npi.iip.net/mirmedia/99_1/spravochnik_1/but.html) (Дата обращения: 11.10.2009).

[3] – Донсков С.В. Сопоставительное исследование жанровых особенностей англоязычных и русскоязычных газетных текстов. Дисс. ... канд. филол. наук. – Тверь, 2004.

[4] – Олянич А.В. Презентационная теория дискурса. Монография. – М.: Гнозис, 2007.

[5] – Потапова Р.К. Новые информационные технологии и лингвистика: Учебное пособие. – М.: Едиториал УРСС, 2004.

[6] – Сетевая энциклопедия «Википедия» // <http://www.wikipedia.com> (Дата обращения: 10.10.2009).

[7] – Ющук Е.Л. Блог: создать и раскрутить. – М.: Вершина, 2008.

[8] – Barrett C. More About Weblogs. Retrieved December 31, 2003, from 1999, May 11 // <http://www.camworld.com/journal/rants/99/05/11.html>

[9] – Baym N.-K. Interpersonal Life Online / In S. Livingstone & L. Lievrouw (Eds.) The Handbook of New Media, Student Edition. Sage Publications (updated version of the article from the 2001 first edition), 2006.

[10] – Blood R. Weblogs: A History and Perspective. (2000, September 7) // [http://www.rebeccablood.net/essays/weblog\\_history.html](http://www.rebeccablood.net/essays/weblog_history.html) (Дата обращения: 08.09.2009)

[11] – Bonelli E.-T., Sinclair J. Corpora / In: Encyclopedia of Linguistics. – Elsevier, 2006.

[12] – Cunningham H. Automatic Information Extraction / In: Encyclopedia of Linguistics. – Elsevier, 2006.

[13] – Henning J. The Blogging Iceberg (2003, October 4) // <http://www.perseus.com/blogsurvey/thebloggingiceberg.html> (Дата обращения 09.10.2009).

[14] – Herring S. Bridging the Gap: A Genre Analysis of Weblogs, 2004 // <http://chutry.wordherders.net/archives/002623.html> (Дата обращения 05.10.2009).

[15] – Krishnamurthy S. The Multidimensionality of Blog Conversations: The Virtual Enactment of September 11 / In: Maastricht, The Netherlands: Internet Research 3.10. 2002. // <http://www.aoir.org/2002/programme.htm> (Дата обращения: 05.10.2009).

[16] – Lunsford K. Computer-Supported Writing / In: Encyclopedia of Linguistics. – Elsevier, 2006.

[17] – Nunberg G. I Have Seen the Future, and It Blogs (2001). – // <http://www.csli.stanford.edu/%7Enunberg/blog.html> (Дата обращения: 05.10.2009).

[18] – Rowse D. Prologger // <http://www.prologger.net/archives/2005/11/29/20-types-of-blog-posts-battling-bloggers-block/> (Дата обращения: 10.10.2009).

УДК 81.42  
ББК 81.2-5

**А.В. Голоднов\***

## **СПЕЦИФИКА РЕАЛИЗАЦИИ ПЕРСУАЗИВНОЙ СТРАТЕГИИ ОЦЕНОЧНОГО ИНФОРМИРОВАНИЯ В РАЗЛИЧНЫХ ТИПАХ ТЕКСТА РИТОРИЧЕСКОГО МЕТАДИСКУРСА\*\***

Ключевые слова: *дискурс, риторический метадискурс, коммуникативная стратегия, оценка, персуазивная стратегия, персуазивная техника, стратегия оценочного информирования; communicative strategy, discourse, evaluation, persuasive strategy, persuasive technique, rhetorical discourse, strategy «evaluating information»*

*В статье рассматриваются особенности реализации персуазивной стратегии оценочного информирования в различных типах текста риторического метадискурса (рекламном объявлении, публичном политическом выступлении и проповеди) и приводятся примеры специфических для данных типов текста персуазивных техник, направленных на достижение общей персуазивной цели риторического метадискурса.*

---

\* **Голоднов Антон Владимирович**, кандидат филологических наук, Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена, Санкт-Петербург

\*\* Исследование выполнено в рамках проекта, финансируемого ДААД и Министерством образования и науки РФ по программе «Immanuel Kant» (2009 г.).

*The article deals with some peculiarities of realization of persuasive strategy «evaluating information» in different text types which belong to the rhetorical discourse (advertisement, public political speech, homily). The article contains examples of special persuasive techniques which are used to achieve the general goal of the rhetorical discourse.*

### **1. Риторический метадискурс и персуазивная стратегия**

Риторический метадискурс – это совокупность типов текста ряда исторически сложившихся в общественной практике коммуникативных сфер – социо-функциональных дискурсов (политического, научного, юридического, рекламного, публицистического, религиозного), объединенных персуазивной целеустановкой на побуждение реципиента к принятию самостоятельного решения о необходимости, желательности либо возможности совершения / отказа от совершения определенного посткоммуникативного действия в интересах адресанта (подробнее о риторическом метадискурсе см. [3]).

Термин «метадискурс» подчеркивает интегративный характер дискурса, включающего тексты, порождаемые и воспринимаемые в различных социо-коммуникативных ситуациях, но имеющие некоторые общие прагматические характеристики, что обуславливает схожесть когнитивного сценария порождения данных текстов, их коммуникативной реализации и (во многом) языкового оформления.

В основе развертывания дискурса любого типа лежит определенная коммуникативная стратегия. Универсальной коммуникативной стратегией текстообразования в риторическом метадискурсе является персуазивная стратегия, понимаемая как диалектическое единство концептуально-тематического плана адресанта по построению своего речевого высказывания / текста и процесса вариативной реализации этого плана, направленного на достижение персуазивной цели адресанта риторического метадискурса (подробнее о персуазивной стратегии см. [4]).

В аспекте динамической реализации стратегия рассматривается как система осуществляемых адресантом операций выбора и комбинирования, тематического оформления и текстового кодирования коммуникативных действий под контролем соответствующей стратегической цели. Данные операции мы называем персуазивными коммуникативными техниками. Термин «техника» аналогичен чаще используемому в отечественных работах термину «тактика» (см., напр., [11]). Использование термина «техника» подчеркивает запланированность и подготовленность соответствующей коммуникативной операции.

## ***2. Персуазивная стратегия оценочного информирования***

Различают общую и частные персуазивные стратегии. Общая персуазивная стратегия определяется прагматической интенцией адресанта и представляет собой доминирующую функциональную характеристику дискурса. Частные персуазивные стратегии – реализации глобальной интенции в виде элементов содержания, включенных в пропозициональную структуру текста.

Основной частной персуазивной стратегией риторического метадискурса мы считаем стратегию оценочного информирования. Цель оценочного информирования заключается не в фактологическом описании объекта коммуникации (темы текста), а в его характеристике (создании того или иного имиджа). Персуазивный потенциал оценочного информирования связан с эмоционально-аффективным воздействием на установку реципиента по отношению к объекту коммуникации. Цель эмоционально-аффективного воздействия заключается в формировании эмоционального отношения к объекту коммуникации посредством каузации определенной оценки данного объекта. Рациональное размышление о свойствах объекта вытесня-

ется на второй план, т.к. при оценочном информировании реципиентом в процессе переработки полученной информации активно воспринимаются в первую очередь т. н. «периферийные сигналы», т.е. эмоциональные раздражители, содержащиеся в структуре текста (оценочная лексика, экспрессивные синтаксические структуры и т.п.).

Объектом оценки становятся самые разные предметы (в широком смысле слова), каждый из которых можно причислить к определенному классу. В рамках данного класса предметы сопоставимы между собой в ситуации выбора. Р. Хэар называет такие классы компаративными классами [1, с. 53]. Предмет любого компаративного класса может оцениваться как в общем, так и в отношении своих отдельных качеств (параметров). Так, например, автомобиль обычно оценивается по параметрам «скорость», «комфорт», «безопасность», «дизайн» и т.д.

Для каждого параметра (критерия, или основания, оценки) существует оценочная шкала, на которой выделяются область минимума, область максимума и область нормы. В зависимости от критерия оценки желаемая для реципиента характеристика может располагаться как в области минимума, так и в области максимума и области нормы. Если автомобиль оценивается по параметру безопасности, желательной характеристикой будет максимальная безопасность. Если же автомобиль оценивается по параметру «расход горючего на 100 км», то желательная характеристика располагается в области минимума.

Знания о компаративном классе, параметрах оценки и желательной характеристике содержатся в когнитивных структурах индивида. Следует подчеркнуть детерминированность представлений об «идеальных предметах» индивидуальными предпочтениями; норма-

ми, закрепленными институционально, в социальной группе или в целой культуре; а также фактором времени. Действительно, представления об «идеальном автомобиле» или «идеальном председателе правительства» будут различаться у господина Н. и господина М., у состоятельного человека и человека среднего достатка, у немца и русского, у живших в начале прошлого века и у живущих в 2009 году.

В связи с этим создание определенного имиджа оцениваемого предмета, а именно, выдвигание одного или нескольких параметров оценки и приписывание им соответствующих оценочных характеристик, происходит с учетом фактора реципиента с ориентацией на определенную референтную группу.

Успешность реализации стратегии оценочного информирования зависит от совпадения сконструированного имиджа оцениваемого предмета с представлением реципиента об «идеальном предмете» данного компаративного класса.

Стратегия оценочного информирования по-разному реализуется в различных коммуникативных сферах риторического метадискурса. Это обусловлено тем, что общая персуазивная цель риторического метадискурса конкретизируется в реальной коммуникативной ситуации. В коммерческой рекламе целью адресанта будет побуждение к покупке товара / услуги, в политической рекламе - побуждение к голосованию за / против того или иного кандидата, в политической пропаганде – побуждение принять / отвергнуть определенные идеологические установки и т.д.

### ***3. Особенности реализации стратегии оценочного информирования в рекламном дискурсе***

В рекламном объявлении оценочное информирование направлено на создание абсолютно положительного имиджа рекламируемого продукта путем приписывания ему положительных

характеристик, эксплицируемых с помощью обще- и частнооценочных предикатов (gut, wunderbar, nuetzlich), и дескриптивных слов, которые в рекламном контексте приобретают оценочное значение. Например, лексема «pflanzlich» сама по себе не обладает оценочным значением, однако в контексте рекламного объявления экологической косметики «Basic Nature» от «Apotheker Scheller» (Weidenrindenextrakt pflanzlichen Ursprungs) она приобретает дополнительный оценочный компонент значения, т.к. растительное происхождение косметического сырья положительно оценивается потребителями косметики. Тем самым, в рамках данного рекламного текста прилагательное pflanzlich осуществляет положительную утилитарную оценку рекламируемого продукта (pflanzlichen Ursprungs ist gesund, nuetzlich fuer die Haut). Анализ рекламных текстов позволил определить три инвариантных имиджа, характерных для коммерческой рекламы, в основе которых лежат различные типы оценки:

1) «Хороший продукт» (общая оценка):

Jacobs Kaffee ... wunderbar; Mc Donald's ist einfach gut.

Персуазивный потенциал общей оценки определяется «семантической опустошенностью» общеоценочных предикатов типа gut [1, с. 7], позволяющей реципиенту самостоятельно заполнить смысловой вакуум различными признаками. Для одного «чудесный кофе» – это крепкий кофе, для другого – ароматный кофе, для третьего – сочетающий оба признака и т.д.

Общая оценка позволяет охватить широкий круг реципиентов.

2) «Полезный продукт» (доминируют утилитарная и телеологическая оценки).

Продукт оценивается как полезный в определенной проблемной ситуации реципиента, а результат его употребления описывается как наиболее эффективный:

Mit Basic Nature fuer unreine, oelige Mischhaut von Apotheker Scheller ist eine ausgeglichene Versorgung der Haut kein Problem mehr (реклама косметики «Basic Nature»).

3) «Продукт – источник удовольствия» (доминирующие оценки – гедонистическая и эмоциональная).

Потребление рекламируемого продукта связывается с удовлетворением эмоциональных желаний реципиента. Продукт описывается как источник различных эмоционально позитивных состояний – Wohlgefuehl, Genuss, Freude, Erfolg и пр., или помещается в ситуацию, которая вызывает положительные эмоции реципиента (Ferien, Urlaub, Freundschaft, Fest usw.): Freude am Fahren (BMW).

В рекламном тексте происходит комбинирование и конкретизация инвариантных имиджей.

Для рекламного дискурса также характерна абсолютизация положительной оценки. Абсолютизация оценки подразумевает расположение определенных характеристик рекламируемого продукта в области максимума оценочной шкалы. С помощью абсолютизации оценки адресант вычленяет рекламируемый продукт из массы других продуктов, обладающих сходными объективными характеристиками, и сигнализирует реципиенту об уникальности продукта, его несравнимости с аналогами. К языковым средствам выражения абсолютно положительной оценки в рекламе относятся лексические единицы с семантикой генерализации, универсальности, неограниченности типа alles, weltweit, immer (Im Falle eines Falles klebt Uhu wirklich alles (клей «Uhu»)); лексические единицы, обозначающие высшую степень

оценки продукта в целом либо его определенного аспекта, т.н. эмоциональные суперлативы, такие, как *absolut*, *perfekt*, *hervorragend*, *maximal*, *phantastisch*, etc. (Color Booster: Eine patentierte Technologie fuer maximale Farbe); интенсификаторы типа *ultra*, *extra*, *perfekt*, etc. (Extra lang im Geschmack (реклама жевательной резинки “Orbit”)); композиты, экспрессивно выражающие максимальную, часто гиперболизированную оценку, т.н. «Volkssuperlative» типа *superschick*, *supergut*, *eisklar* (Ob Kino-Trailer oder Musik-Videos in brillanter Qualitaet, Radio-Programme mit kristallklarem Sound, aktuelle Nachrichten oder superschnelle Downloads: Bei ACL ist alles schon drin (компьютерное обеспечение ACL)) и др.

#### **4. Особенности реализации стратегии оценочного информирования в политическом дискурсе**

Спецификой оценочного информирования в политическом дискурсе\* является противопоставление «своего» и «чужого». Оценка направлена на положительную характеристику «своего» (политического деятеля, программы и т.д.) и дискредитацию «чужого». Соответственно, в политическом дискурсе обычно представлены как минимум два объекта оценки, каждый из которых «встраивается» в концептуальную сферу «мы, свои» или в концептуальную сферу «они, чужие» путем использования разнообразных персуазивных техник.

В качестве примера техники, используемой для положительной характеристики «своего», можно привести технику групповой идентификации. Групповая идентификация может быть направлена на формирование этнической, национальной, территориальной (под-

---

\* Следует подчеркнуть, что риторический метадискурс и политический дискурс находятся в отношениях частичной инклюзивности, что объясняется «сосуществованием» в политическом дискурсе типов текста с разными прагматическими целеустановками.

держка «локального» патриотизма), политической и т.п. идентичности либо на формирование неконкретизированной групповой идентичности реципиентов (чувства «мы», «наши»). В реальной коммуникативной ситуации идентичности могут формироваться комплексно: «Мы, немцы, сторонники партии Х». Групповая идентификация необходимо связана с приписыванием группе в целом либо ее отдельным оценочным параметрам положительных характеристик, которые могут редуцироваться до «лозунговых слов» типа Freiheit, Einheit, Demokratie, выступающих в качестве сигналов узнавания «своего» и воздействующих на эмоциональную сферу реципиентов.

Отрицательная характеристика «чужого» осуществляется, к примеру, с помощью техники политического размежевания (другое название – техника дискредитации), которая предполагает отграничение и дискредитацию «чужого» посредством приписывания «чужому» объекту оценки либо его отдельным оценочным параметрам отрицательных характеристик: «Ich sage: Diese Gesellschaft, (...), die Frau Merkel und Herr Westerwelle wollen, ist kalt, sie ist unsolidarisch und sie ist damit auch unmenschlich» (из речи Г. Шредера на партийном съезде СДПГ 31.08.2005). Непосредственный объект оценки – общество (Gesellschaft), которое якобы хотят построить А. Меркель и Г. Вестервелле. Фактический объект оценки – сами политические противники Г. Шредера.

Регулярно используемая отрицательная характеристика в политическом дискурсе приобретает характер «ярлыка».

«Навешивание ярлыка» и использование «лозунговых слов» – явления одного порядка, две возможности реализации персуазивной техники, которую можно вслед за Йоганнесом Фольмертом назвать техникой этикетирования (Etikettierung) [9, с. 41]. Отрицательно «заряженный» в одной коммуникативной ситуации «ярлык» может поме-

нять свой знак на положительный в другой коммуникативной ситуации (в зависимости от политической ориентации адресанта).

Техника групповой идентификации и техника политического размежевания нередко используются в комплексе, когда «свое» и «чужое» эксплицитно противопоставляются в тексте: «Die Bundesrepublik Deutschland als eines der am dichtesten besiedelten Laender Europas ist kein Einwanderungsland. Es muss das Land der Deutschen bleiben“. ↔ „Auslaender koennen Staatsbuergerschaftsrechte erwerben, es besteht aber kein Recht darauf“ (из партийной программы правой Республиканской партии Германии (1987). Пример заимствован у Андреаса Дернера [8, с. 379]).

### ***5. Особенности реализации стратегии оценочного информирования в религиозном дискурсе (в тексте проповеди)***

Проповедь как тип текста занимает особое место в риторическом дискурсе. Для истинно верующего человека «главный отправитель текста проповеди – Бог, человеку отводится роль «субъекта-инструмента»; проповедник выступает как посредник, интерпретатор божественного текста» [2, с. 216]. Объектом оценки в проповеди обычно становится то действие (ментальное, эмоционально-чувственное или конкретно-практическое), к совершению или не совершению которого призывает проповедник. Если представить риторический метадискурс в виде поля, то ближе всего к его центру будет проповедь, объектом оценки в которой является конкретно-практическое действие.

Место объекта оценки на оценочной шкале определяется в проповеди соответствием / несоответствием характеристик объекта положениям богооткровенного учения и общепринятой религиозной морали. Так, в тексте проповеди «Keine leeren Worte» (Uli Limpf. Keine leeren Worte. Predigt der Chrischona-Gemeinde Eichstetten) отрицательно оцениваются злые, ранящие, необдуманные слова («boese,

verletzende, unbedachte Worte»), которые экспрессивно характеризуются как «Schwerter, Pfeil und Bogen, giftige Schlangen». Негативная оценка подкрепляется обращением к Библии:

«Eine linde Zunge ist ein Baum des Lebens; aber eine luegenhafte bringt Herzenleid» (Spr 15,4).

«Auch die Zunge ist ein Feuer, eine Welt voll Ungerechtigkeit. So ist die Zunge unter unsern Gliedern: sie befleckt den ganzen Leib und zuendet die ganze Welt an und ist selbst von der Hoelle entzuendet» (Jak 3,6).

В реальной коммуникативной практике, однако, велика роль адресанта-посредника (проповедника), выбирающего тот или иной аргумент: «Darf eine Frau predigen? Darf sie eine Gemeinde leiten? Natuerlich! Hat der Apostel Paulus nicht gesagt: «In Christus hat es nichts mehr zu sagen, ob jemand Mann oder Frau ist»?

Aber halt! Er hat doch auch gesagt: «Eure Frauen sollen in den Gemeinden schweigen» und «Ich erlaube einer Frau nicht, zu lehren noch ueber den Mann zu herrschen» (Juerg Birnstiel. Frauen sind anders, Maenner auch. Teil 1/6. Kampf der Geschlechter. Kolosser 3, 18 / 1. Mo-se 3, 16.). У Апостола Павла проповедник находит как аргумент в пользу разрешения женщине проповедовать, так и контраргумент. Задача проповедника заключается в определении собственной позиции и поиске дополнительных аргументов.

В современной проповеди нередки случаи «вторжения» в религиозный дискурс других дискурсов. Намеренное смешение дискурсов, включение библейских персонажей или сюжетов в современный контекст используется проповедником для оптимизации контакта с аудиторией, установления более тесной связи объекта оценки со знакомой реципиенту ситуацией, что должно способствовать усилению аргументации в пользу положительной либо отрицательной оценки того или иного объекта. Такой прием получает в работе

Клауса Байера «Religioese Sprache. Thesen zur Einfuehrung» (2004) название «профанирование сакрального» (Profanierung des Sakralen) [7, с. 109]: «Wenn Gott ein Versprechen gibt, dann handelt er geradlinig. Entweder muss Gott das tun, was er sagt, oder er ist ein Luegner. Wenn Sie eine Versicherungspolice haben und wissen, was alles dadurch abgedeckt ist, dann sorgen Sie sich nicht mehr darum, oder?» (Allan Hofer. Predigt zum 1.2. 2009. Gottes Gegenmittel gegen die Sorgen. Psalm 23). В данном фрагменте проповеди, призывающей не беспокоиться и предоставить Богу решать существующие проблемы, возможности Бога сравниваются с возможностями универсального страхового полиса (die Versicherungspolice, die alles abdeckt).

Подводя итоги, следует определить риторический метадискурс как прототип, т.к. в коммуникативно-прагматической практике риторического общения адресант и реципиент руководствуются в плане общих когнитивно-прагматических и операциональных установок над индивидуальными конвенциональными правилами речевого поведения (ср. [5, с. 62]). Прототипический характер риторического метадискурса предопределяет возможность вариативной реализации его персуазивной целеустановки в различных ситуациях общения. Иными словами, понятие риторического метадискурса является родовым по отношению к таким понятиям, как рекламный, политический или религиозный дискурс\*. Характеристики конкретной коммуникативной ситуации обуславливают особенности реализации персуазивной стратегии оценочного информирования в различных типах текста риторического метадискурса (выбор персуазивных техник, языковое оформление).

---

\* Относительно политического и религиозного дискурса следует отметить, что не все типы текста, относящиеся к этим коммуникативным пространствам, обладают персуазивной целеустановкой.

#### СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

[1] – Арутюнова Н.Д. Типы языковых значений. Оценка. Событие. Факт. – М.: Наука, 1988.

[2] – Бобырева Е.В. Вторичные жанры религиозного дискурса: проповедь и исповедь // Жанры и типы текста в научном и медийном дискурсе. – Вып. 5. – Орел: ОГИИК, 2007. – С. 214-222.

[3] – Голоднов А.В. Риторический метадискурс: к определению понятия // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина, № 2 (13). Серия Филология. – СПб, 2008. – С. 7-18.

[4] – Голоднов А.В. Персуазивная стратегия текстообразования в риторическом метадискурсе // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина, № 4 (18). Серия Филология. – СПб, 2008. – С. 113-125.

[5] – Гончарова Е.А. Научная коммуникация – дискурс – интердискурсивность // Текст и дискурс. Проблемы экономического дискурса. – СПб: Изд-во СПбГУЭФ, 2001. – С. 59-67.

[6] – Иссерс О.С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. – Омск: Изд-во Омск. ун-та, 1999.

[7] – Bayer K. Religioese Sprache. Thesen zur Einfuehrung. – Muenster: Lit Verlag, 2004.

[8] – Doerner A. «Rechts, aber nicht draussen». Zur Selbstverortung in den Parteiprogrammen der Republikaner. In: Sprache des Parlaments und Semiotik der Demokratie: Studien zur politischen Kommunikation in der Moderne / hrsg. von Andreas Doerner, Ludgera Vogt. – Berlin; N.Y.: de Gruyter, 1995. – SS. 364-369.

[9] – Volmert J. Politikerrede als kommunikatives Handlungsspiel; ein integriertes Modell zur semantisch-pragmatischen Beschreibung oeffentlicher Rede. – Muenchen: Fink, 1989.

#### СПИСОК ИСТОЧНИКОВ:

Журналы «Stern», «Focus», «Brigitte», «Freundin» (2002-2006 гг.), Интернет-сайты [www.spd.de](http://www.spd.de); [www.chrischona-eichstetten.de](http://www.chrischona-eichstetten.de); [www.zenti.ch](http://www.zenti.ch); [www.jesusunerschicksal.de](http://www.jesusunerschicksal.de) (Дата обращения: 10.09.2009)

УДК 81'82  
ББК 81.2-5

*Т.В. Дубровская\**

## **О РЕЧЕВОМ ВЗАИМОДЕЙСТВИИ СУДЬИ С ПРЕДСТАВИТЕЛЯМИ ОБВИНЕНИЯ И ЗАЩИТЫ В ЖАНРЕ СУДЕБНОГО ДОПРОСА**

Ключевые слова: *английский, жанр, коммуникация, русский, судебный допрос, судья, тактики; communication, courtroom, English, examination, genre, judge, Russian, tactics*

*В настоящей статье автор исследует типичные ситуации речевого взаимодействия русских и английских судей с представителями обвинения и защиты, выделяет коммуникативные тактики, применяемые судьями. Также отмечена национально-культурная специфика судебной коммуникации в ходе судебного допроса.*

*In the present article the author explores typical situations of interaction between Russian or English judges on one side, and lawyers of prosecution and defence on the other side. Communicative tactics deployed by judges have been distinguished. Some nationally and culturally specific features of courtroom examination have been pointed out.*

Жанр судебного допроса является комплексным жанром, в котором есть несколько участников, преследующих свои частные цели. В каждом отдельном допросе участвуют представители обвинения и защиты, свидетель, судья. Судебный допрос как жанр уже привлекал внимание отечественных и англоязычных исследователей. Однако изучались, главным образом, особенности речевого взаимодействия между свидетелем и стороной, ведущей допрос. Ученые рассматривали различные типы вопросов и составляли их классификации [1; 2; 9], отмечали асимметрию судебного допроса и неравноправие участников [10], исследовали особенности допросов «уязвимых» свидетелей, например, свидетелей, плохо владеющих языком [7].

---

\* **Дубровская Татьяна Викторовна**, кандидат филологических наук, Международный независимый эколого-политологический университет (филиал), г. Пенза

В настоящей статье мы обратимся к той роли, которая отведена в судебном допросе судье. Мы считаем, что и в отечественном, и в английском судебном процессе судья всегда остается организующим центром, что находит непосредственное выражение в речи. Мы рассмотрим типичные ситуации взаимодействия русских и английских судей с представителями обвинения и защиты, тактики, применяемые судьями в этих ситуациях, а также отметим национально-культурную специфику судебной коммуникации. Материалом исследования являются стенограммы русских и английских судебных заседаний, а также ручные записи, сделанные автором (2000-2009 гг.).

Речевое поведение судьи в ходе судебного допроса во многом определяется правилами процедуры, принятыми в судебной системе того или иного типа. Английская судебная система традиционно характеризуется как состязательная, тогда как отечественная судебная система до последнего времени считалась инквизиционной системой. На разные роли судей в состязательном и инквизиционном процессах указывает английский исследователь П. Девлин: «В первом судья или присяжные являются арбитрами; они не задают вопросов и не ищут ответов; они взвешивают тот материал, который представлен им, но не несут ответственности за то, что он неполон. Во втором судья находится во главе расследования с самого начала; он, конечно же, разрешает сторонам выстроить свои дела и может полагаться на них, но именно он выясняет то, что он хочет знать» [6, с. 54] (*Перевод с английского здесь и далее мой – Т.Д.*).

Отметим, что с введением в 2001 году нового Уголовно-процессуального кодекса уголовный процесс в России стали характеризовать как смешанный, сочетающий в себе элементы инквизиционного и состязательного процессов [4]. В соответствии с новым

УПК РФ судья может задать вопросы свидетелю только после допроса его сторонами [5]. Что касается гражданских процессов, то в соответствии со ст. 177 Гражданского процессуального кодекса, отечественные судьи сохраняют право задавать вопросы свидетелю на любом этапе судебного допроса [3]. Отечественные судьи играют более активную роль в судебных допросах по сравнению со своими английскими коллегами, о роли которых на процессе К. Эванс отмечает: «В состязательной системе <...> судья действует как беспристрастный рефери, наблюдая за тем, как адвокаты играют в некий судебный теннис. Если адвокаты хорошо знают свое дело, то, по идее, судья должен просидеть весь процесс, не сказав практически ничего» [8, с. 89-90].

Несмотря на различия между отечественной и английской судебными системами, в обеих судья является коммуникативным центром происходящего, осуществляя как регулятивную функцию, так и функцию посредника между участниками судебного процесса. Рассмотрим более подробно, как строится общение судьи с представителями обвинения и защиты в ходе допроса.

Прокуроры и адвокаты играют самую активную роль в выстраивании судебного допроса, поскольку именно им дано право задавать вопросы, формируя линии обвинения и защиты. В то же время свобода сторон в определенной степени ограничена, и они всегда согласуют свои действия с судьей. Осознавая главенствующую роль судьи, стороны стремятся **получить разрешение** на определенные действия, например на приглашение дополнительного свидетеля (пример (1)) или замену одного свидетеля на другого (пример (2)):

(1) PROSECUTOR: Would your Lordship allow me one moment? My Lord departing from the witness order very briefly

and it is a short witness, may I call Detective Officer Hampson please. My Lord, it is to deal with a matter that arose earlier.

Свою просьбу прокурор излагает в очень вежливой форме с использованием этикетных форм и аргументирует необходимость привлечения свидетеля тем, что это поможет прояснить ситуацию. В примере (2) адвокат также приводит аргументы, чтобы просьба о замене свидетеля звучала убедительно:

(2) АДВОКАТ: Ваша честь, у нас есть свидетель Ханин сейчас, мы хотим сейчас его попросить вместо Слободенюк, мы не будем приглашать Слободенюк, а Ханин...

СУДЬЯ: А Слободенюк... Она у нас... А Ханин... Кто такой Ханин?.. Мы Вам разрешили Слободенюк, а Вы пригласили Ханина?

АДВОКАТ: Слободенюк (неразборчиво) с детьми, кроме того, мы видим, что та сторона Слободенюка не приглашает, а Ханин был лишен общения, исключен из организации, а сейчас он восстановлен в ней. И мы полагаем, что суд должен выслушать информацию от этого человека.

Решая технический вопрос нумерации страниц новых документов, приобщаемых к делу, прокурор **заботится об удобстве для судьи**, неоднократно подчеркивая в своем высказывании важность мнения судьи, и получает разрешение поступить так, как считает более целесообразным:

(3) PROSECUTOR: ...if you will excuse me for one second I would just like to clear a matter with his Lordship. We are minded, subject to your Lordship agreeing, that every exhibit should still retain the page number in our bundles for reasons of

simplicity. We will give them numbers as well if your Lordship thinks that appropriate, providing we can keep the number which is on the page, but so far as the documentary exhibits are concerned, if we refer to it simply as exhibit page 280 and we ensure that they are all listed, would that serve your Lordship's purposes?

JUDGE: Yes. That seems perfectly satisfactory. Miss Davies?

BARRISTER: My Lord, yes.

JUDGE: Thank you, Mr. Henriques.

Отметим, что судья интересуется **мнением другой стороны** перед тем как дать согласие. Внимание к обеим сторонам, учет их мнений и интересов при решении самых разных вопросов можно назвать характерной чертой речевого поведения как английских, так и русских судей.

Активная роль судьи в зале суда находит подтверждение и в тех ситуациях, когда судья **цитирует показания** свидетеля. Даже тогда, когда судья молчит, он остается внимательным слушателем, готовым в любой момент вмешаться и внести коррективы в ход процесса. В примере (4) прокурор, ведущий допрос, цитирует слова свидетельницы, однако оказывается неточен, и судья поправляет его, приводя более точную цитату. Прокурор принимает поправку, повторяя слова судьи:

(4) PROSECUTOR: You have said that «the police came to you at a later stage» and you used the word «interviewed you»?

WITNESS: Yes, it seemed like that, yes.

JUDGE: «More intensive interviews» is what she said.

PROSECUTOR: More intensive interviews.

Несмотря на то, что в нашем материале встречаются достаточно длительные фрагменты судебных допросов, в которых речевая роль судьи минимальна, есть и такие отрезки дискурса, где судья активно вмешивается в ход допроса. Вмешательство со стороны судьи связано прежде всего с необходимостью контролировать соблюдение правил судебного допроса. К этим правилам относится **правило запрета показаний с чужих слов.**

В следующей ситуации можно наблюдать противостояние судьи и прокурора, ведущего допрос. Судья вмешивается в ход допроса, когда прокурор предлагает свидетелю представить факты с чужих слов:

(5) ПРОКУРОР: Скажите, пожалуйста, известны ли Вам случаи, когда в критических ситуациях из-за отказа от переливания крови создавалась угроза жизни верующих? С чьих-либо слов, может быть, Вы сами...

СУДЬЯ: Нет, со слов нас не интересует абсолютно. Если Вам просто что-то известно. Со слов нам уже...

СВИДЕТЕЛЬ: Я видел просто... заключения некоторых городских больниц...

СУДЬЯ: Нет, заключения мы тоже все видели. Если Вам известен конкретный факт, конкретный...

СВИДЕТЕЛЬ: Нет, конкретный...

СУДЬЯ: Все. Следующий вопрос.

Правило запрета показаний с чужих слов (hearsay rule) действует и в английском суде, и подобные примеры встречаются в английском материале.

Представители сторон также обязаны воздерживаться от **наводящих вопросов (leading questions)**. Дж. Гиббонс так пишет о наводящих вопросах и их использовании в англоязычном суде: «Наводящий вопрос – это такой вопрос, который в большей степени включает в себе информацию, чем имеет цель получить ее от свидетеля. Наводящие вопросы обычно не разрешаются во время прямого допроса, когда адвокат допрашивает «дружественного» свидетеля относительно событий, являющихся предметом тяжбы...» [9, с. 108]. В ситуациях, когда правило относительно наводящих вопросов нарушается, противоположная сторона может заявить протест, и судья решает вопрос по своему усмотрению. В примере (6) судья принимает протест недовольного адвоката защиты и дает обвинению совет, как переформулировать вопрос, после чего прокурор задает вопрос в измененной форме:

(6) PROSECUTOR: Did he indicate to you who was, as it were, in control of the relationship in any way?

BARRISTER: That really is (inaudible).

JUDGE: It can't be evidence against her.

BARRISTER: It is almost in the form of a leading question, too.

JUDGE: Yes, it suggests something - you can ask a question that starts did he say anything else about the relationship.

BARRISTER: The damage has been done.

JUDGE: Anyway, you go on, MR LATHAM.

PROSECUTOR: Did he give any other indication to you about the nature of the relationship, how they related to each other?

Наводящие вопросы не должны использоваться и в отечественном суде. Согласно ст. 275 УПК РФ, председательствующий отклоняет наводящие вопросы. В нашем материале, однако, не встретилось случаев отклонения вопросов в силу того, что судья считал их наводящими.

**Недоступность для свидетелей формулировок вопросов** – еще одна проблема, которая решается судьями. В следующей ситуации судья приходит на помощь прокурору и уточняет вопрос, когда свидетельница отвечает не по сути:

(7) PROSECUTOR: With staff absent because it is holiday time the site manager or one of the other caretakers was in charge of the site on the ground?

WITNESS: Responsible for getting things ready, yes.

PROSECUTOR: That's getting ready for the press but the question was?

JUDGE: The question was about holidays generally.

В русском материале нам также встретились примеры работы «в тандеме» судьи и одной из сторон. Прокурор обсуждает вопрос материальной компенсации ущерба с подсудимым, и судья вступает в обсуждение, чтобы разъяснить не совсем однозначные слова прокурора:

(8) ПРОКУРОР: Все в ваших руках.

СУДЬЯ: В том смысле, что в ваших руках 192 рубля 20 копеек, которые принадлежат потерпевшему.

Комментарии судьи могут быть адресованы разным участникам процесса – свидетелю, потерпевшему, подсудимому. Но они одновременно являются показателями взаимодействия между судьей и

стороной, ведущей допрос, чьи высказывания судья комментирует и объясняет.

В ходе судебного допроса русские и английские судьи контролируют соблюдение **правила релевантности**. Российские процессуальные нормы разрешают председательствующему отклонять вопросы, не имеющие отношения к делу. В примере (9) судья снимает вопрос прокурора, поскольку он весьма абстрактен и напрямую не касается свидетеля:

(9) ПРОКУРОР: Разрешите последний вопрос, Ваша честь. Скажите, пожалуйста, вот вы сказали, отвечая на вопрос, говорили об истинности православной религии и вы это только что подтвердили. Говоря об истинности православной религии, вы когда-либо, где-либо обвиняли другие конфессии, другие религии в кровопролитии, в блуде, в том, что другие религии погрязли в грехах, сравнивали каким-то образом?..

СУДЬЯ: Снят вопрос. Следующий вопрос. При чем здесь свидетель-то...

Англоязычные исследователи также отмечают важность критерия «релевантность» для проведения судебного процесса и ведущую роль судьи в оценке речевых высказываний участников процесса как относящихся или не относящихся к делу. «На процессах, происходящих в устной форме, от лишнего материала легко избавиться. Это задача умелого судьи – сократить ненужное до минимума. Таким образом он стремится сократить время, занимаемое неважными вопросами, и при этом не дает адвокату почувствовать, что ему отказано в справедливом слушании», – пишет П. Девлин [6, с. 62-63].

В спорных ситуациях для определения степени релевантности вопроса необходимо полное **понимание линии допроса**. Выяснение позиций сторон может быть спровоцировано протестом одной из сторон, но и сам судья имеет полное право обратиться за разъяснениями к ведущему допрос участнику процесса:

(10) JUDGE: I am not quite sure, Mr Irving, perhaps you can explain to me. You are putting various things which you say Mr Tauber described.

CLAIMANT: Well, my Lord, the inference is ----

JUDGE: With what object? Are you suggesting all of this is invention?

Как мы уже отмечали, судья в состязательной системе не должен задавать вопросов, целью которых является **получение фактической информации**. Эту функцию выполняют представители обвинения и защиты. На практике, однако, адвокаты не всегда задают те вопросы, ответы на которые хотел бы услышать судья. В английском материале нам встретились ситуации, когда **судья побуждал** ведущего допрос **задать определенные вопросы**, проясняющие для него суть дела или требующие произнесения вслух ответов, которые не оставили бы возможности двойного толкования или домыслов. В следующем фрагменте перекрестного допроса после упоминания свидетелем специфического запаха замазки для кузова в машине адвокат продолжает допрос, интересуясь главным образом точной датой, когда свидетель почувствовал этот запах. Далее судья вмешивается в ход допроса и интересуется, не собирается ли кто-нибудь спросить, как пахнет замазка. Происходит следующий обмен репликами:

(11) JUDGE: Is anybody going to ask what body filler smells like?

WITNESS: Obviously you all repair your own cars so you all know.

BARRISTER: All the time.

JUDGE: Probably get somebody to do it. Anybody want to ask or is it assumed we all know.

BARRISTER: Mr Butler can you describe in any other way the sort of smell, I know smells are difficult to describe, what body filler smells like?

WITNESS: Like a sweet smell, it gets in the back of your throat, a strong smell.

Вопрос, несмотря на свою косвенную формулировку, не может быть адресован никому кроме адвоката, который вправе задавать вопросы. На это косвенное побуждение откликается свидетель, считающий, что все ремонтируют машины и знают, что это за запах. Адвокат, кажется, поддерживает свидетеля. Однако судья еще раз в косвенной форме побуждает адвоката задать интересующий его самого вопрос. Местоимения *somebody* и *anybody* придают побуждению отвлеченный от фактического адресата характер, но на этот раз адвокат правильно расценивает интенцию судьи, обращается к свидетелю с вопросом за уточнением и получает ответ.

В русском материале нам не встретилось случаев, когда судья побуждает адвоката задать определенные вопросы. Мы объясняем это правилами отечественного судебного процесса, согласно которым российские судьи имеют право задать вопросы свидетелю после его допроса сторонами. По нашим наблюдениям, судьи практически всегда используют это право.

Взаимодействие судьи со сторонами обвинения и защиты в ходе допроса нередко касается **вопросов процедурного характера**, и в этих вопросах судья имеет полное право проявить определенную жесткость и категоричность, что отражается на формальной стороне высказывания. Так, английский судья в категоричной перформативной форме отдает распоряжение о том, чтобы адрес свидетельницы не оглашался:

(12) JUDGE: ...I direct that there is to be no publication of the address of Mrs. Woodruff without leave of the Court.

Контроль процедуры помимо прочих составляющих включает контроль времени. Не желая затягивать слушание, судья ограничивает ответы свидетеля и побуждает допрашивающего перейти к следующему вопросу:

(13) ПРОКУРОР: А фамилию Вы...

СВИДЕТЕЛЬ: Я фамилию не знаю, потому что мы с ним просто познакомились...

СУДЬЯ: Следующий вопрос. Хорошо.

Таким образом, мы выделили ряд типичных ситуаций взаимодействия судьи и допрашивающей стороны (прокурора, адвоката) в ходе судебного допроса. Коммуникативные тактики, направленные на судью, и в отечественном и в английском суде сводятся в основном к запросу разрешения на совершение определенных действий. Тактики в речи судей включают запрос мнения сторон, цитирование показаний свидетелей, запрет показаний с чужих слов, запрет наводящих вопросов, распоряжение о замене формулировки вопроса, указание на нерелевантность вопроса, выяснение линии допроса, побуждение задать вопрос, контролирование времени. Достаточно обширный список коммуникативных тактик в речи судей подтверждает наше положение о том, что ни русские, ни английские судьи не являются пассивными участниками судебного допроса, активно

регулируя его ход. В речи русских судей мы не обнаружили некоторых тактик, в том числе запрета наводящих вопросов, выяснения линии допроса, побуждения допрашивающего задать определенные вопросы. Отчасти различия можно объяснить особенностями нашего материала. Однако, основание для отсутствия тактики побуждения к вопросу лежит, на наш взгляд, в российском процессуальном законодательстве, практически не ограничивающем право судьи задавать вопросы.

В то же время большинство тактик обнаруживают значительный параллелизм. Это тактики, которые способствуют эффективности судебного процесса, осуществлению правосудия в максимально сжатые сроки и реализации принципов правосудия, актуальных как для России, так и для Великобритании, среди которых равенство и состязательность сторон, уважение к личности, презумпция невиновности.

#### СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

- [1] – Александров А.С. Введение в судебную лингвистику. – Нижний Новгород, 2003.
- [2] – Введенская Л.А., Павлова Л.Г. Риторика для юристов. – Ростов н/Д., 2002.
- [3] – Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации (по состоянию на 20 апреля 2008 года). – Новосибирск, 2008.
- [4] – Григорьев В.Н. Уголовный процесс. – М., 2006.
- [5] – Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (по состоянию на 15 сентября 2008 года). – Новосибирск, 2008.
- [6] – Devlin P. The judge. – Oxford University Press, 1981.
- [7] – Eades D. Interviewing and examining vulnerable witnesses // Encyclopedia of language and linguistics. – Elsevier, 2006. – Pp. 772-778.
- [8] – Evans K. Advocacy in court: a beginner's guide. – Oxford University Press, 1995.
- [9] – Gibbons J. Forensic linguistics. An introduction to language in the justice system. – Blackwell Publishing, 2005.
- [10] – Stygall G. Trial language: differential discourse processing and discursive formation. – Amsterdam: Benjamins, 1994.

# ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЯ

УДК 81'373

ББК 81.2-3

**Б.А. Агарзаева\***

## ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОЕ СВОЕОБРАЗИЕ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ С КОМПОНЕНТАМИ «ГОЛОВА» И «СЕРДЦЕ» (на материале русского и лезгинского языков)

Ключевые слова: лезгинский язык, лингвокультурология, русский язык, семантика, соматический компонент, фразеология; *Lezgin language, linguistics and culture, phraseology, semantics, somatic component, Russian language.*

*Статья описывает и анализирует лингвистическое и культурное своеобразие фразеологизмов с компонентами «голова» и «сердце» в русском и лезгинском языках, раскрывает национальную специфику данных единиц в сопоставляемых языках.*

*The article describes and analyzes the linguistic and cultural originality of phraseological units with components «head» and «heart» in Russian and Lezgin, reveals the national specificity of these units in the languages compared.*

В последние десятилетия изучение языка оказывается в центре внимания не только лингвистов, но и философов, культурологов: языковые структуры, как принято считать, открывают путь к структурам внеязыковым, описывающим сам реальный мир.

Еще Э. Сепир отмечал, что «роль языка в накоплении культуры и ее историческом наследовании очевидна и очень существенна. Это относится как к высоким уровням культуры, так и к примитивным ее формам. Большая часть культурного фонда примитивного общества сохраняется в более или менее четко определенной языковой форме» [5, с. 233].

---

\* **Агарзаева Барият Агарзаевна**, Дагестанский государственный педагогический университет, г. Махачкала

Таковыми языковыми формами, наиболее ярко запечатлевающими и воспроизводящими социокультурные стереотипы, являются фразеологизмы, паремии, афоризмы. Как отмечают исследователи, «язык запечатлеывает культурные различия и именно фразеологический состав языка хранит и воспроизводит культурные установки народа» [2].

Мифологема-архетип «голова» относится к основному набору архетипов, на основе которых строится концептуальная система любого естественного языка. И лезгинский язык не является исключением. Мифологема-архетип «голова» может лежать в основе фразеологических единиц, употребляемых для оценки человека, его внешних и внутренних качеств, различных объектов мира и отношения человека к этим объектам. С помощью фразеологических единиц с анализируемым базовым компонентом «голова» можно описать значительный фрагмент мира [8].

М.М. Маковский справедливо отмечал, что «...голова считалась центром деторождения, в связи с чем слова со значением «разум, понимание, ум» соотносятся со словами, имеющими значение «родить». Автором приводится «цепочка семасиологических связей: «голова → солнце → небо → вода → огонь → земля → рука → женщина», а также «понятие голова связано с понятиями жизненной силы и молодости» [12, с. 122].

Как пишет В.А. Маслова, если в современном представлении голова – это центр переработки информации, то у древнего человека все, что связано с головой, соотносилось с небом и его главными объектами – солнцем, луной, звездами. Мифологема головы – «солнце» – легла в основу таких фразеологических единиц, как *голова идет кругом*, *голова горит*, *голова закружилась*. Еще одна ми-

фологема головы – «Бог, главное, важное» – нашла отражение во фразеологизмах: *всему голова* (о важном), *золотая голова* (об умном человеке). Основная масса русских фразеологизмов сформировалась позднее и почти утратила связь с указанными мифологемами. Теперь эти ФЕ обозначают прежде всего интеллектуальные способности человека, его качества, физическое состояние и т.д. Например, *голова на плечах*, *голова на месте*, *голова варит* – об умном человеке; *без царя в голове*, *зеленая голова*, *курья голова*, *голова дубовая*, *голова садовая* – о глупом, недалеком человеке. Слово «голова» образует ФЕ, характеризующие человека с самых разных сторон: *как снег на голову* (неожиданно), *хоть кол на голове теши* (об упрямом человеке), *непоклонная голова* (о непокорном человеке), *голова пухнет* (состояние человека), *отпетая голова* (об отчаянном человеке), *горячая голова* (о пылком человеке), *бесталанная голова* (о несчастном человеке) и т.д. Большинство фразеологизмов с компонентом «голова» имеет позитивную коннотацию, что объясняется наличием в менталитете русских архетипа «голова» = солнце, божество [3, с. 132].

В.И. Карасик отмечает: «Языковая картина мира является частью ментальной картины мира и, в свою очередь, может быть разбита на определенные области или представления в виде аспектов, таких, как например, ценностная, эмотивная или юмористическая языковые картины мира. Принципиально важной для понимания этнокультурной специфики является ценностная картина мира – часть языковой картины мира, моделируемая в виде взаимосвязанных оценочных суждений, соотносимых с юридическими, религиозными, моральными кодексами, общепринятыми суждениями здравого смысла, типичными фольклорными, литературными сюжетами» [1, с.

234]. В.И. Карасик считает, что «особую роль в изучении языковой картины мира играют фразеологические единицы, паремии, прецедентные тексты. Социально-исторические характеристики жизни народа во многом определяют своеобразие языковой избирательной фиксации мира, в свою очередь, зафиксированный в языке способ видения мира оказывает влияние на активное социально-историческое сознание народа и его ежедневное поведение» [там же].

Нами обнаружено и проанализировано более 130 фразеологических единиц, основным компонентом которых является «голова» и его производные (*кьил*, *келле*).

Такое довольно значительное количество фразеологических единиц говорит, в первую очередь, об особенностях национального менталитета, который складывается в силу множества причин (условий жизни народа, его истории, географического расположения и др.).

Слово *кьил* в лезгинском языке обозначает не только голову, но и в переносном смысле «верх, вершину, начало, зачин». Понятие «высокое» (в прямом и переносном смыслах), связанное с особенностями ландшафта территории проживания данного этноса, находит отражение в его языковой картине мира. Такая распространенность данной мифологемы вскрывает когнитивные процессы, позволяющие установить семасиологические универсалии, которые лежат в основе разветвленной сети метафорических переходов, ассоциаций.

Вследствие метафорических и метонимических переносов, а также словообразовательных актов в лезгинском языке образовались производные слова, слова вторичной номинации, которые сохранили прямую или опосредованную связь с первичными значениями:

*кьилел кьеркъ алайди – имеющий папаху на голове;*

*кьил кьилел алаз хьун – голова на плечах;*  
*келледа нагъвар ава – в голове солома;*  
*кьил т1арун – ломать голову;*  
*гар авай келле – ветер в голове.*

В семантическом плане ФЕ делятся на 5 фразеосемантических групп:

а) ФЕ со значением качественной оценки лица:

*къабах кьил – голова тыквенная;*  
*гар авай келле – ветреная голова;*  
*буш келле – пустая голова;*

б) ФЕ со значением внутреннего состояния человека:

*кьил – т1арун – ломать голову;*  
*и кьил – а кьил авачир – не имеющий конца;*

в) ФЕ, выражающие действия, совершаемые человеком:

*кьил къакъудун – дать винта;*  
*кьилихъди вегьин – броситься с головой;*  
*кьил элкъуьрун, кьил какадарун – задурить голову;*

г) ФЕ со значением характеристики действия и состояния человека:

*кьил цава кьун – задирать голову;*  
*кьил гвайди хьун – быть главным;*  
*кьилелай эхирдалди, кьиляй-кьилиз – от начала до конца;*

д) ФЕ, характеризующие умственные процессы:

*кьил акъудун – пытаться разобраться;*  
*кьил акъудиз тахьун – теряться в догадках.*

Мифологема-архетип «сердце» также относится к основному набору архетипов и лежит в основе фразеологических единиц, употребляемых для оценки человека, его внешних и внутренних качеств, различных объектов мира и выражения отношения человека к этим

объектам. С помощью фразеологических единиц с анализируемым базовым компонентом «сердце» можно описать значительный фрагмент мира [7].

В русском и лезгинском языках нами обнаружено и проанализировано более 300 фразеологических единиц, основным компонентом которых является «сердце».

В обоих языках имеется группа ФЕ со значением внутренних качеств человека, построенных по модели субстантивного словосочетания. Образность некоторых из них создается за счет семантической трансформации размеров сердца, т.е. большое сердце – добрый, отзывчивый, благородный человек.

Группа ФЕ, обозначающая эмоциональное состояние человека, составляет основную группу среди исследуемых ФЕ. ФЕ, обозначающие отрицательные эмоции (страх, тревога, злость, печаль) и имеющие структуру простого предложения, встречаются в обоих языках: *сердце разрывается, рик1 акъатзава*; так же, как и ФЕ, номинирующие положительные эмоции: *легко на сердце, рик1из регьят хьун, рик1 алахьун*.

И в лезгинском и в русском языках ФЕ со значением «испытывать жалость, сострадание к кому-либо», представленные глагольными словосочетаниями, образовались в результате образного переосмысления близкого расположения кого-либо, чего-либо по отношению к сердцу:

*принимать близко к сердцу,  
рик1из кьун (принять к сердцу),  
рик1ик хьун (быть под сердцем).*

Образность ФЕ со значением «испытывать сильное переживание, волнение, тревогу» строится на основе метафоры, которая ос-

новывается на сходстве физического ощущения человека (подпрыгивания, дрожания, биения сердца) с его психическим состоянием:

*рик1ик къалабулук акатун (тревога на сердце),  
рик1 дабандиз аватун (букв. сердце в пятки упало),  
сердце чуть не выпрыгнуло из груди,  
сердце заколотилось, сердце упало.*

В обоих языках имеются ФЕ со значением «любить кого-то» с образом, основанным на переосмыслении ситуации, в которой человек готов совершить такие поступки как, например, отдать свое сердце, подарить свое сердце кому-либо:

*предложить руку и сердце,  
отдать сердце – рик1ив агудун.*

Во ФЕ наличие сердца связывается со смелостью, решительностью, храбростью, и, наоборот, его отсутствие – с отсутствием мужества, трусостью, нерешительностью:

*львиное сердце,  
къене рик1 хьун (букв. иметь сердце в груди),  
къурен рик1 авай аждагъан (букв. дракон с сердцем кролика).*

В лезгинском и русском языках с отсутствием или наличием сердца ассоциируется также отсутствие / наличие доброты, милосердия, жалости:

*каменное сердце,  
рик1 авачир (букв. не имеющий сердца).*

Такая распространенность данной мифологемы вскрывает когнитивные процессы, позволяющие установить семасиологические универсалии, которые лежат в основе разветвленной сети метафорических переходов, ассоциаций.

Анализ фразеологических единиц сопоставляемых языков с компонентами «голова» и «сердце» показывает, что соматизмы выступают, в основном, как знаки определенных ситуаций и отношений между явлениями в реальной жизни, которые могут совпадать у разных народов. Мы обнаружили модели одних и тех же типовых логических ситуаций и отношений, в которые вступают члены тематически противопоставленных пар и к которым сводится смысл употребляемых в них образов [4, с. 107].

1. Большинство фразеологизмов с соматизмами «голова» и «сердце» совпадает по своей логической структуре, т.е. по моделируемому в них отношению между предметно-образными компонентами паремий и по самим компонентам:

*голова пошла кругом – кьил элкъвена;*  
*голова на плечах – кьил къуьнерал хьун;*  
*принять близко к сердцу – рик1ив кьун;*  
*михьи рик1елди – от чистого сердца;*  
*кьил элкъуьрун – задурить голову;*  
*один конец – гафар кьил сад я;*  
*светлая голова – экуь кьил.*

2. ФЕ в разных языках совпадают по своей логической структуре, т.е. по моделируемому в них отношению между предметно-образными компонентами, но различаются самими компонентами. Таких ФЕ значительное количество:

*в сердцах – хъел кваз;*  
*голова соломой набита – келледа нагъвар ава;*  
*кьил элкъуьрун – задурить голову;*  
*рик1 ачух (букв. открытое сердце) – душа нараспашку;*

*рик1и кьабул тавун (букв. сердце не принимает) – душа не принимает;*

*заячья душа – кьуьрен рик1 авайди (букв. заячье сердце);*

*идти куда глаза глядят – кьил туьквей патахъ финн (букв. идти куда голова ведет);*

*мотать себе на ус – рик1ел хуьн (букв. хранить на сердце);*

*отвести душу – рик1 аладарун (букв. отвести сердце);*

*от корки до корки – кьиляй кьилиз (букв. от головы до головы, т.е. от начала до конца);*

*сорвать сердце – хьел аладарун (букв. слить гнев);*

*выкладывать душу – рик1 ачухун (букв. открыть сердце).*

3. Особое место следует отвести паремиям, не находящим адекватного паремического соответствия в другом языке. Они отражают специфические особенности национального менталитета, тонко замеченные этническим сообществом:

*сломя голову;*

*давать / дать голову на отсечение;*

*кошки скребут на сердце;*

*отвечать / ответить головой;*

*кьил гвайди хьун (букв. быть тем, у кого голова, т.е. главным, ведущим);*

*кьилел ргай яд иличайди хьиз (букв. как будто на голову пролили горячую воду);*

*кьилел кьапар хун (букв. бить тарелки над головой);*

*кай рик1ел яд иличун (букв. пролить воду на горящее сердце, т.е. успокоить);*

*кьил т1уьн (букв. съесть голову, т.е. ругать);*

*рик1 ч1улав хьун (букв. сердце почернело);*

*рик1и рик1 т1уьн* (букв. сердце ест сердце);  
*тум – кьил кьвезвач* (букв. голова и хвост не сходятся);  
*кьве рик1ин хьун* (букв. два сердца стало, т.е. наличие вы-  
бора).

Большая часть фразеологизмов с компонентами-соматизмами в исследуемых языках являются по происхождению свободными, полными реального смысла суждениями и в силу универсальности человеческого мышления построены по одной логической схеме и содержат один и тот же инвариантный смысл.

Вышеизложенное позволяет сделать вывод о том, что культурно-национальная интерпретация лексико-фразеологического соматического пространства, функционирующего в семантическом континууме данных языков, позволяет понять механизмы, участвующие в формировании наивной картины мира, в том числе огромную роль человека в самопознании, познании реального мира, его миропонимании и мировосприятии человека и этноса в целом.

#### СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

- [1] – Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. – М., 2004.
- [2] – Касумова М.Ю. Лингвокультурологические аспекты гендерных репрезентаций // [www.philol.msu.ru/rle2004/ru/participants/psearch.php?pid=963115](http://www.philol.msu.ru/rle2004/ru/participants/psearch.php?pid=963115) (Дата обращения: 30.09.2009)
- [3] – Маслова В.А. Лингвокультурология. – М.: Академия, 2001.
- [4] – Пермяков Г.Л. Основы структурной паремиологии. – М., 1988.
- [5] – Сепир Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии. – М., 1993. – С. 259-265.
- [6] – Телия В.Н. Метафоризация и ее роль в создании языковой картины мира // Роль человеческого фактора в языке. Язык и картина мира. – М., 1988. – С. 173-203.
- [7] – Толстой Н.И. Язык и культура // Толстой Н.И. Язык и народная культура. Очерки по славянской мифологии и этнолингвистике. – М., 1995. – С. 15-26.
- [8] – Хараева Л.Х. Фразеологические единицы с компонентом «голова» (к языковой картине мира на материале кабардино-черкесского языка). 18 мая 2005 г. //

СПИСОК СЛОВАРЕЙ:

[9] – Баранов О.С. Идеографический словарь русского языка. – М., 1995.

[10] – Быстрова Е.А., Окунева А.П., Шанский Н.М. Фразеологический словарь русского языка. – М., 2004.

[11] – Гюльмагомедов А.Г. Фразеологический словарь лезгинского языка. – Махачкала, 1975.

[12] – Маковский М.М. Сравнительный словарь мифологической символики в индоевропейских языках: Образ мира и миры образов. – М., 1996.

УДК 81'373

ББК 81.2-3

**М.М. Магамедова\***

## **ЭТНОКУЛЬТУРНАЯ СПЕЦИФИКА ГЕНДЕРНО-ДЕТЕРМИНИРОВАННОЙ «ЖЕНСКОЙ» ЛЕКСИКИ ЛЕЗГИНСКОГО И РУССКОГО ЯЗЫКОВ**

Ключевые слова: *гендерная лексика, гендерная лингвистика, лезгинский язык, русский язык, этнокультурология, этнолингвистика; etnocultural, ethnolinguistics, gender, gender linguistics, language, Lezgin, Russian*

*Статья раскрывает этнокультурную и лингвистическую специфику «женской» речи в русском и лезгинском языках, освещает своеобразие гендерно-обусловленной лексики в речи женщины в сопоставительном аспекте.*

*The article describes the linguistic and cultural peculiarities of the gender vocabulary. It analyses specific peculiarities of the usage of this notion in Russian and Lezgin, and highlights the gender-identity arising from the vocabulary in the woman's speech in the comparative perspective.*

Гендерные проблемы в лингвистике можно рассматривать в трех разных аспектах. Первый аспект касается таких специфических языков, в которых форма речи зависит от того, кто говорит (мужчина

---

\* **Магамедова Марина Маликовна**, кандидат филологических наук, Дагестанский государственный педагогический университет, г. Махачкала

или женщина), к кому обращаются (к женщине или мужчине) или учитывают оба этих фактора одновременно. Второй связан с отражением концепта пола в системе языка. Третий затрагивает вариативность гендерного поведения и объяснение возможных причин выявленных различий [6].

Раскрытие гендерно-детерминированной специфики женской речи является одним из важных направлений гендерных исследований в лингвистике.

«Женская» лексика как русского, так и лезгинского языков, в первую очередь, характеризуется т.н. «общими особенностями» женской речи вообще. К ним относятся следующие:

1) Женская лексика более консервативна, в речи женщин чаще, чем в мужской, встречаются устаревшие слова и обороты. С другой стороны, в женской лексике чаще, чем в мужской, встречается употребление «модных» слов, заимствований из других языков.

2) Женская речь более вежлива, женщины больше склонны к употреблению эвфемизмов, в женской речи встречается меньше элементов вульгарной лексики: сленга, жаргонизмов, бранных выражений.

3) Для женской лексики в большей степени характерно употребление оценочных слов и выражений. В лексиконе женщин больше слов, описывающих чувства и эмоции, слов с уменьшительно-ласкательным значением. Для женщин характерно более частое употребление междометий, метафор, сравнений, эпитетов.

4) Женская лексика отличается большим спектром цветообозначений, что связывается с различиями в сфере социальной занятости, а также с различиями в устройстве перцептивного аппарата мужчин и женщин. У женщины цветовой спектр шире, употребляется

больше обозначений экзотических названий цвета: *муар, лазорь, ак-вамарин* [5].

Наблюдения над лексическим материалом русского и лезгинского языков подтверждают наличие перечисленных свойств женской речи в сравниваемых языках. Однако, следует отметить, что кроме этих общих особенностей, каждый из сопоставляемых языков обладает своими специфическими особенностями.

Анализ понятий, называющих женщину и характеризующих ее в сопоставляемых языках, позволил выделить несколько групп слов:

1. Лексические единицы (далее – ЛЕ), обозначающие женщин по роду деятельности, по социальному положению и характеризующие их профессиональные качества. Сразу отметим, что в лезгинском языке слов, обозначающих по профессии или по социальному положению исключительно женщин, немного:

*хьракбан* – женщина, выпекающая хлеб;

*фалчи* – предсказательница, гадалка;

*мамачи* – повивальная бабка;

*ханум* – 1) госпожа; 2) белоручка, неженка

и некоторые другие.

Многие слова лезгинского языка, называющие женщин по профессиональной деятельности, употребляются и в отношении мужчин и подразумевают, прежде всего, мужчин:

*муалим* – учитель, учительница;

*духтур* – доктор, врач и др.

В русском языке количество слов, номинирующих женщин по профессии, намного больше, чем в лезгинском языке:

*манекенщица, белошвейка, дизайнер, визажист, дама, леди, домохозяйка, барышня, принцесса* и др.

Однако и здесь наблюдается явное превалирование «мужской» лексики, т.е. слов, номинирующих мужчин. Многие имена существительные, обозначающие традиционно женские профессии, гендерно не маркированы, т.е. употребляются в мужском роде, хотя, в основном, обозначают женские специальности:

*фотомодель, топ-модель, визажист* и др.

2) ЛЕ, дающие нравственную характеристику, оценивающие нравственные качества:

– лезгинский язык (далее ЛЯ):

*кабач* – 1) комолый безрогий козёл, 2) перен. козочка (в отношении женщины);

*кафтар* – 1) гиена, 2) старая, дряхлая;

*кафтар (кафт1ар) къари* – 1) дряхлая старуха, 2) баба-яга;

– русский язык (далее РЯ):

*чаровница, женственная, мегера, хищница, бестолочь, истеричка, изменница, наркоманка, алкоголичка, паучиха, фифа, стерва* и др.

3) ЛЕ, номинирующие женщин по внешности, по возрасту:

– ЛЯ:

*къешенг* – изящная;

*назик* – нежная;

*милаим* – милая;

*руш* – девушка, девочка;

*лаб* – женщина, жена;

*къари* – старуха, свекровь;

*гьуьруь* – гурия; *т1авус: т1авус къуш* – павлин, яркая, самодовольная;

– РЯ:

*женщина, девушка, красавица, богиня, русалка* и др.

4) ЛЕ, обозначающие женщин по семейному статусу:

– ЛЯ:

*диде* – мать, бабушка;

*бах* – мать,

*вах* – сестра;

*эме* – тетя, сестра отца;

*хала* – тетя, сестра матери,

*свас* – невеста, невестка;

*балдуз* – золовка;

*хендеда* – вдова;

*лишанлу* – помолвленная и др.;

– РЯ:

*мать, бабушка, тетя, свояченица, кума*, и др.

Статистический анализ лексики, номинирующей женщину в сопоставляемых языках, позволил сделать следующие выводы:

1. И в лезгинском, и в русском языках имеют место явные гендерные асимметрии, т.е. слов, раскрывающих понятие «мужчина», гораздо больше, чем слов, раскрывающих понятие «женщина».

2. И в лезгинском, и в русском языках среди лексических единиц, обозначающих женщин, наблюдается явное преобладание слов с положительной и нейтральной эмоциональной оценкой. Причем, соотношение это в сопоставляемых языках примерно одинаково. Так, в лезгинском языке положительно коннотированные лексические единицы составляют 75% от общего количества слов, обозначающих женщин, против 25% слов с отрицательной эмоциональной

оценкой. В русском языке эти показатели составляют примерно 77,1% и 22,8% соответственно.

Особенностью женской речи является более частое употребление лексических единиц, описывающих традиционно «женские» фрагменты окружающей действительности – ведение домашнего хозяйства, уход за детьми, понятия из области моды и косметологии и др.

В лезгинском языке подобные различия в лексиконе мужчин и женщин более четко определяются и более последовательны. Как было отмечено, наличие в современном лезгинском языке подобной лексической дифференциации, на наш взгляд, объясняется сохранением традиционного патриархального уклада жизни и распределения социальных ролей у лезгин, особенно в горных районах.

Слова лезгинского языка, составляющие активный лексический запас женщины и мало употребляемые мужчинами, образуют ряд тематических групп:

1. Выделяются так называемые женские «детские» слова, т.е. слова, которые мать использует при общении с только начинающим говорить ребенком:

*баабазь* – 'байбай';

*буф* – 'хлеб',

*буьуь* – что-нибудь дурное, плохое;

*дуду* – обозначение живности;

*убазь* – 'улица', 'двор';

*убазьдиз ша* – 'пошли гулять';

*тертер* – 'пешком';

*зизи* – 'хороший';

*бит1* – 'немножко', 'чуть-чуть'.

Поскольку именно мать или женщины в доме занимаются ребенком, общаются с ним с самого рождения, именно для их речи подобные слова наиболее характерны. Интересно, что и в русском языке детские слова (*бука, бяка, цыпка, байбай*) чаще встречаются в женской речи.

2. Специфические бытовые условия жизни лезгинской женщины накладывают определенные особенности на формирование гендерной лексики, называющей предметы одежды:

*бат1ан* – повязка для удержания на голове чохты;

*безек* – 'украшение', 'наряд';

*бузьме* – складки одежды, гофрировка;

*гин* – 'передний подол платья';

*дуьгуьр* – уст. покрывало невесты (из шелка);

*келегъа (буьшме)* – тонкий шелковый головной платок;

*кемер, камари* – женский пояс с украшениями;

*назнази* – женский головной платок из тонкого шелка;

*фите* – женский головной убор треугольной формы, в основном из простой материи;

*шуткьу* – 'чохту, женский головной убор'.

В русском языке также можно выделить названия предметов женской одежды, практически не употребляемые мужчинами, за исключением тех из них, кто занимается ими в силу профессии (*кютюрье* и т.д.): *шазюбль, тренкот, кардиган* и др.

3. К специфической женской лексике относятся и названия предметов и понятий, связанных с рукоделием: ковроткачеством, вязанием, вышиванием, шитьем – неперенными атрибутами жизни женщин-лезгинок. Это слова, обозначающие различные приспособ-

ления для работы, названия различных видов ткани, пряжи, узоров на коврах и др.:

*абияр* – голубая пряжа;

*акъван* – спица;

*батист* – батист;

*бахи* – строчка, шов;

*гилебатун* – позолоченные шелковые нитки;

*дере* – тафта (род шелковой материи);

*жегьреяр* (*жегьре*) – алая пряжа;

*билбил жегьре* – розовая пряжа;

*зарлу хара* – шелковая материя с золотыми узорами;

*индигъа* – темно-синий цвет (ковровой ткани);

*кашаб* – стежки, наметки;

*кашаб ягъун* – метать, сметывать;

*кваг* – 1) петля на лаптях, 2) ткацкий уток;

*кишмир* – кашемир;

*киткин* – моток ниток;

*къацар* – зеленая пряжа;

*хъипер* – желтая пряжа;

*рушун* – делать основу для тканья;

*гам рушун* – делать основу для ковра;

*хара* – парча, муар;

*хун* – бязь;

*хъипер* – желтая пряжа;

*цвал* – стежок, шов.

4. Особенностью женской речи является и более частое употребление названий предметов и понятий, связанных с домашним

обиходом, приготовлением пищи. В эту достаточно большую группу входят такие единицы, как:

*базламач* – круглый тонкий хлебец из кислого теста;  
*булама, т1ан* – молозиво;  
*гъаргъалаг* – металлический скребок (для очистки квашни от теста);  
*гъвар* – закваска для теста;  
*къаб-къажах* – посуда;  
*къазмах* – корка (например, на кислом молоке);  
*къатай фу* – пышный хлеб, хлеб, испеченный из заквашенного теста;  
*т1или фу* – хлеб, испеченный из пресного теста;  
*къатух* – простокваша;  
*къувунун* – подниматься, набухать;  
*тини къувуннава* – тесто поднялось;  
*к1ар* – скалка;  
*к1ач1-к1ач1 (кушк1вал)* – комок теста;  
*к1ач1-к1ач1 хап1а* – затируха;  
*тини* – тесто;  
*тиниџ к1валак1* – тесто, приготовленное для раскатки;  
*нек1егъан* – маслобойка;  
*саф* – сито, решето;  
*сач* – саж, металлический диск для выпекания хлеба;  
*сузьме* – процеженное кислое молоко;  
*т1анур* – тендир, печь для выпекания хлеба;  
*т1унут1* – маленькая лепешка, хлебец;  
*фирчин* – круглая плоская дощечка, на которой раскатывают хлеб и сажают в печь;  
*химир* – 1) закваска для теста, 2) заквашенное тесто;  
*химир атанва* – тесто поднялось;

*химирган* – посуда, в которой хранится закваска;

*хьар* – печь для приготовления хлеба;

*къуба* – наперсток;

*гьеш* – горшочек (подвешиваемый под люльку для скопления мочи);

*тангар* – матерчатые ремни (используются для пеленания детей в колыбели);

*хекендаз* – совок;

*лил* – 1) ил, 2) синька;

*лилдал везьин* – синить, подсинивать белье;

*гуьндуюз* – большая игла (круглая или трехгранная) и др.

5. Отдельную группу представляют различного рода обращения женщин друг к другу в лезгинском языке:

*яруш* - обращение женщины к ровеснице или младшей по возрасту; *чама* - милочка, обращение к сверстнице; *кьейди* - (букв. умершая) обращение к женщине или девушке; *ханум* - госпожа, обращение к женщине и др.

Различия в употреблении обращений мужчинами и женщинами имеет свои особенности и в русском языке. Так, если в мужской речи отмечается большее разнообразие обращений (таких как *мамаша*, *папаша*, *братан*), для женской речи характерно употребление уменьшительно-ласкательных слов: *милочка*, *зайка*, *деточка*, *голубушка*, *лапонька* и др.

6. Отдельную группу образуют междометия, свойственные женской речи:

*дуду!* – цып-цып (возглас, которым созывают кур и другую домашнюю птицу);

*дезь!* – удивление;

*киш* – крик, которым прогоняют кур;

*ву-у! вуя!* – удивление в речи женщин и др.

Следует отметить, что большое количество междометий, в отличие от мужской речи, – отличительная особенность женской речи вообще, а не только речи женщин-лезгинок. Эмоциональность является одним из общепризнанных свойств женской речи. Интересно, что в русском языке, как отмечают исследователи, женская речь отличается также более частым, нежели у мужчин, употреблением так называемых процессивов, т.е. элементарных сигналов внимания, таких как: *ага, угу, так, да* [1].

Как можно заметить, в целом элементы языковых различий в зависимости от пола говорящих наблюдаются в обоих сопоставляемых языках. Так, женщины в своей речи широко используют такие просодические средства, как придыхание, лабиализация, назализация и др. (*Он та-акой симпатичный!*). Эти средства обычно передают различные оттенки эмоционального состояния, отношения к рассказываемому. Мужчины чаще прибегают к лексико-грамматическим средствам. В современном русском обществе мужчины и женщины по-разному приветствуют друг друга, по-разному обращаются друг к другу. Иногда различия в использовании тех или иных слов более глубоки и, по-видимому, отражают традиционную разницу в общественном положении мужчины и женщины. Например, слова *вдова* и *вдовец* имеют разные возможности употребления: можно сказать «*Это вдова Петра Николаевича*», но нельзя – «*Это вдовец Ольги Ивановны*». Однако в большинстве случаев различия между «мужской» и «женской» речью носят, скорее, количественный, чем качественный характер: таких-то элементов в речи мужчин больше, чем в речи женщин, и наоборот.

В лезгинском языке различия носят, на наш взгляд, скорее, качественный характер, т.е. употребление некоторых единиц (привет-

ствий, пожеланий, формул речи) регламентируется полом говорящего, что обусловлено, на наш взгляд, традиционными гендерными отношениями в обществе и специфическими условиями быта лезгин.

#### СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

[1] – Беляева А.Ю. Речь и речевое поведение мужчин и женщин // <http://www.hclub.cluster.sgu.ru/lingvistic/14.html> (Дата обращения 10.10.2009)

[2] – Горошко Е.И. Гендерные исследования в языкознании (к проблеме становления метода) // <http://www.genderstudies.info/lingvo/lingvo1/php> (Дата обращения 11.10.2009)

[3] – Гюльмагомедов А.Г. Гендерная лингвистика, или лингвистическая гендерология (К проблеме исследования на материале дагестанских языков) // Языкознание в Дагестане. – № 7. – Махачкала, 2004. – С. 5-16.

[4] – Кирилина А.В. Гендер: лингвистические аспекты. – М., 1999.

[5] – Перехвальская Е. Гендер и грамматика // Материалы международной научной конференции «Язык – гендер – традиция», 25-27 апреля 2002.

[6] – Потапов В.В. Многоуровневая стратегия в лингвистической гендерологии // Вопросы языкознания – № 1. – М., 2002. – С. 103-130.

УДК 81'271:2

ББК 81.001.2

**Ю.Л. Сапожникова\***

## **РЕЛИГИЯ ХОЗЯЕВ VS ВЕРА РАБОВ В «СЛУЧАЯХ ИЗ ЖИЗНИ ДЕВУШКИ-РАБЫНИ...» ГАРРИЕТ ДЖЕЙКОБС**

Ключевые слова: афро-американская литература, вера, Гарриет Джейкобс, рабство, религия, «Случаи из жизни девушки-рабыни, написанные ей самой»; African American literature, faith, «Incidents in the Life of a Slave Girl Written by Herself», H. Jacobs, religion, slavery

Статья посвящена анализу «Случаев из жизни девушки-рабыни, написанных ей самой» Гарриет Джейкобс. Автор этого произведения показывает, что рабство превращает религию белых хозяев в насмешку и фарс, ведь нельзя сочетать следование христианским заветам и жестокую практику обращения с рабами; а для рабов истинная вера становится единственным утешением в их тяжелой жизни.

---

\* Сапожникова Юлия Львовна, кандидат филологических наук, Смоленский государственный университет

*The article is dedicated to the analysis of «Incidents in the Life of a Slave Girl Written by Herself» by H. Jacobs. The author shows that slavery turns religion of the white masters into a mockery and farce, as it's impossible to combine the adherence to the Christian commandments with the cruel treatment of slaves; but for slaves the genuine faith becomes the only solace in their hard life.*

Первыми произведениями, которые заложили основу афроамериканской литературы, стали повествования рабов. Это автобиографические повествования, рассказанные белым переписчикам-редакторам или написанные самими беглыми или освобожденными рабами [4].

Чаще всего авторами подобного рода повествований становились мужчины, но существует небольшое количество произведений этого жанра, написанных женщинами. К ним относятся «Случаи из жизни девушки-рабыни, написанные ей самой» Гарриет Джейкобс, практически неисследованные в нашей стране (хотя в США это произведение относят к эталонам жанра наряду с «Нарративом...» Ф. Дугласа).

Как и любой другой вид автобиографии, повествования рабов были построены в соответствии с определенными правилами. Некоторые элементы стали, по мнению многих исследователей, постоянной и неотъемлемой частью произведений этого жанра [1]. Одним из таких элементов было описание хозяина-«христианина» с утверждением, что такой хозяин намного хуже, чем кто-то, кто открыто не заявляет о своей религии [2].

Гарриет Джейкобс в своем произведении рисует целую галерею таких хозяев, объявляющих себя истинными христианами, но нарушающих все заповеди божественные и человеческие. Один из таких приверженцев христианства запрещал своим рабам воровать у себя,

но, если им удавалось что-то украсть у соседей и остаться незамеченными, это не считалось преступлением.

On his own plantation, he required very strict obedience to the eighth commandment. But depredations on the neighbors were allowable, provided the culprit managed to evade detection <...> [3, с. 55].

Хозяева могли спокойно наблюдать, как рабов подвергают жесточайшему телесному наказанию.

<...> her nerves were so strong, that she could sit in her easy chair and see a woman whipped, till the blood trickled from every stroke of the lash. She was a member of the church; but partaking of the Lord's supper did not seem to put her in a Christian frame of mind [3, с. 18].

Они радовались тому, что рабы, по их мнению, получают по заслугам, когда их терзают собаки, и жалеют, что те их не убили:

*Sally told her the reason Benny was lame was that a dog had bitten him. «I'm glad of it», replied she. «I wish he had killed him. It would be good news to send to his mother. Her day will come. The dogs will grab her yet». With these **Christian words** (курсив мой – Ю.С.) she and her husband departed <...> [3, с. 137]*

Самым частым грехом среди хозяев-мужчин являлось сожительство с рабынями, которые рожали им внебрачных детей. При этом такое положение вещей считалось нормой, белые отцы не стыдились этого, а лишь не хотели, чтобы кто-то узнал в их рабах их собственных детей.

I once saw a letter from a member of Congress to a slave, who was the mother of six of his children. He wrote to request that she would send her children away <...> The existence of the

colored children did not trouble this gentleman, it was only the fear that friends might recognize in their features a resemblance to him [3, с. 156].

Но среди этих грешников встречались личности, которые превосходили других в жестокости и зверствах и вообще не знали жалости. Они сами убивали и мучили рабов, считаясь при этом христианами.

This same master shot a woman through the head, who had run away and been brought back to him. No one called him to account for it. If a slave resisted being whipped, the bloodhounds were unpacked, and set upon him, to tear his flesh from his bones. The master who did these things was highly educated, and styled a perfect gentleman. He also boasted the name and standing of a Christian <...> [3, с. 58]

Некоторые женщины-рабовладелицы тоже превращались в чудовищ, радуясь страданиям своих рабов.

I once saw a young slave girl dying soon after the birth of a child nearly white. ...Her mistress stood by, and mocked at her... «You suffer, do you?» she exclaimed. «I am glad of it. You deserve it all, and more too» [3, с. 156].

Главная героиня «Случаев из жизни...», Линда Brent, которой Гарриет Джейкобс не решается дать собственное имя из-за боязни публичности, знает о таких «христианах» не понаслышке. Ее собственный хозяин, доктор Флинт, был отцом, по крайней мере, 11 детей от матерей-рабынь. Он пытался превратить и ее в свою наложницу: задабривал обещанием подарков, следил за каждым шагом, шептал непристойности; когда она продолжала сопротивление, грозил наказанием и смертью. Когда девушка узнала, что хозяин стал членом епископальной церкви, она обрадовалась, надеясь, что вера очистит его душу от скверны, но ее ситуация только ухудшилась.

When I was told that Dr. Flint had joined the Episcopal church, I was much surprised. I supposed that religion had a purifying effect on the character of men; but the worst persecutions I endured from him were after he was a communicant [3, с. 86].

Вновь обращенный доктор Флинт не только насмеялся над заветом «Не прелюбодействуй», утверждая, что, уступив его домогательствам, она не потеряет свою добродетель, но и богохульствовал.

«You can do what I require; and if you are faithful to me, you will be as virtuous as my wife», he replied.

I answered that the Bible didn't say so.

His voice became hoarse with rage. «How dare you preach to me about your infernal Bible!» [3, с. 86]

<...> this bad institution deadens the moral sense, even in white women, to a fearful extent <...> [3, с. 44]

<...> on a southern plantation <...> you will see and hear things that will seem to you impossible among human beings with immortal souls [3, с. 62].

Неудивительно, что таких «христиан» Гарриет Джейкобс называет воплощением дьявола на земле, людьми с душой Сатаны.

<...> there is no shadow of law to protect her from insult, from violence, or even from death; all these are inflicted by fiends who bear the shape of men [3, с. 34].

He also boasted the name and standing of a Christian, though Satan never had a truer follower [3, с. 58].

Her mistress stood by, and mocked at her like an incarnate fiend [3, с. 18].

Стремясь оставаться объективной, девушка признает, что были и истинные верующие, сохранявшие благочестие в мыслях и поступках, но таких были единицы, для всех остальных религия была по-

добна одеянию, которое надевали лишь по воскресеньям, а все остальное время о ней не вспоминали.

I do not say there are no humane slaveholders. Such characters do exist <...> But they are «like angels' visits – few and far between».

I knew a young lady who was one of these rare specimens. <...> The young lady was very pious, and there was some reality in her religion. <...> *Her* religion was not a garb put on for Sunday, and laid aside till Sunday returned again [3, с. 59].

Хозяевам религия была нужна для оправдания их поступков и подтверждения права иметь рабов.

They seem to satisfy their consciences with the doctrine that God created the Africans to be slaves. What a libel upon the heavenly Father, who «made of one blood all nations of men!» [3, с. 53]

Религия рабовладельцев способствовала сдерживанию человеческой природы и направлению людей на путь истинный, поэтому хозяева и решили обращать рабов в христианство.

<...> it would be well to give the slaves enough of religious instruction to keep them from murdering their masters [3, с. 79].

Мысли о душе рабов их при этом не беспокоили, ведь у рабов были свои церкви в лесу, где они молились и пели гимны, но там белые хозяева не могли их контролировать, поэтому эти церкви были запрещены и уничтожены.

The slaves begged the privilege of again meeting at their little church in the woods <...> It was built by the colored people, and they had no higher happiness than to meet there and sing hymns together, and pour out their hearts in spontaneous

prayer. Their request was denied, and the church was demolished [3, с. 78].

Вместо этого им разрешили присутствовать в церкви вместе с белыми, но сидеть на специальных местах и причащаться лишь после своих хозяев, несмотря на завет Христа, что все люди – братья.

They were permitted to attend the white churches, a certain portion of the galleries being appropriated to their use. There, when every body else had partaken of the communion, and the benediction had been pronounced, the minister said, «Come down, now, my colored friends». They obeyed the summons, and partook of the bread and wine, in commemoration of the meek and lowly Jesus, who said, «God is your Father, and all ye are brethren» [там же].

Затем было решено, что для рабов лучше проводить отдельные службы, ведь в этом случае проповеди составлялись специально для них, что предполагало выбор «нужных» отрывков из Библии. Священники говорили о том, что они должны подчиняться хозяевам, что они – бунтующие грешники с сердцами полными зла, за что Бог их непременно накажет.

The Episcopal clergyman offered to hold a separate service on Sundays for their benefit. <...> The Methodist and Baptist churches admitted them in the afternoon... His text was, «Servants, be obedient to them that are your masters...» <...> «Hearken, ye servants! <...> You are rebellious sinners. Your hearts are filled with all manner of evil. «This the devil who tempts you. God is angry with you, and will surely punish you, if you don't forsake your wicked ways». <...> «God sees you. You tell lies. God hears you. <...> O, the depravity of your hearts!»

[3, с. 79, 80]

При этом очевидно, что тексты подбирались с целью внушить рабам мысль о правомерности существования данной системы, о необходимости подчинения. При этом священники «забывали», что в Библии, наряду с этими текстами, существуют и другие, призывающие отпустить пленных на свободу или, к примеру, относиться к другим так, как ты хочешь, чтобы относились к тебе.

I said, «Will the preachers take for their text ‘Proclaim liberty to the captive, and the opening of prison doors to them that are bound’? or will they preach from the text, ‘Do unto others as ye would they should do unto you’?» [3, с. 216]

Лицемерие проповедников сводилось не только к этому, главное, они не относились к рабам как к пастве, нуждавшейся в совете и утешении, но как к тяжелому бременю, поэтому старались всячески облегчить собственные неудобства. Так, один из священников «пригласил» темнокожих приходить к нему на кухню, где он и собирался читать им проповеди, чтобы не нужно было выходить из дома.

<...> Mr. Pike informed us that he found it very inconvenient to meet at the friend's house, and he should be glad to see us, every Sunday evening, at his own kitchen [3, с. 80].

У методистов лидером собрания был городской констебль, который продавал и покупал рабов, порол их и при этом за 50 центов был готов выполнить эту христианскую миссию. На одном из собраний после рассказа безутешной матери, у которой отняли всех детей, он едва сдерживался от смеха и веселья.

I attended a Methodist class meeting. <...> The class leader was the town constable – a man who bought and sold slaves, who whipped his brethren and sisters of the church at

the public whipping post, in jail or out of jail. He was ready to perform that Christian office any where for fifty cents. <...> She (the stricken (bereaved) woman) sat down, quivering in every limb. I saw that constable class leader become crimson in the face with suppressed laughter, while he held up his handkerchief, that those who were weeping for the poor woman's calamity might not see his merriment [3, с. 81].

Неудивительно, что у рабов создается впечатление, что эти богословы либо лицемерны, либо слепы. Но слепота их сознательна, ведь, если бы им действительно не была безразлична судьба бедных и обездоленных, они не смогли бы остаться слепы к их участи.

Are doctors of divinity blind, or are they hypocrites? I suppose some are the one, and some the other; but I think if they felt the interest in the poor and the lowly, that they ought to feel, they would not be so *easily* blinded [3, с. 85].

Доказательством тому был один священник, который относился к рабам как к людям, он долго работал над своими проповедями, чтобы они были понятны им, он учил их, что Бог судит людей не по цвету кожи, а по делам их. Его жена научила нескольких рабов читать и писать. Но подобное отношение к рабам не понравилось рабовладельцам, и, если бы он сам не уехал из этих мест из-за смерти жены, они выжили бы его оттуда.

<...> His wife taught them to read and write, and to be useful to her and themselves. <...> it was the first time they had ever been addressed as human beings. <...> He honestly confessed that he bestowed more pains upon those sermons than upon any others; for the slaves were reared in such ignorance that it was a difficult task to adapt himself to their comprehen-

sion. <...> he addressed the colored people. «My friends», said he, «<...> Try to live according to the word of God, my friends. Your skin is darker than mine; but God judges men by their hearts, not by the color of their skins». This was strange doctrine from a southern pulpit. It was very offensive to slaveholders. They said he and his wife had made fools of their slaves, and that he preached like a fool to the negroes [3, с. 82, 83].

Но такое служение Богу могло зажечь истинную веру и в прихожанах. Кроме того, сама жизнь рабов подталкивала их к вере. Мы можем увидеть это на примере главной героини, Линды Брент. В детстве она потеряла отца и мать, а также добрую хозяйку, поэтому взбунтовалась против Бога.

My heart rebelled against God, who had taken from me mother, father, mistress, and friend [3, с. 16].

Ее дядя Бенджамен пытался бежать, его схватили и, когда его мать спросила, думал ли он во время побега о Боге, он ответил отрицательно, сказав, что все его мысли были лишь о том, как бы скрыться от преследователей.

<...> She asked if he did not also think of God. I fancied I saw his face grow fierce in the moonlight. He answered, «No, I did not think of him. When a man is hunted like a wild beast he forgets there is a God, a heaven. He forgets every thing in his struggle to get beyond the reach of the bloodhounds» [3, с. 28].

Не желая обидеть мать, Бенджамен сказал, что у него нет материнской способности все терпеливо сносить, относиться ко всему, как к должному. Она же ответила, что в молодости была такой же, как и он, но, после того как на ее долю выпали тяжкие испытания, она научилась находить утешение в Боге.

I wish I had some of your goodness. You bear every thing patiently, just as though you thought it was all right. <...> She told him she had not always been so; once, she was like him; but when sore troubles came upon her, and she had no arm to lean upon, she learned to call on God, and he lightened her burdens [3, с. 29].

Таким образом, становится понятным источник веры рабов: они стонут под тяжким грузом горя и бед, и, т.к. помощи им ждать неоткуда, они обращаются к Богу как к утешителю в горе и спасителю в тяжелой ситуации. В отличие от Бога священников, этого грозного карающего судьи, они видят его как милосердного и всепрощающего Спасителя. Именно таким предстает их Бог, Бог беспомощных.

She had always been strong to bear, and now, as ever, religious faith supported her [3, с. 162].

<...> the God of the helpless <...> [3, с. 211].

Her dying daughter called her, feebly, and as she bent over her, I heard her say, «Don't grieve so, mother; God knows all about it; and he will have mercy upon me» [3, с. 20].

I replied, «God alone knows how I have suffered; and He, I trust, will forgive me...» [3, с. 177].

<...> I thought God was a compassionate Father, who would forgive my sins for the sake of my sufferings [3, с. 136].

Кроме того, вера объединяет всех членов общины. Когда они расппевают свои религиозные гимны, они кажутся счастливыми и как будто свободными, ведь это способ поделиться своим горем и взять на себя часть ноши другого.

They never seem so happy as when shouting and singing at religious meetings. Many of them are sincere, and nearer to

the gate of heaven than <...> long-faced Christians<...> [3, с. 80].

The slaves generally compose their own songs and hymns <...> [3, с. 81].

The congregation struck up a hymn, and sung as though they were as free as the birds <...>. Precious are such moments to the poor slaves. If you were to hear them at such times, you might think they were happy [3, с. 82].

Истинно верующие рабы идут с Богом каждый день своей жизни:

– они молятся перед каждым ответственным шагом:

I prayed that God would not forsake me in this hour of utmost need! <...> I dropped on my knees, and breathed a short prayer to God for guidance and protection [3, с. 108].

– они учат своих детей молиться и верить:

I told her (daughter) to say her prayers, and remember always to pray for her poor mother, and that God would permit us to meet again [3, с. 154].

– в тяжелые минуты поддерживают веру в других членах своей общины:

Poor old Aggie clapped her hands for joy. «Is *dat* what you's crying fur? <...> Git down on your knees and bress de Lord! <...> Don't murmur at de Lord's doings, but git down on your knees and tank him for his goodness» [3, с. 148].

Ради своей веры они готовы вытерпеть любые страдания. Полагая, что умение читать Библию приблизит его к Богу, научит его праведной жизни, старый раб Фред решил научиться читать, хотя это было противозаконно, и рабы за это подвергались порке и заключению в тюрьму.

I knew an old black man, whose piety and childlike trust in God were beautiful to witness. <...> He thought he should know how to serve God better if he could only read the Bible. <...> I asked him if he didn't know it was contrary to law; and that slaves were whipped and imprisoned for teaching each other to read.

«Honey, it 'pears when I can read dis good book I shall be nearer to God. <...> I only wants to read dis book, dat I may know haw to live; den I hab no fear 'bout dying» [3, с. 83, 84].

Даже если такие истинно верующие не ходят в церковь, они не изменяют своей вере, ведь Бог живет в их сердце.

My age and feeble health deprive me of going to church now; but God is with me here at home [3, с. 213].

В то же время для белых хозяев главным становится видимость веры, показная приверженность библейским заветам. Одна из хозяек запретила своей рабыне посидеть с больной матерью, которая была ее собственной кормилицей, но, узнав, что другие белые леди проявили к ней внимание, также решила продемонстрировать христианское милосердие.

Aunt Nancy one night asked permission to watch with her sick mother, and Mrs. Flint replied, «I don't see any need of your going. I can't spare you». But when she found other ladies in the neighborhood were so attentive, ***not wishing to be outdone in Christian charity*** (курсив мой – Ю.С.), she also sallied forth, in magnificent condescension, and stood by the bedside of her who had loved her in her infancy, and who had been repaid by such grievous wrongs [3, с. 136-137].

Хозяин Линды, доктор Флинт, всячески принуждал ее к сексуальному рабству, но при этом считался верным членом церкви, т.к. ему прекрасно удавалось создавать видимость приличий.

<...> he did not wish to have his villany made public. <...> the doctor, as a professional man, deemed it prudent to keep up some outward show of decency [3, с. 36].

<...> he deemed it necessary to save appearances in some degree. <...> he had planned it so that he should evade suspicion [3, с. 40].

Всё это вместе: пренебрежительное отношение священников к цветным, обращение самых жестоких рабовладельцев в веру и их последующие зверства несмотря ни на что, процветание торговли рабами среди якобы верующих людей, – превращало церковную службу на Юге в насмешку и притворство и не внушало никакого доверия у рабов к официальной церкви.

The contemptuous manner in which the communion had been administered to colored people, in my native place; the church membership of Dr. Flint, and others like him; and the buying and selling of slaves, by professed ministers of the gospel, had given me a prejudice against the Episcopal church. ***The whole service seemed to me a mockery and a sham*** (курсив мой – Ю.С.) [3, с. 40].

Но при этом автор не пытается обобщать и говорить об отсутствии веры у всех белых. Например, на Севере ее героиню, Линду, встретил священник, который отнесся к ней по-доброму, предоставил убежище и помог.

<...> the captain introduced me to the colored man, as the Rev. Jeremiah Durham, minister of Bethel church. He took me

by the hand, as if I had been an old friend. <...> He invited me to go home with him, assuring me that his wife would give me a cordial welcome <...> [3, с. 176].

В Англии девушка жила в семье священника, который простой своей повседневной жизни убедил ее в искренности своей веры и вселил в ее душу истинную благодать и смирение.

My visit to England is a memorable event in my life, from the fact of my having there received strong religious impressions. <...> my home in Steventon was in the family of a clergyman, who was a true disciple of Jesus. The beauty of his daily life inspired me with faith in the genuineness of Christian professions. Grace entered my heart, and I knelt at the communion table, I trust, in true humility of soul [3, с. 202].

Таким образом, по мнению Гарриет Джейкобс, религия превращается в притворство только на Юге, т.к. там она служит рабовладельческой системе, там царство земное, которое тоже должно подчиняться божественным законам, управляется белыми хозяевами, поэтому в этом царстве для рабов нет надежды на справедливость и милосердие. И лишь царство небесное у них никто, даже хозяин, отнять не может.

Поэтому в случае испытаний они ищут утешения в мыслях о нем:

«Let us be thankful that some time or other we shall go  
«where the wicked cease from troubling, and the weary are at rest» [3, с. 145];

поэтому даже в песнях прослеживается эта идея:

«No wonder the slaves sing,  
Ole Satan's church is here below;  
Up to God's free church I hope to go» [3, с. 86].

Таким образом, Гарриет Джейкобс показывает, что рабство превращает религию белых хозяев в насмешку и фарс, ведь нельзя сочетать следование христианским заветам и жестокую практику обращения с рабами; а для рабов истинная вера становится единственным утешением в их тяжелой жизни.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

[1] – Bell V.-W. *The Afro-American Novel and Its Tradition* – Amherst: University of Massachusetts, 1987.

[2] – *The Oxford Companion to African American Literature* (Ed-s: W.-L. Andrews, F.-S. Foster, T. Harris) [Текст]. – NY: Oxford University Press, 1997.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ:

[3] – Jacobs H. *Incidents in the Life of a Slave Girl Written by Herself*. – NY: Barnes & Noble Classics, 2005.

[4] – Olney J. «I was born»: *Slave Narratives, Their Status as Autobiography and as Literature // The Slave's Narrative* (ed. by Ch.-T. Davis, H.-L. Gates, Jr.). – Oxford; NY: Oxford University Press, 1985. – С. 148-175.

# ГРАММАТИКА

УДК 811.351.33'36

ББК 81.603.5-2

*М.О. Таурова\**

## УЧАСТИЕ ДОЛГИХ ГЛАСНЫХ В ВЫРАЖЕНИИ ПРОСТРАНСТВЕННОЙ СЕМАНТИКИ В РУТУЛЬСКОМ ЯЗЫКЕ

Ключевые слова: *глагольные превербы, долгие гласные, падежные аффиксы, пространственная ориентация; case affixes, longs sounds, spatial orientation, verbal preverbs*

*Статья посвящена исследованию семантически обусловленных случаев употребления долгих гласных в диалектах рутульского языка для выражения пространственной ориентации в разных частях речи – падежных формах имен существительных, в превербах глаголов и наречиях.*

*The article is devoted to the research of the semantically determined cases of the use of long vowels in the dialects of the Rutul language for expression of the spatial orientation in different parts of speech – in the case forms of nouns, in verbs and adverbs.*

Фонетическая система рутульского языка характеризуется наличием богатого корпуса вокализма, в котором выявляются гласные:

- обычные – **а, и, у, ы, э (е)**;
- умляутизированные – **аь, уь**;
- фарингализованные – **аI, уI, ыI**;
- долгие – **аа, уу, ыы, ээ (ее)**.

В алфавит рутульского языка долгие гласные не включены, они передаются на письме двойными графемами: *халаа* «из дома», *ригьы* «на двери», *кьулуу* «на голове».

---

\* **Таурова Мариза Оглановна**, кандидат филологических наук, Дагестанский государственный педагогический университет

Для исследуемого языка долгота-краткость гласных – признак смыслоразличительный.

Как правило, долгими бывают гласные *aa*, *уу*, *ыы*. Но наблюдаются случаи использования долгих фарингализованных гласных: *рыкъааl* «с дороги», *мукъуул* «на селе», *гъыыl* «на мосту».

Долгие гласные в рутульском языке являются звуками вторичного образования. Факты языка позволяют резюмировать, что они возникли в результате определенных фонетических изменений: как возместительная долгота в результате утери смежного согласного: *дяяlви* (*dalъви*) «война», *аагъу* (*avгъу*) «яд»; как результат выпадения интервокального согласного и слияния двух гласных: *шеер* (*шегъер*) «город» [3].

Исследовав случаи использования в рутульском языке долгих гласных, проведя анализ фактического материала пяти диалектов рутульского языка – мухадского (лежащего в основе литературного языка), шиназского, ихркекского, мюхрекского и борчинско-хновского, мы пришли к заключению, что чаще всего эти случаи связаны с выражением пространственной семантики.

Употребление долгих гласных в исследуемом языке связано со следующими грамматическими явлениями:

- 1) дифференциация падежных форм в сериях местных падежей;
- 2) разграничение глагольных превербов с семантикой нахождения в пространстве и со значением удаления от ориентира;
- 3) дифференциация наречий места с семантикой покоя и со значением удаления от ориентира.

В системе падежей рутульского языка 6 серий падежей, в составе которых по два падежа – совпадающий формально эссив / латив и аблатив. Оппозицию по долготе / краткости мы обнаруживаем

во всех шести сериях местных падежей, причем эта оппозиция отражена и в падежных вопросах.

### I серия

Инэссив / инлатив, инаблатив: серия со значением нахождения в чем-либо, направления во что-либо и направления из чего-либо в значении удаления из данного положения. Эта серия характерна только для неодушевленных существительных и субстантивов. Падежные вопросы: *гыли?* (в чем? во что?) – *гыл'аа?* (из чего?)

Исходный падеж I серии, имеющий значение удаления из чего-либо, образуется посредством аффиксов, представляющих собою долгие гласные – *-аа (-ааI)*, *-яя*. Формант *-аа* оформляет инаблатив некоторых существительных и всех других склоняемых частей речи единственного числа: *дам-аа* «из леса», *кьухьдыд-аа* «из большого», *хьудд-аа* «из пяти» и т.д. Аффикс *-ааI*, как правило, оформляет инаблатив существительных, в прямой основе которых содержится фарингализованный гласный: *муIкь* «село» – *муIкь-ааI* «из села». Аффикс *-яя* характерен для некоторых существительных с финальными согласными: *рак* «дверь» – *риг-яя* «из двери», *кьул* «голова» – *кьул-яя* «из головы» и т.д. В формах же слов *тIули-яя* «из пальца», *мири-яя* «из речки» имеет место аффикс *-аа*, следующий за вставочным элементом *-й-*: [*тIули-й-аа*], [*мири-й-аа*] и т.д. [6].

Мы полагаем, что для латива I серии в рутульском языке реконструируемой формой является форма на *-ь*: *хала* «в доме» – *\*халаь* «в дом», *багъди* «в саду» – *\*багъдиь* «в сад» и т.д. Основанием для этой гипотезы является выражение семантики этого падежа – направления внутрь чего-либо – наречием *аь* «внутри» и превербом *ьV-* (*ьашун* «наполнять что-либо», *ьыьын* «наливать во что-либо» и т.д.), содержащими в своей структуре компонент *-ь*.

## II серия

Суперэссив / суперлатив и супераблатив: серия со значением нахождения на чем-либо, движения к данному положению и направления с чего-либо в значении удаления из данного положения. Падежные вопросы: *гьалыы?* (на ком? на кого?), *гьалыыла?* (с кого?) – *гьидыы?* (на чем? на что?), *гьидыыла?* (с чего?): *деви-яя* «на верблюде, на верблюда» – *деви-яяла* «с верблюда»; *масал-ыы* «на стене, на стену» – *масал-ыыла* «со стены».

## III серия

Адэссив / адлатив, постаблатив: серия со значением нахождения объекта рядом с ориентиром, приближения объекта к ориентиру и направления от ориентира. Падежные вопросы: *гьалда?* (у кого? к кому?), *гьалдаа?* (от кого?) – *гьидиде?* (около чего? к чему?), *гьидидаа?* (от чего?): *шуд-а* «у брата, брату» – *шуд-аа* «от брата»; *хукад-а* «у дерева, к дереву» – *хукад-аа* «от дерева».

## IV серия

Постэссив / постлатив, постаблатив: серия со значением нахождения за чем-либо, движения к данному положению и направления из-за чего-либо в значении удаления из данного положения. Падежные вопросы: *гьалыхда?* (за кем? за кого?), *гьалыхълаа* (из-за кого?) – *гьидыхда?* (за чем? за что?), *гьидыхълаа?* (из-за чего?): *дидыхд-а* «за отцом, к отцу» – *дидыхъл-аа* «из-за отца, от отца»; *ригихд-а* «за дверью, за дверь» – *ригихъл-аа* «из-за двери».

## V серия

Контэссив / контлатив, контаблатив: серия со значением нахождения внутри, в соприкосновении с чем-либо, движения к данному положению и направления изнутри, из положения соприкосновения в значении удаления из данного положения. Падежные вопросы: *гьа-*

*лык'* (в соприкосновении с кем?), *гьалык'лаа* (от положения соприкосновения с кем?) – *гьидик'* (в соприкосновении с чем?), *гьидик'лаа* (от положения соприкосновения с чем?): *ниник* «в соприкосновении с матерью» – *ниникл-яя* «от положения соприкосновения с матерью» (хнов. диалект), *масалык* «в соприкосновении со стеной» – *масалыкл-яя* «от положения соприкосновения со стеной».

Совпадающие формы контэссива / контлатива содержат в финальной позиции не гласный, а палатализованный согласный звук, но в форме исходного падежа выявляется долгий гласный.

#### VI серия

Субэссив / сублатив, субаблатив: серия со значением нахождения объекта под ориентиром (без акцента на наличие или отсутствие при этом контакта объекта с ориентиром), движения объекта под ориентир и направления из-под ориентира. Падежные вопросы: *гьалыхьде?* (под кем? под кого?) – *гьалык'лаа?* (из-под кого?); *гьидихьде?* (под чем? под что?) – *гьидик'лаа?* (из-под чего?): *дзызяхьхьд-е* «под муравьем, под муравья» – *дзыдзяхьякл-аа* «из-под муравья»; *хукахьд-е* «под деревом, под дерево» – *хукакл-аа* «из-под дерева».

VI серия не имеет специального формально выраженного субаблатива, она использует в качестве субаблатива форму контаблатива V серии, приспособленную к семантике VI серии.

Приведенные выше примеры, за редким исключением, демонстрируют одну тенденцию: финальному гласному локативно-направительного падежа соответствует долгий финальный гласный исходного падежа. Эта последовательность не сохранена во II серии, где локативно-направительный падеж уже содержит в составе долгий гласный, повторяющийся затем и в исходном падеже: *кьул-уу* «на

голове, на голову» – *кьулуула* «с головы»; *гъ-ыы!* «на мосту, на мост» – *гъыыла* «с моста» и т.д.

Вообще структура наречий, выражающих семантику, аналогичную значениям местных падежей (а именно – лативов), позволяет говорить о наличии в финале аффиксов лативов компонента *-Ъ*: *аъ* «внутри», *лаъ* «наверх», *саъ* «вниз», *лаъ* «наверх», *хъуъ* «назад», *хъуъ* «вперед» и т.д.

В свете вышеизложенного возникает предположение, что и в случае с падежными аффиксами имеет место случай возмездительной долготы в результате утери смежного согласного, в роли которого реконструируется звук *-Ъ*.

Мы полагаем, что для латива I серии в рутульском языке реконструируемой формой является форма на *-Ъ*: *хала* «в доме» – *\*халаъ* «в дом», *багъди* «в саду» – *\*багъдиъ* «в сад» и т.д. Основанием для этой гипотезы является выражение семантики этого падежа – направления внутрь чего-либо – наречием *аъ* «внутри» и превербом *ЪV-* (*ъаъшун* «наполнять что-либо», *ъыъын* «наливать во что-либо» и т.д.), содержащими в своей структуре компонент *-Ъ*.

Подобное мнение высказывали лингвисты-кавказоведы: «Формант *-а / -аъ* I серии соответствует серийному показателю *-Ъ*». [1; 5]. Факты рутульского языка подтверждают эту точку зрения [4, 6].

Для латива второй серии реконструируемой формой является форма на *-въ*: *халыы* «на доме» – *\*халыъ* «на дом». Основанием для этого предположения является выражение семантики этого падежа («направление с поверхности чего-либо») наречием *лаъ* «внутри», содержащим в своей структуре компонент *-Ъ*, и превербом *LV-* (*лаъшун* «поднять наверх что-либо», *лыъын* «надевать на кого-либо» и т.д.), утратившим компонент *-Ъ*.

Для латива третьей серии реконструируемой формой является форма на -двъ: *халда* «у дома» – \**халдаъ* «к дому». Семантика этого падежа – «направления к чему-либо» – выражается наречием *мидиъ* «сюда», содержащим в своей структуре компонент -ъ, и превербом *лв-* (*лаьшун* «поднять наверх что-либо», *лыъын* «надевать на кого-либо»), утратившим компонент -ъ.

Таким образом, выстраивается система местных падежей, в которой совпадающие по форме лативы / эссивы последовательно противопоставляются аблативам долготой гласного в аффиксе:

И.п. – *хал* «дом»

Э.п. – *хал-ыра* «дом»

Р.п. – *хал-ды* «дома»

Д.п. – *хал-ыс* «дому»

Компаратив – *хал-ыхъаъ* «чем дом»

Комитатив – *хал-ыхъван* «с домом, домом»

Инэссив / инлатив – *хал-а* «в доме, в дом»

Инаблатив – *хал-аа* «из дома»

Суперэссив / суперлатив – *хал-ыы* «на доме, на дом»

Супераблатив – *хал-ыыла* «с дома»

Адэссив / адлатив – *хал-да* «у дома, к дому»

Постаблатив – *хал-даа* «от дома»

Постэссив / постлатив – *хал-ыхда* «за домом, за дом»

Постаблатив – *хал-ыхълаа* «из-за дома»

Контэссив / контлатив – *хал-ык'* «в соприкосновении с домом, по направлению в состояние соприкосновения с домом»

Контаблатив – *хал-ык'лаа* «от положения соприкосновения с домом»

Субэссив / сублатив – *халыхъ-де* «под домом, под дом»

Субаблатив – *халык-лаа* «из-под дома».

В близкородственном рутульскому цахурском языке также наличествуют долгие гласные, но мы не обнаружили в нем аналогий противопоставления по долготе гласных форм пространственных падежей в сериях. Г.Х. Ибрагимовым описан лишь единичный случай противопоставления именительного и эргативного падежей долготой гласного *е*: «гаде «мальчик» (им.п.) – гадее «мальчик» (эрг.п.)» [2].

В глагольном словообразовании в превербных глаголах долготы гласных несет в себе словообразовательные функции. Ср.: *летлес* «покрыться (льдом или чем-то другим)» – *леетлес* «снимать (с чего-либо)», *лагъус* «поднять», «ставить на что-либо» – *лаагъус* «убирать с чего-либо», «снимать кожуру», *гагъус* «подложить», «подпустить» – *гаагъус* «выпустить откуда-либо», «освободить от чего-либо», *каьчлус* «войти», «влезть», «вмещаться» – *каваьчлус* «выйти», «вылезти», «отойти от чего-либо», *хъалчлус* «цепляться» – *хъалаалчлус* «отстать от или чего-либо» и т.д. Заметим, что производные глаголы, полученные удлинением (долготой) гласного преверба, по своей семантике представляют собой антонимы исходных глаголов. Глаголы, содержащие в структуре преверба долгие гласные, имеют направительную семантику с оттенком удаления от ориентира в отличие от их пар с обычным гласным в превербе.

Долгота гласных является смыслоразличительным признаком и для наречий места. Наречия с семантикой удаления от ориентира образуются от наречий с семантикой локализации в пространстве путем удлинения гласного: *аа* «внизу» – *аала* «снизу»; *уу* «наверху» – *уула* «сверху», *хъури* «вперед» – *хъураа* «спереди» и т.д. Необходимо отметить, что в отличие от падежных аффиксов и превербов, наречия сохранили отдельные формы для выражения семантики направления к ориентиру, оформляемые маркером *-ъ*: *саъ* «вниз», *лаъ* «наверх», *хъуъ* «вперед», *тиниъ* «туда», *мидиъ* «сюда» и т.д.

Как и в случае с суперэсивом/суперлативом, имеются исключения из общего правила оформления наречий пространственной ориентации. Так, наречие *хъалаа* «сзади» с семантикой локализации в пространстве уже содержит долгий гласный, который повторяется в наречии *хъалаала* «сзади» с семантикой удаления от ориентира.

Факты, изложенные выше, позволяют нам констатировать, что употребление долгих гласных в рутульском языке семантически обусловлено: оно ограничивается, за редким исключением, рамками выражения пространственной семантики с оттенком отдаления от ориентира в разных частях речи.

#### СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

- [1] – Бокарев Е.А. К реконструкции падежной системы пралезгинского языка // Вопросы грамматики. – М.: Л., 1960. – С. 43-50.
- [2] – Ибрагимов Г.Х. Цахурский язык. – М., 1990.
- [3] – Ибрагимов Г.Х. Рутульский язык: Синхрония и диахрония. – Махачкала, 2004.
- [4] – Махмудова С.М. Морфология рутульского языка. – М., 2001.
- [5] – Сулейманов Н.Д. Сравнительно-историческое исследование диалектов агульского языка. – Махачкала, 1993.
- [6] – Таирова М.О. Морфология склонения в рутульском языке. – Махачкала, 2002.

УДК 811.133.1-36  
ББК 81.471.1-36

*Е.В. Толстолицкая\**

## **СРЕДСТВА СВЯЗНОСТИ В ТЕКСТАХ МАЛОГО ФОРМАТА ФРАНЦУЗСКИХ ПИСЬМЕННЫХ СМИ**

Ключевые слова: *контекстный объединитель, непредикативная синтагма, оператор, связность текста, текст малого формата, текстовый артикулятор; context union, non-predicate syntagma, operator, small formateted text, text articulator, text coherence.*

*Статья посвящена исследованию средств связности в текстах малого формата французской прессы. Слова, осуществляемые связь текста в письменной коммуникации, называются «операторами» или «текстовыми артикуляторами». Исследование показывает, что наиболее употребимым оператором является непредикативная синтагма «предлог + существительное» и ее расширенные варианты.*

*The article deals with the problem of text coherence in the small formatted texts of the French press. In the French written press the words representing the text coherence are named «operators» or «text articulators». The analysis testifies that non-predicate syntagma «preposition + noun» and its widened variants are commonly used as the operators.*

Текст представляет собой целостный комплекс языковых, речевых и когнитивных факторов, неразрывное единство и взаимодействие которых и определяет его смысловую сущность [3, с. 10]. Единство и взаимодействие этих факторов осуществляется в языке при помощи средств связности, которые представляют собой интересное многофункциональное языковое явление. Это так называемые коннекторы, или текстовые артикуляторы. Вопрос об их статусе, функциях и определении в языке вызывает в лингвистике многочисленные дискуссии.

Нет единого мнения в терминологии среди лингвистов и по поводу определения единиц, обеспечивающих связь отдельных компо-

---

\* Толстолицкая Евгения Владимировна, Белгородский государственный университет

нентов текста. Практически каждый исследователь выделяет свою специфику определения основных функций слов, выступающих в роли средств связности текста, и вводит свою терминологию для их обозначения. Исследователи О.Л. Каменская, В.И. Селиванов, Е.С. Кубрякова, А.А. Алексеева, А.О. Васильченко, занимающиеся изучением данного вопроса, используют для определения слов, связывающих текст, такие термины, как «коннектор», «макроконнектор», «дискурсивное слово», «текстовый артикулятор», «объединяющий компонент», «метатекстовый оператор» и др.

Например, исследователь О.Л. Каменская трактует коннектор как «совокупность элементов, с помощью которых осуществляется связь между двумя и более компонентами» [2, с. 71].

В.И. Селиванов называет эти элементы «словами и фразами, применяемыми для показа определенных связей между предыдущим и последующими предложениями, непосредственным образом отражающими процесс взаимодействия говорящего (автора) и воспринимающего (читателя)» [4, с. 82].

А.А. Алексеева определяет коннектор как слово, осуществляющее определенную логическую связь между различными компонентами высказывания для устного способа коммуникации, а оператор или текстовый артикулятор – как слово, осуществляющее определенную связь между различными компонентами высказывания для письменного способа коммуникации [1, с. 118]. Все приведенные определения являются корректными и могут использоваться в лингвистике для номинации изучаемых слов, обеспечивающих связность текстов малого формата (ТМФ) французской прессы. Так как в работе изучаются письменные тексты французских СМИ, то представляется логичным употреблять термин «оператор» или «тек-

стовый артикулятор» для характеристики языковых средств, осуществляющих связь в ТМФ.

Как показало исследование, в роли операторов на уровне газетно-публицистического ТМФ французских печатных СМИ могут выступать такие слова и выражения, как, например: *d'abord, ensuite, puis, c'est-à-dire, donc, enfin, alors, en effet, par ailleurs, autant que, ainsi que, après que, après tout, afin de, quasiment, néanmoins, pourtant* и др. Использование в ТМФ некоторых операторов можно проследить на примере краткой заметки о происшествии, взятой из французской газеты Le Monde:

*(1) Un adolescent allemand de 14 ans est soupçonné d'avoir tué une fille d'un an plus jeune que lui au cours d'une dispute au sujet d'un lecteur de musique MP3. L'adolescente avait disparu le samedi, alors qu'elle passait le week-end «...». L'adolescent a été arrêté mardi, après que d'autres jeunes se sont souvenus l'avoir vu porter un vêtement maculé de sang [Monde, № 19076, 2006, p. 7]. Слова, выступающие в роли средств связности в данном сообщении, выполняют функцию соединения и упорядочения различных фрагментов внутри ТМФ.*

Авторы ТМФ французской прессы используют как морфологические, так и синтаксические средства связности. Наиболее часто употребляемыми коннекторами и операторами, т.е. текстовыми артикуляторами, функционирующими на уровне письменного текста, в ТМФ французских печатных СМИ на морфологическом уровне являются лексемы, функции которых выполняют союзы (*et, mais, parce que* и его стилистические разновидности *puisque, à cause de, car, c'est pourquoi, vu que*), предлоги (*après, avec, dans, par, en*), наречия (*alors, enfin, donc, ainsi, peu, pourtant, néanmoins*), числительные

(*premier, second, troisième*), существительные с предлогом или клише (*par exemple, en somme, avec surpris*).

На синтаксическом уровне в роли коннекторов и операторов выступают предикативные и непредикативные синтагмы. Непредикативные синтагмы различны по составу, входящих в них компонентов. В ТМФ французских письменных СМИ они могут быть представлены сочетанием «наречие + существительное»: *peu de temps, beaucoup de temps, assez de temps, assez bien de*; «наречие + причастие»: *autrement dit*; «союз + наречие»: *et enfin, en particulier, et pourtant*; «предлог + существительное»: *par exemple, dans le cadre de, à l'occasion de, au cours de, à cause de, au sujet de, après tout, après l'annonce, autour de, en vertu de, quant à <...>* и т.п.; «числительное + существительное»: *la première, seconde fois* и т.д. Например, текст комментария к фотографии в журнале Paris Match содержит некоторые представленные выше лексемы и синтагмы:

(2) *Tzipi Livni travaille énormément et passe peu de temps chez elle. Mais elle défend néanmoins, avec vigueur son espace privé et c'est la première fois qu'elle se laisse photographier dans son intérieur* [Paris Match, № 3102, 2008, p. 94]. Операторами морфологического уровня данной заметки являются союзы *et, mais, dans*, на синтаксическом уровне – это непредикативные синтагмы *peu de temps* «наречие + существительное», *avec vigueur* «предлог + существительное», *néanmoins, avec vigueur* «наречие + предлог + существительное», *la première fois* «числительное + существительное».

Как показал анализ ТМФ французской прессы, на синтаксическом уровне наиболее продуктивной является непредикативная синтагма «предлог + существительное», в состав которой может входить определение или еще одно существительное в начальной

позиции, расширяя модель: «предлог + существительное + определение», «существительное 1 + предлог + существительное 2». Довольно часто в роли операторов на синтаксическом уровне в ТМФ французской прессы используются синтагмы «числительное + существительное», «прилагательное + существительное», «предлог + прилагательное + существительное». Что касается числительных, то они встречаются практически во всех исследуемых ТМФ французской прессы. Рассмотрим несколько примеров ТМФ:

(3) *Dans le cadre des vendanges de Montmartre, un concert exceptionnel réunit ce dimanche 12 octobre à la Cigale, et pour la première fois, la fameuse «bande des quatre». Soit Claude Lelouch, Francis Lai, Nicole Croisile et Pierre Barouh* [Paris Match, № 3099, 2008, p. 45]. В данном тексте присутствует распространенная модель «предлог + существительное»: *dans le cadre des vendanges*. Синтагма «числительное + существительное» может иметь дополнения в виде союза и предлога перед числительным, расширяя модель: *et pour la première fois* «союз + предлог + числительное + существительное».

(4) *Des centaines d'organisations, non-gouvernementales (ONG) étrangères vont peut-être devoir cesser leurs activités en Russie, en vertu d'une nouvelle loi les obligeant, ainsi que les ONG russes, à s'enregistrer auprès de l'administration* [Monde, 21.10.2006, №19203, p. 5]. В рассматриваемом тексте также встречается синтагма «предлог + существительное»: *auprès de l'administration* и модель «числительное + существительное»: *des centaines d'organisations*. Довольно часто используемая в ТМФ модель «предлог + существительное» может быть дополнена, продолжая модель «предлог + существительное + предлог + прилагательное + существительное»: *en vertu d'une nouvelle loi*. На морфологическом уровне в роли средств связности в

данном тексте выступает наречие с союзом: ainsi que и вводное слово peut-être.

(5) Juste après l'explosion, les premiers secouristes fouillent le cratère de 18 mètres de diamètre sur 8 de profondeur creusé par la bombe [Paris Match, № 3097, 2008, p. 41]. В приведенном примере наиболее употребительной синтагме «предлог + существительное» предшествует наречие, представляя модель «наречие + предлог + существительное»: juste après l'explosion. Синтагма «числительное + существительное» представлена в данном ТМФ во множественном числе: les premiers secouristes.

(6) Le dernier film de Claude Sautet fut celui de la rencontre avec Michel Serrault. L'acteur lui ressemblait physiquement et, avec son génie habituel, devint, en quelque sorte, le représentant de la vieillesse, de l'angoisse secrète du cinéaste [Le Monde, № 19203, 21.10.2006, p. 31]. Непредикативная синтагма «предлог + существительное» может быть расширена употреблением притяжательного прилагательного перед существительным и прилагательным субъектной оценки после него: avec son génie habituel «предлог + прилагательное 1 + существительное + прилагательное 2». Оператор en quelque sorte «предлог + прилагательное + существительное» выполняет роль вводного слова в тексте данной заметки, без которого содержание сообщения было бы неполным.

(7) On continue à phosphorer à l'Elysée sur le changement gouvernemental post-européen. L'idée du moment: faire ce que les Anglo-Saxons appellent «shuffle», autrement dit, changer les ministres de poste avec peu de nouveaux entrants et quasiment pas de sortants. Cela pourrait donner, selon un proche du chef de l'Etat «...» [Paris Match, № 3128, 2009, p. 94]. В приведенной заметке автор использует разго-

ворную лексику с целью придать сообщению менее официальный, несмотря на политическую тему, тон и ироничность: *phosphorer, quasiment*. Лексема *quasiment* выступает здесь и в роли оператора. Синтагма «наречие + причастие» *autrement dit* также выполняет здесь функцию вводного слова. Как показал анализ, модель синтагмы «наречие + существительное» может быть дополнена союзом и прилагательным, согласующимся с существительным во множественном числе: *avec peu de nouveaux entrants* «союз + наречие + прилагательное + существительное». В данном ТМФ встречается расширенная непредикативная синтагма «предлог + существительное + прилагательное»: *sur le changement gouvernemental, selon un proche du chef de l'Etat*.

В тексте выделяют сегменты, несущие основную информационную нагрузку в организации текста и менее информационно значимые сегменты. Сегмент – это значимый элемент, вокруг которого организована вся заложенная в тексте информация. Такие информационные сегменты в ТМФ выступают в форме ключевых слов или словосочетаний с центром семантического «напряжения». Как правило, центром семантического напряжения в ТМФ французской прессы чаще всего выступают имена собственные. Такие слова и словосочетания также являются средствами связности в ТМФ французских письменных СМИ и выступают в функции компрессивов, стягивающих вокруг себя относящееся к ним содержание.

Ключевыми словами, или контекстными объединителями называются «языковые единицы, выделенные непосредственно из текста и предназначенные для свернутого представления содержания текста» [5, с. 7]; «слова, выделяемые непосредственно из текста и предназначенные замещать сам текст в поисковом массиве» [3, 58].

Например, в первом тексте данной статьи ключевым словосочетанием является *un adolescent allemande* и его заместитель *jeune, une fille – le corps, un lecteur de musique MP3 – son MP3*. Ключевыми словами, выступающими в форме глаголов в данном сообщении, являются: *tuer, soupçonner, disparaître, retrouver*. Во втором тексте сообщения это имя собственное *Tzipi Livni*, непредикативная синтагма *la première fois*, подчеркивающая единственность действия, и глагольное сочетание *se laisser photographier*. Ключевым словосочетанием третьего ТМФ является *un concert exceptionnel* и непредикативная синтагма *la première fois*, указывающая на уникальность этого концерта. В ТМФ под номером 6 ключевыми словами-заместителями являются *Michel Serrault – acteur – le représentant de la vieillesse, de l'angoisse secrète du cinéaste*.

Как показало исследование, ключевые слова отвечают критерию наибольшей существенности, значимости данных слов в тексте, а следовательно, их доминантности. Они также выполняют роль средств связности в ТМФ французских печатных СМИ, а их отсутствие делает текст неполным, бессодержательным, «сухим». Ключевые слова ограничивают тематический ряд, выступая компонентами определенной темы, влияют на отбор языковых средств и общую организацию создаваемого текста.

В ходе анализа было выявлено, что наиболее часто употребляемыми операторами в ТМФ французских печатных СМИ на морфологическом уровне являются союзы, предлоги и наречия, на синтаксическом уровне – это непредикативная синтагма «предлог + существительное» и ее развернутые варианты: «предлог + существительное + определение»; «существительное 1 + предлог + существительное 2»; «наречие + предлог + существительное»; «предлог +

прилагательное + существительное»; «предлог + притяжательное прилагательное + существительное + прилагательное».

Наблюдение показало, что в ТМФ французской прессы также довольно широко распространено употребление непредикативной синтагмы «числительное + существительное». В процессе исследования была выявлена расширенная модель данной синтагмы «союз + предлог + числительное + существительное».

Таким образом, исследованный материал позволяет сделать вывод о том, что правильное использование текстовых артикуляторов делает изолированные предложения связанными внутри ТМФ французских письменных СМИ, логически структурируя весь текст, а ряды предложений становятся интересными для чтения. Операторы необходимы в составе ТМФ французских печатных СМИ, т.к. они дают возможность автору в случае необходимости выразить свои идеи в более мягкой и некатегоричной форме и выполняют функцию интимизации речи в тексте, что способствует наиболее быстрому установлению контакта между автором и читателем.

#### СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

[1] – Алексеева А.А. Дискурсивное слово «ENFIN» – коннектор или артикулятор? (на материале французского языка) // Вестник МГУ. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. № 3. – М., 2005. – С. 118-123.

[2] – Каменская О.Л. Текст и коммуникация. – М., 1990.

[3] – Новиков А.И. Текст и его смысловые доминанты / Под ред. Васильевой Н.В., Нестеровой Н.М., Пешковой Н.П. – М.: ИЯ РАН, 2007.

[4] – Селиванов В.И. Дискурсивно-коммуникативная рамка во французской публицистической статье: дисс. ... канд. филол. наук: 10.02.05. – М., 1994.

[5] – Крапива Ю.В. Коротка журнальна стаття як тип тексту (на матеріалі української, англійської та російської мов): автореф. дисс. ... канд. филол. наук: 10.02.15. – Харків, 2004.

# **ЛИНГВОДИДАКТИКА И МЕТОДИКА ОБУЧЕНИЯ ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ**

УДК 811.111'367:37

ББК 81. 432.1

***Х. М. Магомаева, З. Б. Темирханова***

## **СОВРЕМЕННЫЕ ТРАКТОВКИ КОНЦЕПТА ВРЕМЕНИ И ВОЗМОЖНОСТИ ИХ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ В ОБУЧЕНИИ ВЫРАЖЕНИЮ ВРЕМЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ ПРИ ИЗУЧЕНИИ КАТЕГОРИИ ВРЕМЕНИ АНГЛИЙСКОГО ГЛАГОЛА**

*Ключевые слова: английский язык, глагол, категория времени, концепт «время», языковая картина мира; concept "time", English language, language picture of the world, time category, verb.*

*Статья посвящена обзору основных трактовок концепта «время», описывает и анализирует возможности их использования в обучении выражению временных отношений при изучении категории времени английского глагола.*

*The article is devoted the review of the basic treatments концепта "time", describes and analyzes possibilities of their use in training to expression of time relations at studying of a category of time of an English verb.*

Одним из исходных моментов когнитивно-коммуникативного подхода при обучении иностранным языкам является тезис о том, что при изучении категории времени английского глагола, грамматические знания обучаемых могут быть дополнены представлениями о категории времени, развиваемыми в современных философских, естественно-научных и лингвистических концепциях.

Как известно, в сложном процессе моделирования действительности в сознании коллективного субъекта переплетаются две ее картины – концептуальная (логическая) и словесная (языковая). Кон-

цептуальная картина, то есть совокупность знаний о материи во всех ее проявлениях, является инвариантной для всех людей и не зависящей от языка, на котором люди мыслят и выражают свои мысли. Языковая картина варьирует от языка к языку [5, с. 14]. Уточнение понятия языковой картины мира в свете новой парадигмы лингвистического знания, т. е. с когнитивной точки зрения, содержится в последних работах Е.С. Кубряковой, где она выделяет в качестве основных функций языковой картины мира функции концептуализации и категоризации внутреннего и внешнего мира [9, с. 8].

Представления о времени наряду с другими знаниями составляют часть концептуальной картины мира и находят закономерное соответствие в комплексе языковых семантических категорий – таких, как темпоральность, аспектуальность, временная локализованность. «Время» как фундаментальная универсальная категория является инвариантной для всех людей и носит вненациональный характер. «Время» как совокупность разноуровневых языковых средств варьирует от языка к языку.

«Время» наряду с «пространством» входит в число главных бытийных категорий, представляя собой важнейшую из познанных человеком форм существования материи, введенную в язык, как для постижения сложнейших тайн вселенной, так и для простой ориентации человека в конкретном месте и в конкретном времени.

Все сущее в этом мире, все доступное уму человека осмысливается в координатах пространства и времени. Но если сам факт выделения этих категорий неоспорим, то представления о подлинной сути этих категорий, об их концептуальной структуре, об их чле-

нении и стратификации постоянно меняются [8, с. 81]. Это заставляет представителей почти всех фундаментальных наук – физики, философии, семиотики, психологии вновь возвращаться к описанию и определению этих категорий. Решающая роль в новом понимании мыслительных процессов и всей деятельности человека, несомненно, принадлежит лингвистам.

«Время» относится к числу довольно трудно формулируемых понятий. С одной стороны, «время» (в философском понимании этого слова) является номинацией, которая несет в плане содержания логически сконструированный концепт. В этом случае значение слова «время» равно его словарному определению: «одна из форм существования бесконечно развивающейся материи – последовательная смена ее явлений и состояний» [11, с. 10]. С другой стороны, на уровне обыденного сознания человек не устанавливает для себя значения имени «время» таким образом, как оно сформулировано в Толковом словаре: «Если меня об этом не спрашивают, я знаю, что такое Время; если бы я захотел объяснить спрашивающему – нет, не знаю» [6, с. 35]. На вопрос, что такое время, носитель русского языка, скорее всего укажет вам на часы: скоротечность времени («время летит») легко сравнить с полетом птицы; ценность времени имплицитруется фразой «Время – деньги».

Как справедливо заметил А.П. Бабушкин, за номинацией «время» стоят концепты самых разных типов: «Время – корабль, никогда не бросающий якоря» (мыслительная картинка); «Берегите время: это ткань, из которой сделана жизнь» (схема); «Время неподвижно, как берег» (фрейм); «Время скребет, роет нас, как землекоп почву, и

обнажает нашу геологию» (сценарий). Именно в этом смысле А.П. Бабушкин называет концепт «время» «калейдоскопическим». Слово «время» не имеет устойчивых, фиксированных ассоциаций. Концепт характеризуется чрезвычайной текучестью. Одновременно «время» как номинация отвлеченной семантики не является «пустой», абстрактной сущностью. Через образ человек лучше сознает сущность этой сложной категории, так как смотрит на нее через призму «предметных» реалий и действий [2, с. 148].

Отправным пунктом исследования категории времени для нас является дифференциация понятий: времени реального (физического времени, в котором протекают физические процессы), времени мыслительного (отражения объективного времени в сознании человека) и времени лингвистического (совокупности способов выражения средствами языка сущности физического и мыслительного аспектов рассматриваемой категории).

В качестве фундаментальных свойств реального времени, как правило, называются такие, как всеобщность, одномерность, необратимость, бесконечность.

Время – одномерно. Это означает, что для определения положения события на временной оси (во временном континууме) достаточно одной координаты: указания на расстояние (длительность) от заданной точки отсчета. Иначе говоря, реальное время наделяется свойствами одномерного континуума и может быть представлено в виде геометрической линии.

Время – необратимо и бесконечно: оно может развиваться лишь в одном направлении – от прошлого к будущему [12, с. 35].

Следующее свойство времени проявляется в единстве прерывности и непрерывности [1, с. 58]. Как форма существования материи, время непрерывно, так как материя вечна и бесконечна. Она не исчезает и не создается вновь. Как форма бытия бесконечного множества объектов, каждый из которых имеет свое индивидуальное время, время объективное прерывно и предстает как бесконечное множество индивидуальных времен [3, с. 65]. Одним из очевидных свойств времени является также временная упорядоченность. Упорядоченность времени означает расположение событий в определенном линейном порядке, который позволяет подразделять события на более ранние и более поздние, устанавливать отношения предшествования и следования событий по отношению друг к другу [2, с. 18].

Математическим образом, который обычно используется для адекватного отражения природы реального времени, является бесконечная числовая ось. Непрерывность этой оси отражает непрерывность реального времени, а возрастание числового ряда отражает однонаправленность времени.

О времени как о мыслительной категории правомерно говорить в двух аспектах: перцептуальном (психологическом) времени, относящемся к сфере восприятия объективного времени отдельным индивидуумом, и описания объективного времени человеком. Первое предстает в виде чувственного образа реального времени, второе - в виде абстрактного образа, отражающего присущие объективному времени фундаментальные свойства.

Наше ощущение времени, оценка длительности временных сегментов не обязательно соответствует реальному времени, которое мы измеряем при помощи часов и которое связано с порядком смены состояний реальных объектов и явлений; нередко один и тот же человек в зависимости от состояния нервной системы - возбуждения, утомления, скуки - по-разному ощущает время.

Например, если мы с нетерпением ожидаем какого-либо события и смотрим на часы, нам кажется, что они замедлили свой ход, а на самом деле наше перцептуальное время ускорилося. Напротив, если мы заняты чем-то интересным, присутствует обратный эффект.

По выражению одномерности/многомерности, необратимости/обратимости, упорядоченности/неупорядоченности, реальное и перцептуальное время образуют привативную оппозицию. Здесь реальное время выступает как маркированный член, сигнализирующий об одномерности, необратимости, упорядоченности, а перцептуальное время – как немаркированный член, который объединяет в своем значении два компонента: отрицательное значение несигнализация признаков одномерности, необратимости, упорядоченности; положительное значение сигнализация многомерности, обратимости, неупорядоченности [14, с. 79].

Механизм отражения реального времени еще недостаточно ясен, однако предполагаемые возможности связаны с признанием того, что перцептуальное и реальное время в основном соответствует друг другу; порядок смены ощущений отражает порядок смены реальных явлений (имеется в виду психически здоровый человек).

Время в концептуальном плане представляет собой «базисную, когнитивную систему, которая находит реальное существование во всех актах речи, где передается и воспринимается единое в своей основе мыслительное содержание, не зависящее от особенностей отдельных языков. Эта система реально существует и находит конкретную реализацию в каждом акте речи» [4, с. 65] и поддается темпоральной интерпретации.

На основе имеющихся представлений о времени как в обыденном, так и в теоретическом знании, концептуальное время может быть описано посредством следующих фундаментальных семантических признаков:

[± соотнесенность действия с субъективной осью ориентации];

[± соотнесенность действия с объективной осью ориентации];

[+ соотнесенность действия с длительностью];

[+ соотнесенность действия с кратностью].

Следует сразу же отметить, что первые два признака являются собственно темпоральными (квалифицирующими действие относительно временных маркеров: момента речи и/или другого момента на оси времени), тогда как два последних признака лежат в зоне пересечения полей темпоральности и аспектуальности (с одной стороны, признаки длительности и кратности действия отражают характер протекания и распределения действия во времени, а это, как известно, составляет суть понятийной категории аспектуальности; с другой стороны, рассматриваемые видовые значения определяются в терминах времени и непосредственно соотносятся со шкалой времени, в отличие от таких видовых значений, как направленность-

ненаправленность действия на достижение предела или достигну- тось-недостигнутость действием внутреннего предела, характери- зующих внутреннюю расчлененность действия и соотносящихся со шкалой времени опосредованно). А.В. Бондарко относит значения длительности и повторяемости к числу признаков, имеющих отража- тельный характер, т. е. отражающих определенные свойства реаль- ных действий [4, с. 78]. Другие видовые значения не могут интерпретироваться в терминах временной локализованное, «их можно представить как параллельные шкале времени или как нахо- дящиеся над ней и проецирующиеся на нее» [13, с. 180].

Сходные рассуждения находим во французской грамматике, где принято различать «внешнее» (*le temps explicite*) и «внутреннее» (*le temps implicite*) время действия, что отвечает понятиям глаголь- ного времени и глагольного вида [16, с. 49].

Итак, в рамках понятийной категории времени мы выделяем два типа темпоральных значений, которые обозначим условно: тем- поральность координатная и темпоральность линейная.

**Признак [+ соотнесенность действия с субъективной осью ориентации (СОО)]** является основным компонентом в семантиче- ской зоне темпоральности. Под осью ориентации понимается отра- жение в мыслительной категории времени момента объективного времени. Это веха, относительно которой познается положение яв- ления во времени. Субъективная ось ориентации – это момент осоз- нания субъектом своего положения в объективном времени. Следовательно, признак [+ соотнесенность действия с СОО] обозна- чает временную связь (отношение предшествования, одновремен- ности или следования) действия с моментом восприятия его

говорящим, т.е. моментом речи (МР) или, иначе говоря, с настоящим временем, если оно выступает как закрытая система.

Лингвистическое настоящее, как и любой период в мыслительной категории времени, может рассматриваться двояко: как открытая система, когда не противопоставляются ее границы, и она воспринимается как бы изнутри – как течение времени, как длительность; или как закрытая система, когда она как бы сворачивается до момента (момента речи), представляется в полном охвате и рассматривается как бы извне – как единый, целостный фрагмент времени.

**Признак [+ соотнесенность действия с объективной осью ориентации (ООО)]** обозначает временное отношение (предшествование, одновременность, следование) явления к любому моменту на оси времени, положение которого относительно СОО уже определено. Соотносясь с ООО, явление тем самым локализуется и относительно СОО. Например, действие может быть охарактеризовано как предшествующее СОО + одновременное ООО: «*Когда мы вернулись, он читал*»; или как следующее за СОО + предшествующее ООО: «*Он окончит школу к ее возвращению из Лондона*».

Положение объективной оси ориентации всегда известно благодаря контекстной, ситуативной или энциклопедической информации. Во временном плане настоящего объективной, осью ориентации является момент речи.

Этот признак означает снятие в мыслительной категории времени понятия момента времени как маркера, относительно которого устанавливаются отношения предшествования, одновременности, следования действия. Действие локализуется в одном из временных планов без дальнейшего уточнения его места на оси времени.

**Признак [+ соотнесенность действия с длительностью]** характеризует действие по степени его протяженности (длительности) во времени, и, с этой точки зрения, различаются ограничено-длительные (завершенные и незавершенные) и неограниченно длительные действия. Этот признак означает отвлечение в языковом отражении характера протекания действия во времени от его реальной временной протяженности. Смысл высказывания может предполагать существенность других темпорально-аспектуальных признаков и несущественность признака реальной длительности. Такова, например, ситуация обобщенного факта, в которой направленность высказывания на общую информацию о самом факте наличия/отсутствия действия исключает длительность из характеристики действия и ситуации в целом.

**Признак [+ соотнесенность действия с кратностью]** характеризует действие по количеству крат или прерывно-непрерывного распределения его во времени. Различают однократные (или единичные) и многократные (или повторяющиеся) действия. Признак [–соотнесенность действия с кратностью] обозначает нерелевантность данного признака для темпорального смысла высказывания. Таковыми являются ситуации, выражающие постоянные свойства и отношения, ментальные и эмоциональные состояния, не сочетающиеся со значениями признака кратности.

Оценка или категоризация событий осуществляется сквозь призму не отдельных признаков, а через их комбинации, которые составляют сложные концептуальные структуры, так называемые темпорально-понятийные комплексы.

Каждый комплекс представляет собой последовательное сочетание признаков координатной темпоральности с признаками линейной темпоральности.

Данные темпорально-понятийные комплексы представляют собой понятийную основу, отражающую многообразие временного варьирования событий на онтологическом и логическом уровнях.

Указанные темпоральные комплексы могут быть положены нами в основу систематизации знаний школьников о функционировании грамматических форм времени иностранного языка в сопоставлении с формами родного языка,

Универсальным языковым коррелятом понятийной категории времени (если принимать в расчет весь арсенал языковых средств, включая лексику) является функционально-семантическое поле темпоральности.

Не вызывает сомнения, что первейшим средством отражения в языке опосредованной действительности является лексика. В словах и словосочетаниях номинативного характера зафиксирован, опыт народа, познанные им явления внешнего мира [10, с. 14]. В русском и английском языках к лексической темпоральности относятся наречия времени, существительные с временным значением, предлоги и союзы. Будучи предельно пестрыми в формальном плане, эти слова оказываются достаточно однородными с семантической точки зрения. По мнению Р.А. Жалейко, они могут быть разбиты на две подгруппы: лексико-семантический разряд единиц с линейным значением (слова и словосочетания, обозначающие отрезок времени) и лексико-семантический разряд единиц с координационным значением (слова и словосочетания, обозначающие временные отношения [17, с. 80].

Внутри разряда **единиц с линейным значением** выделяются следующие группы:

1. Названия интервалов, служащих единицами измерения времени, выражающих меру времени. В русском и английском языках в эту группу входят: *секунда* – second, *минута* – minute, *час* – hour, *неделя* – week, *месяц* – month, *год* – year, *столетие* – century, *тысячелетие* – millenium. Имеются и расхождения: в словаре русского языка нет единицы, соответствующей по значению английскому fortnight (period of time of two weeks) [15, с. 120]. В английском языке нет особого слова для обозначения понятия, выражаемого русским словом *сутки*. Налицо несомненная связь языковых лакун с отсутствием понятий в культуре данного народа. В число единиц, выражающих меру времени, входят также не эквивалентные по значению русское слово *декада* и английское decade: *декада* в русском языке – это промежуток времени в 10 дней, третья часть месяца, decade в английском языке – период в 10 лет [15, с. 155].

2. Единицы счета времени. Они образуются из единиц измерения времени и представляют собой обозначение порядкового номера интервала в серии однозначных единиц, например: *25 октября 1996 года*, October 25, 1996.

3. Единицы номинативного типа, названия которых указывают на их место в серии. Это названия дней недели: *понедельник* – Monday, *вторник* – Tuesday и т.д.; названия времен года: *зима* – winter, *весна* – spring и т.д. Что касается названий частей суток: *утро* – morning, *день* – day, *вечер* – evening, *ночь* – night, то приведенные соответствия крайне упрощают картину, которая на самом деле оказывается значительно сложнее. Один и тот же отрезок времени в 24 часа членится по-разному в русском и английском языках. Говорящие

по-английски делят этот период на три части: morning (от 0 до 12 часов дня), afternoon (от 12 до примерно 18 часов, т.е. до захода солнца) и night (от захода солнца до полуночи). Слова day и night обозначают иное деление суток, не на три, а на две части: светлую (day) и темную (night). В русском языке сутки делятся на четыре части: утро (от восхода солнца до примерно 10 или 11 часов), день (от 10 или 11 часов до захода солнца), вечер (от захода солнца до примерно 10 или 11 часов) и ночь (между вечером и утром) [4, с. 108].

4. Единицы, обозначающие отрезки времени, не имеющие границ: *эра* – era, *эпоха* – epoch, *вечность* – eternity, *век* – age, *момент*, *мгновение*, *миг* – moment, instant, wink. В синтагматике линейные единицы могут выражать длительность явления, не локализуя или локализуя его во времени. В последнем случае линейные единицы обязательно сочетаются с координационными. **Координационные единицы** выражают отношения одновременности, предшествования, следования явления какому-нибудь моменту, выступающему как бы осью координат.

Время как универсальная форма последовательной смены событий оценивается первым субъектом в отношении к моменту непосредственного восприятия им внешнего мира. Этот постоянно движущийся по линии объективного времени момент восприятия (лингвистическим содержанием которого является момент речи) выступает в качестве демаркационной линии между прошлым и будущим. Таким образом, широкое понимание времени раскрывается в философских определениях данной категории и исходным моментом исследования категории времени является дифференциация понятий времени физического, времени мыслительного (перцептуального и когнитивного) и времени лингвистического. Универсальные семан-

тические признаки концептуального времени, а также комбинаторика этих признаков (темпорально-понятийные комплексы) отражают всё многообразие временного варьирования событий и вследствие своей универсальности могут быть использованы в процессе обучения временной системе неродного языка в сопоставлении с родным языком.

#### СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

- [1] – Аскин Я.Ф. Направление времени и временная структура процессов // Пространство, время, движение. – М., 1971. – С. 56-74.
- [2] – Бабушкин А.П. Калейдоскопичная образность концепта «время» // Материалы науч. конф.: Категоризация мира: пространство и время. – М., 2001. – С. 148-149.
- [3] – Болдырев Н.Н. Концептуальные структуры и языковые значения // Материалы 11-ой Международной конференции «Филология и культура». – Тамбов, 2003. – Ч. 3. – С. 62-69.
- [4] – Бондарко А.В. Вид и время русского глагола: (значение и употребление). – М., 1971.
- [5] – Брутян Г.А. Очерки по анализу философского знания. – Ереван, 1979.
- [6] – Голованова И.А., Лapidус Б.А. В поисках рациональных путей обучения системно-взаимосвязанным грамматическим явлениям иностранного языка // Иностранные языки в высшей школе. – 1989. – Вып. 22. – С. 33-43.
- [7] – Жалейко Р.А. Перцептуальное время и его выражение в функционально-семантическом поле времени (на материале английского языка): дисс. ... канд. филол. наук. – М., 1980.
- [8] – Зимняя И.А., Ермолович В.И. Психология перевода. – М., 1981.
- [9] – Кубрякова Е.С. Категоризация мира: пространство и время // Материалы науч. конф. «Категоризация мира. Пространство и время». – М., 2001. – С. 3-14.
- [10] – Ломов А.М. Темпоральные средства русского языка и функциональные связи. – Воронеж, 1979.
- [11] – Рейхенбах Г. Направление времени. – М., 1962.
- [12] – Слюсарёва Я.А. Проблемы функциональной морфологии современного английского языка. – М., 1986.
- [13] – Тураева З.Я. Категория времени. Время грамматическое и время художественное: (на материале английского языка). – М., 1979.
- [14] – Curne G. A Grammar of the English Language. – Boston / N.Y., 1935.
- [15] – Dagut M. A Semantic Analysis of the Simple / Progressive Dichotomy of the English Verb // Linguistics. № 2. – 1977.

#### СПИСОК СЛОВАРЕЙ:

- [16] – Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка. – М., 1989.

УДК 81'243:37  
ББК 81.2-9

**И.Б. Смирнов\***

## **ПРОЯВЛЕНИЕ ИНТЕРФЕРЕНЦИИ КУЛЬТУРНО-СТРАНОВЕДЧЕСКОГО ХАРАКТЕРА В УЧЕБНОЙ КОММУНИКАЦИИ**

Ключевые слова: *интерференция, учебная коммуникация, учебный процесс, страноведение; interference, training communication, educational process, country studies.*

*Статья посвящена исследованию проявления интерференции культурно-страноведческого характера в учебной коммуникации.*

*The article is devoted to the research of such a phenomenon as interference of the cultural and country studies type during the training communication.*

Формирование коммуникативной компетентности изучающих иностранный язык – основная задача учебного процесса, осуществляя которую учащиеся могут добиваться основной цели обучения иностранному языку – быть готовыми вступить в языковой контакт с носителями изучаемого языка как в устной, так и в письменной форме и достигать при этом осуществления собственных коммуникативных задач. В процессе обучения иностранному языку большое внимание уделяется формированию лингвистической компетенции учащихся – т.е. формированию их фонетических и лексико-грамматических навыков. В учебных, т.е. условно коммуникативных ситуациях, имитирующих ситуации реального повседневного общения, интенсивно тренируется употребление тех речевых моделей с их вариативным лексическим наполнением, которые отражают интенциональность говорящего в определенной коммуникативной ситуации. Фонетическая, лексическая и грамматическая стороны речи,

---

\* **Смирнов Игорь Борисович**, кандидат педагогических наук, Ленинградский государственный университет им. А.С. Пушкина

несомненно, предстают в этой работе «объектом номер один», что совершенно оправданно, так как без сформированных языковых навыков общение в реальной коммуникативной ситуации станет едва ли возможным, либо будет сопряжено с большими трудностями лингвистического и психологического характера. Наряду с этим, однако, необходимо иметь в виду, что неотъемлемой составляющей коммуникативной компетентности учащегося является его социокультурная компетенция.

Социокультурная компетенция предполагает наличие:

- знаний о культурном фоне ситуаций реального общения в стране изучаемого языка;
- навыков общения с представителями другой культуры с учетом особенностей их коммуникативного поведения;
- умений адекватно выстраивать свое коммуникативное поведение в реальных ситуациях повседневного общения с представителями страны изучаемого языка как в собственной стране, так и за рубежом.

Формирование культурно-страноведческой компетенции в условиях школьного обучения наталкивается либо на отсутствие культурно-страноведческих знаний о стране изучаемого языка, ее жителях и особенностях их коммуникативного поведения, либо на определенные клише, которые живут в сознании изучающих иностранный язык и заимствуются из родного языка и собственной этнической культуры. Как правило, такие предубеждения имеются в сознании учащихся еще задолго до того, когда они приступают к изучению иностранного языка. Они отражают определенную сторону языковой картины мира данного этноса. Отсутствие собственного опыта непосредственного общения с представителями другой куль-

туры, недостаточное знание особенностей культурного фона может приводить к помехам в общении, затруднять взаимопонимание и препятствовать достижению коммуникативной цели. Поэтому формирование культурно-страноведческой компетенции во время разговорной практики представляется не меньшей составляющей процесса обучения иностранному языку, чем его лингвистическая составляющая.

Во время практических занятий изучающие иностранный язык строят свое коммуникативное поведение исходя из наличия опыта общения как в своей родной стране, так и за рубежом, если таковой имеется. Иногда опыт общения в одной стране переносится на моделирование коммуникативной ситуации в другом культурном пространстве без учета его особенностей. В связи с этим, совершенно необходимо во время учебных занятий не только обращать внимание учащихся на особенности коммуникативного поведения жителей страны изучаемого языка в определенных ситуациях общения, но и учить их строить учебное общение – например, в форме ролевой игры, – по аутентичным моделям, исходя из этикетных норм поведения, принятых в странах изучаемого языка. Этикет определяет модель поведения индивида в стандартных ситуациях общения и влияет на выбор лингвистических средств для их обслуживания. К сожалению, этикетные нормы подвержены не только фактору времени, но и зависят от конкретного социума. Поэтому их изучение в учебном процессе представляет его постоянную составляющую.

Культурно- страноведческие различия в коммуникации начинаются уже при встрече представителей разных культур. Так, в свое время, здороваться за руку было непреложной этикетной обязанностью всех жителей ГДР, поэтому служащие некоторых бюро вынуждены были отстраняться от этой нормы общепринятого поведения и

вывешивать даже специальное объявление «Wir begrüessen Sie ohne Haendedruck». Сегодня рукопожатие при приветствии стало всеобщей нормой во всем германоязычном пространстве. Наши учащиеся не привыкли к этому, они не осведомлены о том, что в соответствии с европейским этикетом за руку здороваются не только мужчины, но и женщины, а нежелание подать руку при встрече может быть расценено как выражение превосходства и никак не соответствует общепринятому демократическому характеру общения. Незнание данных моделей поведения или нежелание следовать им приводит к тому, например, что российские участники международных семинаров воспринимаются их западными коллегами как высокомерные («ueberheblich»).

Полезно знать и то, что европейцы в условиях неформального общения при встрече целуются два раза, а не три, как это принято в России.

Важна информация об особенностях поведения при встрече гостей и при прощании. В данных ситуациях особенно ярко выражаются гендерные вопросы современного коммуникативного поведения. В России, как правило, мужчины помогают женщине снять или надеть пальто, что свидетельствует о воспитанности и следовании сложившимся в нашей стране культурным традициям. Однако, такое поведение расценивается в немецкоязычном культурном пространстве совершенно по-иному: мужчины такого стиля поведения демонстрируют по европейским меркам свое превосходство над женщиной, что никак не соотносится с равенством полов в повседневной жизни и рассматривается негативно, а некоторые эмансипированные женщины могут воспринять такой тип поведения как оскорбительный по отношению к ним.

При составлении и инсценировании диалогов, отражающих тематику повседневного общения в общественных местах, русские

учащиеся в роли покупателя, посетителя ресторана, клиента туристической фирмы и пр. всегда здороваются и начинают разговор первыми, что не отражает особенности коммуникативного поведения в европейских государствах, где клиента, как правило, приветствует хозяин, либо лицо хозяином уполномоченное. В конце разговора именно представитель фирмы благодарит клиента за визит и предлагает ему прийти сюда еще раз («Kommen Sie bitte wieder!»).

В германоязычном пространстве повышенное внимание в современной повседневной коммуникации уделяется вежливому и дружелюбному звучанию диалога, чему способствует и выбор соответствующих лингвистических средств. Русскоговорящие учащиеся, как правило, уделяют формальной стороне диалога недостаточное внимание. Их основное внимание сосредоточено, главным образом, на содержательной стороне речи, поэтому выбор лингвистических средств прямолинеен и обусловлен интенцией собеседника: достичь максимального эффекта при воздействии на адресата. Для достижения этой цели они выбирают либо формы повелительного наклонения, хотя и снабженные смягчающим их прямое действие «bitte», либо фразы с глаголом «muessen», который русские учащиеся предпочитают употреблять в своем родном языке довольно часто. Однако, в немецком языке глагол «muessen» в обращениях к собеседнику звучит большей частью довольно беспардонно, как навязывание своей воли собеседнику и не способствует установлению дружественных контактов, а скорее производит отталкивающий эффект. Аналитические формы сослагательного наклонения, выражающие вежливое, деликатное побуждение к деятельности или к действию, были бы более уместны в таких ситуациях. Категоричность, желание главенствовать, даже помыкать другим человеком в общении довольно часто проявляется в коммуникативных учебных ситуациях,

хотя, возможно, русские учащиеся не всегда это осознают, так как привыкли к такому типу общения на родном языке.

Выше приведенные примеры позволяют сделать вывод о необходимости целенаправленной работы по формированию основ социокультурной компетенции на уроках по развитию устной речи учащихся, дабы преодолевать культурно-страноведческую интерференцию, возникающую в связи с трансфертом норм своего собственного коммуникативного поведения в условиях родной культуры в иное культурное пространство, возникающее на учебных занятиях в процессе изучения иностранного языка. Для того, чтобы моделируемое в учебных целях на уроке иное культурное пространство максимально приближалось к аутентичному, следует оказать учащимся методическую поддержку, заключающуюся в применении на уроке аутентичных учебных материалов: аудиотекстов и текстов для чтения, видео- и художественных фильмов, а также специфичных методов работы, связанных со сравнительным анализом коммуникативного поведения представителей разных культур в схожих ситуациях. Большую роль играет в этом и сам учитель, выступающий на уроке в двух ипостасях – как представитель собственной, родной для учащихся культуры, и как транслятор чужой, иноязычной культуры, познакомить учащихся с особенностями которой он и призван всей своей профессиональной деятельностью. Профессиональная компетентность учителя выступает в данном случае в качестве определяющего фактора в преодолении учащимися культурно-страноведческой интерференции и совершенствовании их коммуникативной компетентности.

УДК 81'243:37:004.738.5  
ББК 81.2-9

**С.И. Тамбиева\***

## **ПОСТРОЕНИЕ ДИДАКТИЧЕСКИХ МОДЕЛЕЙ ДЛЯ РЕАЛИЗАЦИИ ЗАНЯТИЯ ПО ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ НА ОСНОВЕ ИНТЕРНЕТ-ТЕХНОЛОГИЙ**

Ключевые слова: *дидактическая модель, иностранный язык, Интернет-технологии, учебный процесс; didactic model, educational process, Internet technologies, unifying model.*

*В статье рассматривается вопрос о построении дидактических моделей для реализации занятия на основе Интернет-технологий, кроме того, анализируются предложенные другими исследователями пять моделей построения занятия на основе Интернет-технологий, а также предложена собственная комплексная модель учебного процесса с использованием Интернет-технологий при обучении иностранному языку.*

*In the article the problem of constructing didactic models for the lessons using Internet technologies is considered as well as the analyses of five models proposed by other researchers. Also we suggest our own unifying model of the educational process based on the Internet technologies.*

Проблемой моделирования занимаются многие известные педагоги. В современной дидактической литературе распространено представление о моделировании как об одном из методов обучения, хотя как научный метод моделирование известно очень давно. Моделирование (от франц. «образец») – это метод научного исследования, заключающийся в построении и изучении модели исследуемого объекта. Моделью служит система элементов, воспроизводящая определенные стороны, связи, функции предмета исследования, т.е. оригинала [5]. Моделирование образовательного процесса необходимо для определения целей, способов, средств их

---

\* Тамбиева Софья Исмаиловна, Карачаево-Черкесский государственный университет им У.Д. Алиева, г. Карачаевск

достижения и получения надлежащих результатов. Применение моделирования как метода обучения приводит к существенному повышению эффективности обучения.

Организуя процесс внедрения Интернет-технологий в учебный процесс обучения иностранному языку необходимо построить определенные дидактические модели, позволяющие организовать и провести занятие с максимальным использованием современных инфокоммуникационных средств.

Дидактические модели проведения занятий с применением Интернет-технологий и мультимедиа средств базируются на дидактических принципах и дидактических умениях, лежащих в основе применения ИКТ в учебном процессе [2]. Принципами обучения (дидактическими принципами) в высшей школе принято называть положения, выражающие зависимость между целями подготовки специалистов с высшим образованием и закономерностями, направляющими практику обучения в вузе [6]. К ним относятся:

- принцип систематичности, который обеспечивается использованием ИКТ на всех этапах обучения;
- принцип активности и самостоятельности обучающихся предполагает значительную их активность на занятиях с использованием ИКТ, умение ориентироваться в потоке информации, самостоятельное мышление;
- принцип дифференцированного подхода к обучающимся ориентирован на возрастные особенности, уровень знаний, интересов, степень их подготовленности к восприятию. Он определяет методику работы с разными возрастными категориями обучающихся;

– принцип распределенности образовательных ресурсов проявляется в формах представления учебной информации и способах ее доставки (по сети или на локальных носителях), что дает возможность выбора наиболее удобного и привычного для изучения варианта, удобного темпа изучения материала и построения индивидуальной образовательной траектории;

– принцип авторского участия в учебном процессе;

– принцип интерактивности обеспечивается взаимодействием на основе сотрудничества участников образовательного процесса;

– принцип мультимедийного представления учебной информации;

Дидактические умения мы рассматриваем как освоенные преподавателем способы выполнения обучающей деятельности, направленные на решение различных дидактических задач.

Исходной для каждого педагогического умения является отдельная педагогическая деятельность, направленная на достижение определенной цели и состоящая из педагогических действий, которые в совокупности образуют способ ее выполнения. Совершаясь и осваиваясь, эти действия переходят в соответствующие (простые, частные) педагогические умения, которые входят в состав более сложных (обобщенных) педагогических умений [7].

Следовательно, профессиональные дидактические умения, необходимые для управления процессом усвоения знаний и способов деятельности, представляют собой обобщенные умения преподавателя, образуемые некоторой совокупностью частных умений, с по-

мощью которых осуществляется творческое решение конкретных дидактических задач. Они сводятся в следующем:

- умение осуществлять постановку целей;
- умение стимулировать положительную мотивацию в процессе усвоения;
- умение организовать успешное восприятие и усвоение учебного материала;
- умение организовать закрепление и применение знаний, умений и навыков;
- умение осуществлять контроль за ходом усвоения знаний, а также выполнять корректировку процесса усвоения знаний.

Все перечисленные умения направлены на реализацию профессиональных функций преподавателя, которые он выполняет в процессе решения дидактических задач.

На современном этапе решению любых дидактических задач поможет использование инфокоммуникационных технологий и Интернет-технологий в частности. Для обеспечения адекватной подготовки выпускников, способных к продуктивному общению, необходима не только беглость и правильность в лексико-грамматическом аспекте, но и готовность к реальному общению с представителями других культур в бытовой и профессиональной сфере с ориентацией на результат такого общения.

Внедрение Интернет-технологий в процесс обучения иностранному языку это процесс, подразумевающий приобщение обучающегося к отдаленной разнообразной, соответствующей последним достижениям науки информации, отвечающей *профессиональным и*

*личностным интересам обучающегося*, которая должна носить *познавательную, развивающую, воспитательную ценность*. Обеспечиваются условия для самоактуализации учебной деятельности как аспекта самореализации, самообразования обучающегося, самопроверки и самооценки достижений.

Как и любой процесс, использование Интернет-технологий должно быть построено на определенной модели, состоящей из набора определенных компонентов с соответствующими функциями и реализующее деятельность обучающего на основе форм, методов и средств обучения соответствующих тому или ному методу.

Представленные в данном контексте дидактические принципы и умения позволяют перейти непосредственно к рассмотрению дидактических моделей и построению на их основе собственной комплексной модели учебного процесса с использованием Интернет-технологий при обучении иностранному языку.

Особенности приведенных ниже дидактических моделей реализации учебного процесса Кузьминой Н.В., Гинецинского В.И., Демкина В.П., Можяевой Г.В., Руденко Г.В., определяются не только тщательной проработкой механизмов включения ИКТ в учебный процесс, но и анализом возможностей ИКТ с точки зрения решения дидактических задач при обучении иностранному языку. Применение в данном контексте информационных технологий позволяет реализовать дифференцированный подход к обучающимся с разным уровнем готовности к обучению. Интерактивные обучающие программы, основанные на гипертекстовой структуре и мультимедиа, дают возможность организовать одновременное обучение обучаю-

щихся, обладающих различными способностями и возможностями, создать адаптивную систему обучения, что в свою очередь, при обучении иностранному языку, позволит повысить уровень усвоения знаний и реализовать полученные умения и навыки на практике [3].

При построении любой модели, чтобы задать систему, необходимо не только выявить ее структурные элементы, но и определить совокупность связей между ними, то есть описать, как именно составляющие модели зависят друг от друга.

Н.В. Кузьмина предлагает использовать в построении модели учебного процесса пять функциональных компонентов: 1) гностический; 2) проектировочный; 3) конструктивный; 4) организаторский; 5) коммуникативный [4].

*Гностический компонент* относится к сфере знаний педагога. Речь идет не только о знании своего предмета, но и о знании способов педагогической коммуникации, психологических особенностей обучающихся, а также о самопознании (собственной личности и деятельности).

*Проектировочный компонент* включает в себя представления о перспективных задачах обучения и воспитания, а также о стратегиях и способах их достижения.

*Конструктивный компонент* – это особенности конструирования педагогом собственной деятельности и активизации у обучающихся полученных знаний, умений и навыков с учетом ближних целей обучения и воспитания (занятие, цикл занятий).

*Коммуникативный компонент* – это особенности коммуникативной деятельности преподавателя, специфика его взаимодействия

с обучающимися. Акцент ставится на связи коммуникации с эффективностью педагогической деятельности, направленной на достижение дидактических целей.

*Организаторский компонент* – это умение педагога организовать собственную деятельность, а также деятельность обучающихся.

В.И. Гинецинский также предлагает модель учебного процесса системного характера, в которой выделяет четыре функциональных компонента: 1) презентативный; 2) инсентивный; 3) корректирующий; 4) диагностический [1].

*Презентативная функция* состоит в изложении обучающимися содержания материала. Выделение этой функции строится на абстрагировании от конкретных форм обучения. Она ориентирована на сам факт изложения учебного материала.

*Инсентивная функция* заключается в том, чтобы вызвать у обучающихся интерес к усвоению информации. Ее реализация связана с постановкой вопросов, оценкой ответов.

*Корректирующая функция* связана с исправлением и сопоставлением результатов деятельности самих обучающихся.

*Диагностическая функция* обеспечивает обратную связь.

Преобладание той или иной функции указывает на то, что реализуется определенный метод обучения. Например, ведущему положению инсентивной функции сопутствует применение проблемного метода.

Предложенные Демкиным В.П., Можяевой Г.В. и Руденко Т.В. пять типов дидактических моделей проведения занятий с использованием Интернет-технологий (ИТ) отражают в основном формы ра-

боты на занятии по иностранному языку, но в них не находят отражения основные компоненты составляющие ту или иную модель, функции данных компонентов, постановка целей, получение результата [2]. Рассмотрим подробнее модели предложенные данными авторами.

*Первая дидактическая модель* проведения занятий с применением ИТ-занятие с использованием мультимедиа курсов на CD-ROM. Эта модель демонстрирует реальные возможности проведения занятия по иностранному языку с применением мультимедиа технологий (учебных мультимедиа курсов) и преимущества мультимедиа при обучении иностранному языку. Модель занятия с использованием мультимедиа курсов на CD-ROM разработана на примере занятий для начального этапа обучения иностранному языку или самостоятельного его изучения. Занятие носит обобщающе-повторительный характер и построено на сочетании различных видов учебно-познавательной деятельности (организация самостоятельной работы обучающихся с обучающей программой, использующей средства мультимедиа, с помощью которых можно значительную часть учебного процесса передать компьютеру). Обучающие интерактивные программы с мультимедиа приложениями, реализующими основные формы учебной деятельности, являются основным дидактическим средством.

*Вторая дидактическая модель* проведения занятий с применением ИТ-занятие с применением Интернет-технологий. Она разработана на примере занятия для продвинутого этапа обучения иностранному языку или самостоятельного его изучения. Здесь использование Интернет-технологий позволяет активизировать и сде-

лать более эффективной самостоятельную поисковую работу обучающихся. Важным дидактическим средством в данной модели становится использование проекционного и видеооборудования для визуализации этапов занятия и формирования устойчивых визуальных образов.

*Третья дидактическая модель* проведения занятий с применением ИТ-занятие-диалог (организация учебного диалога внутри учебной группы и между распределенными в пространстве участниками учебного процесса). Здесь активно используется технология организации видеоконференции. Данная модель особенно эффективна для проведения интегрированных занятий, построенных на пересечении или совмещении различных предметных областей. Большое внимание при проведении занятия уделяется организации проектной деятельности обучающихся, на которой построена самостоятельная поисковая работа и ее последующее обсуждение. Виртуальное присутствие на занятии специалистов усиливает мотивацию обучающихся и приводит к повышению эффективности учебно-познавательной деятельности.

*Четвертая дидактическая модель* проведения занятий с применением ИТ-занятие с использованием баз данных и лабораторных комплексов с удаленным доступом. Только применение современных ИКТ открывает для вузов такие ресурсы других высших учебных заведений и научно-исследовательских институтов, как вычислительные и имитационные модели, виртуальные лаборатории и т.п. Применение лабораторных комплексов удаленного доступа позволяет проводить лабораторные работы с уникальным экспериментальным оборудованием. Диалог реализован с помощью спутниковых

технологий, обеспечивающих опосредованное участие преподавателя в занятии-видеоконференции. Данная модель особенно эффективна для проведения занятий по профильным дисциплинам: обучающиеся проводят за компьютером максимально допустимое время около 30 минут, что возможно только на старших курсах или на продвинутом этапе обучения иностранному языку. Большое внимание при проведении занятия уделяется организации самостоятельной работы обучающихся и ее последующему обсуждению.

*Пятая дидактическая модель* проведения занятий с применением ИТ-занятие с использованием демонстрационного эксперимента в режиме on-line (использование университетских ресурсов).

Итак, рассмотренные модели являются универсальными как для школы, так и для вузов. Но исходя из специфики нашей статьи нам бы хотелось остановить свое внимание на построении модели характерной для учебного процесса в вузе, но при этом, изучение иностранного языка может рассматриваться как студентами непрофильных специальностей, так и студентами-лингвистами.

Исходя из рассмотренных выше вопросов построения модели, мы предлагаем комплексную модель учебного процесса с использованием Интернет-технологий при обучении иностранному языку, которая представляет собой структурную взаимосвязь целевого, содержательного, технологического и результативного компонентов, а именно: обоснованные цели обучения; содержание обучающих программ (информационно-образовательный, деятельностный и оценочно-результативный модули); условия достижения целей; учебную деятельность преподавателя и обучающихся и результаты обучения (см. схему 1).

## Комплексная модель учебного процесса с использованием Интернет-технологий при обучении иностранному языку



Предложенная модель, по своей природе является открытой, гибкой, дает возможность наполнить реальным содержанием понятия «вариативность образования», «гуманитаризация и информатизация системы профессионального образования».

Применение современных информационно-коммуникационных технологий в учебном процессе значительно расширяет учебно-информационное пространство изучаемого предмета (иностранный язык); совершенствует навыки информационной культуры; позволяет активно пользоваться Интернет-ресурсами в процессе подготовки к занятиям.

#### СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

[1] – Гинецинский В.И. Основы теоретической педагогики. – СПб., 1992.

[2] – Демкин В.П., Можаяева Г.В., Руденко Т.В. Дидактические модели организации учебного процесса с применением Интернет-технологий в школе // Открытое и дистанционное образование. №3 (15). – М., 2004. – С.5-8.

[3] – Демкин В.П., Можаяева Г.В., Яковлева А.Г. Адаптивное обучение на основе информационных технологий // Телематика-2003: Тр. X Всероссийс, научно-методич. конф., Т.2. – СПб, 2003. – С .400-401.

[4] – Кузьмина Н.В. Акмеологическая теория повышения качества подготовки специалистов образования. – М., 2001.

[5] – Новейший философский словарь. – Мн.: Книжный Дом, 2003.

[6] Сергиенко И.В. Дидактические принципы дистанционного обучения // Инновации в образовании. № 2. – М., 2006. – С. 69-77.

[7] – Шайденкова Т.Н. Формирование дидактических умений учителя начальных классов на основе межпредметных связей. – М., МОСУ, 2003 // <http://www.psi.lib.ru/statyi/sbornik/umuch.htm> (Дата обращения: 15.10.2009)

## **НАШИ АВТОРЫ**

**Агаюлова Светлана Исламовна**, Астраханский государственный университет, [Azazel4@mail.ru](mailto:Azazel4@mail.ru)

**Агарзаева Барият Агарзаевна**, Дагестанский государственный педагогический университет, [mmarrina@list.ru](mailto:mmarrina@list.ru)

**Галичкина Елена Николаевна**, кандидат филологических наук, Астраханский государственный университет, доцент кафедры английской филологии, [elenagalich@yandex.ru](mailto:elenagalich@yandex.ru)

**Голоднов Антон Владимирович**, кандидат филологических наук, Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена, доцент кафедры германской филологии, Санкт-Петербург, [antongo@inbox.ru](mailto:antongo@inbox.ru)

**Дубровская Татьяна Викторовна**, кандидат филологических наук, Пензенский филиал НОУ ВПО «Международный независимый эколого-политологический университет», доцент кафедры филологии, [dubrovskaya@sura.ru](mailto:dubrovskaya@sura.ru)

**Знаменская Алла Михайловна**, Государственная полярная академия, Санкт-Петербург, [znamalla@mail.ru](mailto:znamalla@mail.ru)

**Катречко Наталья Алексеевна**, Санкт-Петербургский государственный университет экономики и финансов, [natkatrik@gmail.com](mailto:natkatrik@gmail.com)

**Магамедова Марина Маликовна**, кандидат филологических наук, Дагестанский государственный педагогический университет, г. Махачкала, [mmarrina@list.ru](mailto:mmarrina@list.ru)

**Магомаева Хадижат Магомеднабиевна**, кандидат филологических наук, Дагестанский государственный технический университет, г. Махачкала, [mmarrina@list.ru](mailto:mmarrina@list.ru)

**Меняйло Вера Владимировна**, Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена, Санкт-Петербург, [menyaylo917@mail.ru](mailto:menyaylo917@mail.ru)

**Мигрова Екатерина Сергеевна**, Ленинградский государственный университет им. А.С. Пушкина, Санкт-Петербург

**Резниченко Лариса Юрьевна**, кандидат филологических наук, Поморский государственный университет им. М.В. Ломоносова, доцент кафедры английского языка, г. Архангельск, [seagull888@yandex.ru](mailto:seagull888@yandex.ru)

**Сапожникова Юлия Львовна**, кандидат филологических наук, Смоленский государственный университет, старший научный сотрудник кафедры английского языка, [sapojnikova@rambler.ru](mailto:sapojnikova@rambler.ru)

**Семенихина Мария Васильевна**, Ленинградский государственный университет им. А.С. Пушкина, Санкт-Петербург

**Сергаева Юлия Владимировна**, кандидат филологических наук, Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена, Санкт-Петербург, доцент кафедры английской филологии, [sergaeva@gmail.com](mailto:sergaeva@gmail.com)

**Смирнов Игорь Борисович**, кандидат педагогических наук, Ленинградский государственный университет им. А.С. Пушкина, Санкт-Петербург, [ismirnov@gtn.ru](mailto:ismirnov@gtn.ru)

**Таирова Мариза Оглановна**, кандидат филологических наук, Дагестанский государственный педагогический университет, доцент кафедры общего языкознания, г. Махачкала, [mariza71@mail.ru](mailto:mariza71@mail.ru)

**Темирханова Зарема Багаудиновна**, кандидат педагогических наук, Дагестанский государственный технический университет, зав. кафедрой иностранных языков для гуманитарных специальностей, г. Махачкала, [mmarrina@list.ru](mailto:mmarrina@list.ru)

**Толстолуцкая Евгения Владимировна**, Белгородский государственный университет, [tols-evgeniya@yandex.ru](mailto:tols-evgeniya@yandex.ru)

## **ТРЕБОВАНИЯ К СТАТЬЯМ, ПРИСЫЛАЕМЫМ В ЖУРНАЛ**

Для публикации в «Вестнике Ленинградского государственного университета имени А.С. Пушкина» (серия филология) принимаются научные статьи, отражающие широкий спектр проблем поэтики классической и современной литературы и лингвистики.

Обязательным условием публикации результатов кандидатских исследований является наличие отзыва научного руководителя, несущего ответственность за качество представленного научного материала и достоверность результатов исследования. Публикации результатов докторских исследований принимаются без рецензий.

Рецензирование всех присланных материалов осуществляется в установленном редакцией порядке. Редакция журнала оставляет за собой право отбора статей для публикации.

### **Требования к оформлению материалов**

Материал должен быть представлен тремя файлами:

#### **1. Статья**

Объем статьи не менее 18 и не более 26 тыс. знаков с пробелами. Поля по 2,0 см; красная строка – 1,0 см. Шрифт Times New Roman Cyr, для основного текста размер шрифта – 14 кегль, межстрочный интервал – 1,5 пт.; для литературы и примечаний – 12 кегль, межстрочный интервал – 1,0 пт.

Ссылки на литературу оформляются в тексте в квадратных скобках. Например: [5, с. 56–57]. Список литературы (по алфавиту) помещается после текста статьи.

Фамилия автора печатается в правом верхнем углу страницы над названием статьи.

В левом верхнем углу страницы над названием статьи печатается присвоенный статье УДК.

#### **2. Автореферат**

Содержит:

- название статьи и Ф. И. О. авторов на русском и английском языках;
- аннотацию статьи на русском и английском языках объемом 300–350 знаков с пробелами;
- ключевые слова и словосочетания (7–10 слов) на русском и английском языках.

#### **3. Сведения об авторе**

Содержат фамилию, имя, отчество полностью, место работы, должность, ученую степень, звание, почтовый адрес, электронный адрес, контактный телефон.

В случае несоблюдения настоящих требований редакционная коллегия вправе не рассматривать рукопись.

Статью, оформленную в соответствии с прилагаемыми требованиями, можно:

- выслать по почте в виде распечатанного текста с обязательным приложением электронного варианта по адресу: 196605 Санкт-Петербург, Петербургское шоссе, 10. Кафедра литературы и русского языка, каб. 316.
- отправить по электронной почте: *E-mail*: [vestnikfilol@yandex.ru](mailto:vestnikfilol@yandex.ru)

Статьи принимаются в течение года.

Редакция оставляет за собой право вносить редакторскую правку (не меняющую смысла) в авторский оригинал.

При передаче в журнал рукописи статьи для опубликования презюмируется передача автором права на размещение текста статьи на сайте журнала в системе Интернет.

Плата за опубликование рукописей аспирантов не взимается.

Гонорар за публикации не выплачивается.

*Редакционная коллегия:*

196605, Санкт-Петербург, Пушкин

Санкт-Петербургское шоссе, 10

тел. (812) 479-90-34

*E-mail*: [vestnik\\_lgu@list.ru](mailto:vestnik_lgu@list.ru)

Для заметок

*Научный журнал*

**Вестник  
Ленинградского государственного университета  
имени А. С. Пушкина**

**№ 5**

**Том 2**

**серия филология**

Редактор *Т. Г. Захарова*  
Технический редактор *Е. В. Дворецкая*

---

Подписано в печать 07.12.2009. Формат 60x84 1/16.  
Бумага офсетная. Гарнитура Arial. Печать офсетная.  
Усл. печ. л. 15. Тираж 500 экз. Заказ № 464

---

Ленинградский государственный университет имени А.С. Пушкина  
196605, Санкт-Петербург, Пушкин, Петербургское шоссе, 10

---

РТП ЛГУ 197136, Санкт-Петербург, Чкаловский пр., 25а